КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL-ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

v.63

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Накануне русско-японской войны.— Дневник Б. Никольского. — Некоторые даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова.—Обзор архивных материалов по истории фабрики „Красный Перекоп". — Николай Романов об англо-бурской войне.—К биографии Л. Н. Толстого.— Из резолюций Николая Романова. — К истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х годах XIX в.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЕЙ НАУК СССР ВЫПУСКАЕТСЯ
НОВАЯ СЕРИЯ

„ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ"

Том I объемом 25 печ. лист. вышел из печати. Ц. 7 руб.

Содержание (в выдержках)

Акад. **В. П. Волгин.** Международный конгресс историков в Варшаве.— **Б. Д. Греков.** Проблема генезиса феодализма в России.— **М. В. Джервис.** К вопросу о разделах Польши (критико-историографические заметки) — **С. Я. Боровой.** Евреи в Запорожской Сечи (по материалам Сечевого архива).— **И. П. Петрушевский.** Социальная структура Джаро-Белаканских вольных обществ накануне российского завоевания.— **С. Г. Томсинский.** К вопросу о прусском типе хозяйства на Дону.— **М. Мартынов.** Удмурты (вотяки) в эпоху раннего феодализма.— **Н. Н. Ульянов.** Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII в.— **М. А. Гуковский.** Советская литература по итальянскому Возрождению. **Сообщения и материалы**— В. Г. Гейман. Проект Беломорско-волжского канала в XVII в. Совещание по истории крестьянских войн (конспективный отчет) и др. материалы. **Критика и библиография.**

„ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ" представляют собой собрание исследований и материалов, на основе марксистско-ленинской методологии по-новому освещающих различные моменты истории народов СССР и стран Запада и Востока. Сборники вводят читателя в круг ближайших конкретных проблем, над которыми работает советская историческая мысль.

В том I входят статьи по методологическим вопросам исследования, сообщения и прочие материалы. Специальный отчет знакомит с содержанием работ созванного Академией наук СССР и Коммунистической академией совещания по истории крестьянских войн. Разнообразно и содержательно подобран критико-библиографический отдел.

„СБОРНИКИ" необходимы каждому историку и обществоведу. Кроме специалистов, они интересны для всякого подготовленного читателя, близко знакомящегося с прошлым народов СССР.

Заказы направлять Книжному магазину Изд-ва Академии наук СССР. Ленинград, 11. Пр. 25 Октября, 29.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Сдано в произв. 5/III — 20/IV 1934 г. Подписано в печать 4/VI 1934 г.
Статфор. Б$_5$ 176 × 250 9^3/$_4$ п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 9. Зак. 190
Уполн. Главлита Б—36990 Тираж 3000

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

Накануне русско-японской войны.

(Декабрь 1900 г. — январь 1902 г.).

Публикуемые ниже документы охватывают период от 18 декабря 1900 г. до 8 января 1902 г. Тридцать два года прошло с того времени. Несмотря на это можно с полным основанием сказать, что публикуемая впервые переписка между царскими посланниками и министром иностранных дел Николая II Ламздорфом, как и переписка последнего с другими членами царского правительства, представляет крупный политический интерес и для настоящего времени. Она содержит много поучительнейших данных для характеристики авантюристской политики царского империализма на Дальнем Востоке вначале XX столетия, завершившейся грандиозным поражением. Она также дает много нового для характеристики авантюристской политики японского империализма на Дальнем Востоке не только тогда, но и сейчас, тридцать два года спустя. И совершенно ясно, что дело тут не в формальной аналогии, а в объективном положении классов. Публикуемые документы не только раскрывают в известной степени тайну рождения русско-японской войны на решающем этапе ее подготовки, но прекрасно отражают истинное содержание империалистической внешней политики современной Японии, занявшей на Дальнем Востоке место царского самодержавия, со всеми присущими ему чертами.

Если к тому же учесть, что подготовка—внутренняя и внешняя—Японии к войне с царской Россией до сих пор освещена документально очень слабо, то станет ясным значение публикуемых документов, которые бросают свет на эту сторону, наименее изученную нашими историками.

Решающая вооруженная схватка между российским и японским империализмом, начавшаяся в январе 1904 года, подготовлялась втечение ряда лет.

Еще 22 марта 1900 года английский посланник в Токио Сетоу писал лорду Салисбюри: «Полагаю, что война между Россией и Японией неминуема. Япония не будет готова раньше 1903 года[1]), хотя некоторые утверждают, что она должна воевать теперь или никогда, пока еще не закончена Сибирская дорога». Этот документ, не лишенный значения, опубликован в «Таймсе» 5 марта с. г., 34 года спустя! В британских архивах, надо думать, хранится немало еще более важных документов, относящихся к той эпохе. Но даже увидевший свет небольшой отрывок из письма Сетоу Салисбюри показывает, что будущий союзник японского империализма был в курсе всего происходившего. Война была предрешена и к ней готовились всесторонне.

Начиная с 1900 года Япония стала развивать особенно энергичную деятельность в области вооружения и подготовки к большой войне. Полным ходом шло вы-

[1]) Разрядка наша. — *И. Е.*

полнение военно-морской программы, накопление запасов военного имущества, обучение резервов [1]). Словом, подготовлялся тот военный аппарат, который должен был при первой же возможности переложить сложные дипломатические формулы на прозаический язык пушек. Этого требовали те политические цели, к которым господствующие классы Японии настойчиво стремились десятки лет: отбросить своего соперника — царскую Россию от тихоокеанского побережья, самим окончательно завладеть Кореей, закрепиться в Манчжурии, протянуть свои щупальцы в сторону Монголии, имея в перспективе стать решающей силой при разделе Китая. Готовилась Япония не менее широко и в политическом отношении. Кое-что об этом сообщает Извольский в своих депешах и письмах на протяжении почти всего 1901 года. В сущности говоря японский империализм был и в этом смысле несравненно лучше подготовлен к войне, чем царское самодержавие. Если однако война началась лишь 3 года спустя, то это прежде всего объясняется тем, что еще не была завершена ее внешнеполитическая и финансовая подготовка [2]).

Документы, публикуемые ниже, заканчиваются исключительно важной датой—8 января 1902 г. Как известно, несколько дней позже был заключен англо-японский военный союз. К этому же времени с полной очевидностью выяснилось, что и американский империализм, чрезвычайно озабоченный безостановочным проникновением царской России в Китае, будет содействовать Японии. Так именно и случилось впоследствии. В итоге царское самодержавие оказалось изолированным. И это обстоятельство сыграло немаловажную роль в победе японского империализма над царизмом, чем бездарность царских министров и гнилость всего режима Романовых.

Ценность публикуемой переписки заключается в том, главным образом, что она позволяет необычайно ярко установить задачи империалистической дипломатии в период, непосредственно предшествующий вооруженной схватке, в период, когда вопрос о войне уже предрешен. И надо сказать, японская империалистическая дипломатия того времени справилась со своей задачей. Справилась в основном и главном: она сумела обеспечить себе выгодное внешнеполитическое положение, она точно установила действительно международное положение противника, — оно было сложным и затрудняло сосредоточение всех его сил в том пункте, который для японского империализма имел решающее значение, т. е. на Дальнем Востоке.

Она не менее точно определила также внутриполитическое положение России—оно также было чрезвычайно трудным, здание царского самодержавия уже сильно трещало под усиливающимися ударами нараставшей первой русской революции.

Она вместе с тем отчетливо «прощупала» настроение и намерения господствующих группировок, дворцовой камарильи, бюрократии и придворных клик в царской России.

Миссия маркиза Ито, предложения которого были высокомерно отвергнуты в Петербурге, где они были поняты как признак слабости, имела между тем вполне точное предназначение: позондировать почву накануне заключения англо-японского союза [3]).

---

[1]) Об этом в Петербурге знали, но все же не представляли себе, как широко идет подготовка к войне в Японии. См. соответствующие успокоительные заверения Извольского и донесения царского военного агента в Токио.

[2]) См. например, секретную телеграмму царского посла в Париже Урусова Ламздорфу от 26/XII 1901 г. (8/I 1902 г.)

[3]) Японский и царский проекты соглашения показывают, как непримиримы были противоречия между сторонами, показывают лучше и ярче, чем можно было себе представить.

Наконец, на протяжении всего года японской дипломатии удается, в сущности, вести царское правительство за нос и порадовать его «рождественским яичком» в виде англо-японского союзного договора, заключенного в Лондоне спустя неполных 2 месяца после пребывания маркиза Ито в царской столице!

Если царского бюрократа Ламздорфа и его коллег из других министерств иногда и брали сомнения относительно готовности царского империализма в военно-политическом отношении к продолжению взятого курса (см., например, письмо к управляющему военным министерством от 18 июня 1901 г. и др.), то для них никогда не подлежало сомнению главное, а именно, что для Японии захват Кореи и Манчжурии лишь первая ступень к новым обширным завоевательным планам на Дальнем Востоке. Неслучайно ведь японское правительство так старательно пытается вначале проникнуть в «тайны» русско-китайских переговоров! Его эти переговоры интересовали и заботили потому, что они лишь формально имели целью установление порядка и условий эвакуации царских войск из Манчжурии, оккупировавших всю страну под предлогом борьбы с боксерским восстанием 1900 г. На самом деле «местный» договор должен был подготовить окончательный захват трех китайских провинций в недалеком будущем царским империализмом.

Русско-китайские переговоры о Манчжурии проходят через всю публикуемую переписку, как эпизод в борьбе между царским империализмом и японским. Но это эпизод чрезвычайно важный — он позволяет установить, что уже за три года до начала военных действий *неизбежность их была совершенно ясна как в Петербурге, так и в Токио*. Достаточно в этом смысле красноречивым свидетельством являются письмо Извольского Ламздорфу от 23 марта 1901 г. и ряд писем Ламздорфа Извольскому, а также военному министру и министру финансов, которые вошли в настоящую публикацию. Вопрос сводился лишь к времени.

Как же царское правительство использовало почти три года, оказавшиеся в его распоряжении? Да, собственно говоря, никак!

Значит ли это, что господствующие классы царской России *не хотели* делать все выводы из авантюристической политики, которая ими проводилась на Дальнем Востоке? Значит ли это, что в Петербурге *не желали* учесть все обстоятельства, которые уже в 1901—1902 гг. властно напоминали о том, что дело идет к войне? Дело, конечно, не в желании. Как раз в своих желаниях царское самодержавие не знало удержу. Но именно русско-японская война показала, насколько велико несоответствие между желаниями и объективными возможностями для исторически обреченных классов, когда они оказываются лицом к лицу с новой исторической силой. В таком положении очутился царский режим в 1904—1905 гг. В этом же положении оказывается японский империализм сейчас.

Не мешает вспомнить замечательные строки покойного М. Н. Покровского из его предисловия к дневнику Куропаткина: «Суть была в том империалистическом авантюризме, который жил в крови последнего представителя династии. Николай жадно тянул руки ко всему, что, казалось ему, плохо лежит: ограниченность его сказывалась в том, что он *не умел разобрать, что именно плохо лежит*, и больно получал по рукам»[1]). Эту блестящую характеристику можно с успехом распространить на царское самодержавие в целом, не только на его желания, но, главным образом, на способности, в самом широком смысле этого слова. Но ее также можно распространить и на господствующие классы Японии, *одной из самых реакционных сил современности, стремящейся*

[1]) «Красный архив», 1923 г. том. II, стр. 8. Набранное разрядкой подчеркнуто нами. — *И. Е.*

превзойти царское самодержавие прежде всего в роли жандарма против трудящихся масс Азии и в первую голову Китая, претендующей на роль «оплота против большевизма». Японский империализм, так же как и царское самодержавие накануне русско-японской войны, жадно протягивает руки ко всему, что, как ему кажется, плохо лежит; так же как и царская дворцовая камарилья, японская военщина не умеет разобрать, что именно плохо лежит! Разница только в том, что Романовы больно получили по рукам, а японские империалисты явно рискуют головой! И тот факт, что это обстоятельство их не останавливает, как не останавливало царский империализм, который безудержно рвался к новым авантюрам, свидетельствует лишь о степени одряхления и внутреннего разложения господствующих клик в Японии.

Тридцать два года назад Япония находилась в ином положении: беспредельный авантюризм николаевского режима позволял милитаристским и столь же авантюристским группировкам Японии маскировать свои не менее широкие захватнические империалистические планы в отношении Кореи и Китая «исторической миссией» защиты целостности Китая и независимости Кореи. Тридцать два года назад иначе решался вопрос о внутриполитической подготовке войны: пролетариат в Японии был в зачаточном состоянии, и классовая дифференциация в целом была значительно слабее, а это в громадной степени облегчало господствующим классам дело подготовки масс к войне, тем более, что царский империализм и не скрывал своих намерений относительно самой Японии. К тому же и окружающая обстановка не та, что в 1904—1905 гг. Трудящиеся массы Китая и Кореи — это «плохой» тыл для японского империализма.

Спустя тридцать два года в совершенно иной обстановке японский империализм проходит тот этап своего бытия, который для царского самодержавия закончился катастрофой в 1905 году.

Публикуемые документы имеют, таким образом, троякое значение. В-первых, они позволяют более подробно выяснить характерные черты политики царского империализма на Дальнем Востоке, черты, повидимому, «бессмертные», ибо мы их почти полностью видим воспроизведенными в нынешней Японии. В-вторых, они дают немало поучительного материала для оценки внутриполитического положения в Японии накануне заключения англо-японского союза. В-третьих, они содержат небезынтересный фактический материал для характеристики дипломатического механизма развязывания войны на первом этапе развития империализма и для оценки значения так называемых «мирных» начинаний империалистических правительств, их «миротворческих усилий», направленных к маскировке военных приготовлений.

Роль «умеренного» и «миролюбивого» маркиза Ито обрисована в публикуемых документах достаточно выпукло. Но они бросают яркий свет и на нынешнего маркиза Ито — адмирала Саито, так же как и на современного Комура — министра иностранных дел Хирота. Это — все знакомые лица!

В иной обстановке эти документы имели бы для нас только историческое значение. Но ни для кого не является сейчас тайной, что японский империализм лихорадочно готовится к войне против СССР, готовится, по образному выражению тов. Блюхера на XVII съезде нашей партии, к тому, «чтобы сделать прыжок на наш Дальний Восток». В Токио, повидимому, не совсем понимают, в чем заключается различие между двумя эпохами, разделенными тридцатью двумя годами. А главное, руководящие круги Японии, в понятии которых еще не померкло прошлое, очень часто продолжают подходить к оценке положения с точки зрения, которую можно было приложить к царской России, но совер-

шенно негодной сейчас, спустя семнадцать лет после свержения николаевского режима, уничтожения старой буржуазно-помещичьей России и непрерывного роста могущества великого Советского Союза, действительной и подлинной социалистической родины населяющих ее трудящихся народов, воодушевленных борьбой за социализм. Трудящиеся Японии знают, что за шовинистическими баснями военно-фашистских элементов о «красном империализме» скрывается их страх перед нарастающим революционным кризисом в их собственной стране, звериная ненависть против отечества трудящихся всего мира и неутолимая жажда новых колониальных сверхприбылей.

В новой исторической обстановке японский империализм идет по старой дорожке царского самодержавия, воспроизводя его наиболее яркие особенности—реакционность и авантюризм. Он спешит, подталкиваемый логикой событий, которые уже привели к тому, что империалистическая Япония очутилась в исключительно сложной внутренней и международной обстановке; он сам всемерно форсирует ход событий. Условия однако радикально изменились. После разгрома на полях Манчжурии, после Цусимы наступила первая русская революция, но царский империализм, хотя и значительно ослабленный, еще просуществовал 12 лет, сумев обрушить на трудящихся России ужасы мировой империалистической войны, в которой царское самодержавие потерпело полное крушение. Японскому империализму, повидимому, суждено пройти этот путь по сокращенной программе, ибо тех внутренних сил, которыми он располагал тридцать два года тому назад, у него сейчас нет. Революция стучится в двери империи, и ее победа не потребует 12 лет!

И. Ерухимович.

Депеша посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 18 декабря 1900 г. № 48 [1]).

Возникшая здесь некоторое время тому назад организация под названием «Национальный союз» продолжает весьма деятельную агитацию в пользу поддержания всеми средствами принципа «целости и неприкосновенности Китайской империи».

Как я уже имел честь доносить, агитация эта главным образом направлена против приписываемых России завоевательных замыслов по отношению к Манчжурии, причем затрагивается также вопрос о Корее, самостоятельности которой также, будто бы, грозят наши действия в Северном Китае. На-днях состоялось общее собрание союза под председательством его вожака, президента палаты господ — князя Конойе. После длинных речей на вышесказанную тему собрание приняло два решения: одно, общее, порицающее нерешительную политику японского правительства, и другое, специальное, имеющее следующий текст:

«Настоящее состояние Манчжурии несогласно с принципом сохранения целости Китайской империи и является угрозою по отношению к Корее. Необходимо поэтому как можно скорее найти средство изменить это положение вещей».

Вышеописанная агитация не лишена, по моему мнению, серьезного значения и весьма способствует поддержанию среди японского общества возбуждения по поводу наших действий в Манчжурии. Пропаганда князя Конойе и его единомышленников затрагивает весьма попу-

[1]) Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве внешней политики. Текст их подготовил к печати М. Н. Гершевич.

лярную среди здешних националистов мысль о цивилизаторской миссии Японии в Китае и об общности интересов всех представителей желтой расы и находит особенно сильный отголосок в консервативных слоях японского общества. Поэтому, хотя маркиз Ито[1]) еще до вступления во власть высказался против этой пропаганды, ныне он, очевидно, опасается принять против нее какие-либо меры, и князь Коноэ, несмотря на официальное свое положение, беспрепятственно продолжает свою агитацию.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 4 января 1901 г.

Несмотря на полученное мною от маркиза Ито конфиденциальное уверение о готовности его вступить в обсуждение условий, на которых могла бы состояться нейтрализация Кореи, Като[2]) сказал мне, что японское правительство предпочитает отложить переговоры об этом вопросе до того времени, когда окончательно выяснится судьба Манчжурии. Эта перемена настроения вызвана возникшею здесь во всех сферах сильной агитацией по поводу известия о заключении между нами и местною китайской администрацией соглашений, которым придается значение формального договора об учреждении русского протектората над Манчжурией. Сославшись на историю русско-японского соглашения 1898 года о Корее[3]), последовавшего непосредственно за занятием нами Порт-Артура и Талиенвана, Като прямо высказал опасение, что, если японское правительство вступит в настоящее время в новую сделку о Корее, это будет истолковано в том смысле, что оно заранее мирится с условиями вышесказанного договора о Манчжурии. Агитация по поводу манчжурского и корейского вопросов приняла за последние дни большие размеры и производит сильное давление на правительство, ослабленное продолжающейся болезнью и отсутствием маркиза Ито.

Сообщение японского посланника в Петербурге от 9 января 1901 г.[4]).

Принимая во внимание временный и условный характер пользования Россией частью Ляодунского полуострова, а также принимая во внимание, что территория, которую она арендует, занимает ограниченное пространство и отделена от границ Кореи, возможно было это положение России примирить со вторым доводом, выдвинутым державами, когда они советовали Японии очистить Ляодунскую провинцию, и по-

---

[1]) Маркиз Ито (1840—1909), японский премьер-министр в 1900—1901 гг., один из крупнейших представителей правящей бюрократии Японии, автор японской конституции 1890 г. и создатель японской партии воинствующего японского империализма сейюкай.

[2]) Като — японский министр иностранных дел в 1901 г.

[3]) Русско-японский протокол от (25) 13 апреля 1898 г. под флагом взаимного обязательства о сохранении независимости Кореи и невмешательства в ее внутренние дела представлял собой грубое вмешательство царской России и Японии во внутренние дела Кореи и фактически положил конец ее независимости. Договор обязывал обе стороны не принимать мер к назначению военных инструкторов и финансовых советников при корейском правительстве без предварительного взаимного соглашения. Кроме того царское правительство обязывалось не препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей.

[4]) Перевод с французского.

этому Япония без колебаний подписала с Россией протокол от 25(13) апреля 1898 года.

Однако в настоящее время положение России в Манчжурии носит совершенно иной характер; оно могло бы естественно возбудить опасения, если бы Россия не заявила положительно о своем намерении очистить провинцию.

Протокол 1898 г. сохраняет свою силу. С японской точки зрения этот протокол действует прекрасно и вполне соответствует требованиям настоящего момента (Le protocole de 1898 demeure encore en vigueur. Il semble au point de vue du Japon que ce protocole se trouve bien à nous régir en répondant bien aux exigences actuelles.)[1]).

При этих обстоятельствах японское императорское правительство придерживается того мнения, что для того, чтобы устранить всякие выводы и умозаключения, которые возможно могли бы проистекать из акта нейтрализации, было бы целесообразно отложить переговоры до того времени, когда будет восстановлено «status quo ante», что позволило бы нам возобновить обсуждение вопроса, не испытывая влияния посторонних соображений.

Депеша посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 14 января 1901 г. № 2.

Я имел честь получить телеграмму от 2 января[2]), которой вашему сиятельству угодно было уполномочить меня самым категорическим образом опровергнуть известие о состоявшемся будто бы между Россией и Китаем договоре касательно протектората над Манчжурией. Как мною сказано в предыдущем донесении, еще до получения этой телеграммы, я счел себя в праве заявить японскому министру иностранных дел, что вышесказанное известие могло быть основано лишь на явном недоразумении и что речь, без сомнения, шла лишь о временном урегулировании отношений между нашими войсками и местной администрацией. Ни это заявление, ни весьма энергические мои представления о неблаговидности и опасности беспрепятственной агитации против России на почве манчжурского вопроса не произвели однако на г. Като должного впечатления, и описанное мною шовинистское движение продолжало с каждым днем развиваться, при явном попустительстве со стороны правительства. Особенно серьезное внимание г. Като я счел долгом обратить на деятельность «Национальной унии» и председателя ее князя Конойе, участие которого в открыто враждебной нам пропаганде, по моему мнению, отнюдь не совмещалось с его званием президента палаты пэров и официальным положением при японском дворе (он состоит попечителем принадлежащего дворцовому ведомству дворянского училища).

Это натянутое положение продолжалось до того момента, когда я мог уже не от собственного имени, а на основании полученных мною

---

[1]) Ср. ниже, стр. 42.

[2]) В телеграмме Извольскому от 2 января 1901 г. Ламздорф сообщал, что переговоры с особо назначенным китайским уполномоченным имеют целью «урегулирование многосторонних вопросов, связанных с восстановлением в Манчжурии китайской административной власти и водворением в провинции прочного порядка, могущего обеспечить спокойствие на нашей обширной сухопутной границе и обусловленную особой конвенцией постройку Манчжурской дороги».

от вашего сиятельства инструкций, опровергнуть вымысел о тайном русско-китайском договоре и разъяснить истинный смысл соглашения, заключенного между главным начальником Квантунской области и мукденским цзяньцзюнем[1]). Передав г. Като в общих словах содержание телеграммы вашего сиятельства, я еще раз самым настойчивым образом поставил ему на вид безрассудность происходившей агитации и высказал ему мое твердое убеждение, что от воли правительства вполне зависело удержать это движение в надлежащих рамках. На этот раз слова мои не остались без результата: на следующий же день в газете «Japan Times», инспирируемой японским министерством иностранных дел, появилась успокоительная статья; в тот же день комитет «Национальной унии» получил от начальника столичной полиции уведомление, что отныне ассоциация эта будет считаться политическим сообществом; чрез это «Национальная уния» подчиняется действию специального закона о политических сообществах, и деятельность ее будет подлежать, до известной степени, надзору полиции. Кроме того это распоряжение заставит, вероятно, князя Коноэ или отказаться от председательства в «унии» или же оставить придворную должность. Вместе с тем японское правительство решило, очевидно, принять и некоторые другие, негласные меры для прекращения агитации, ибо тон газет внезапно значительно понизился, и нападки их на Россию со дня на день сделались реже и мягче. Успокоению умов, как я имел честь телеграфировать, значительно содействует также возвращение к своему посту маркиза Ито, очевидно, призвавшего к порядку остававшихся во время его отсутствия хозяевами положения молодых членов кабинета.

Можно ли считать, что возникшее здесь столь внезапно возбуждение действительно и окончательно улеглось, покуда сказать весьма трудно. Истинные причины двусмысленного положения, занятого в настоящем случае правительством, не совсем ясны. Весьма возможно, что воинственная агитация против России понадобилась кабинету для того, чтобы побороть противодействие парламента и собственной его партии проекту увеличения налогов для покрытия военных издержек в Китае. Но, кроме того, здесь, очевидно, происходит борьба среди самих членов правительства, между благоразумными элементами, представляемыми маркизом Ито, и группой молодых министров, во главе которых стоит г. Като. Покуда власть находится в руках крупнейшего из так называемых «старших» государственных людей Японии,— Meiji statesmen[2]) —

---

[1]) Повидимому имеется в виду соглашение, заключенное 13/XI ст. ст. 1900 г. между начальником Квантунской области, вице-адмиралом Алексеевым и мукденским цзяньцзюнем (губернатором) Цзень-шн. По этому соглашению в Мукдене и других городах сохранялись русские гарнизоны. Сохранялось также русское управление в Инкоу и в других местах до того момента, как «установится порядок и спокойствие» в этих местностях. Цзяньцзюню же предоставлялось лишь право организовать вооруженную городскую и земскую полицейскую стражу.

При цзяньцзюне должен был состоять русский комиссар, который должен был быть осведомлен обо всех важнейших делах.

Несмотря на передачу военной и полицейской власти в руки русских военных властей ответственность за «порядок и спокойствие» и «беспрепятственную» постройку железной дороги перекладывалась на цзяньцзюня.

[2]) Meiji statesmen — государственные люди эпохи Мейджи, эпохи революционного низвержения старой феодальной власти в Японии в 60-х годах XIX века представителями нового слоя дворянства, тесно связанного с торговой буржуазией. Эта часть дворянства боролась и победила под знаменем восстановления императорской власти в Японии.

вспышки вроде только что описанной, несмотря на всю их безрассудность, не представляют непосредственной и неминуемой опасности. Но если молодым и честолюбивым деятелем вроде г. Като удастся выдвинуться в первый ряд, весьма возможно, что самого пустого повода будет достаточно для вовлечения Японии в опасные осложнения. Указанная мною борьба будет, вероятно, теперь перенесена на парламентскую почву, и на-днях ожидается в нижней палате со стороны националистов ряд запросов о внешней политике правительства, причем, как говорят, маркиз Ито подвергнется резким нападениям за приписываемую ему склонность к дружбе с Россией. Нельзя не пожелать, чтобы маркизу Ито удалось в полной мере утвердить свой авторитет по отношению к беспокойным элементам как в парламенте, так и среди собственных его сотоварищей, ибо лишь при этом условии можно надеяться избежать повторения в еще более острой форме инцидентов вроде описанного.

Извольский.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 17 января 1901 г.[1]).

Здешний японский посланник передал мне «памятную записку» приблизительно следующего содержания:

Ввиду нынешнего существенно изменившегося положения дел в Манчжурии японское правительство находит предпочтительным отложить переговоры о нейтрализации Кореи впредь до восстановления status quo ante. Остающийся до сих пор в силе протокол 13 апреля 1898 года, по мнению Японии, вполне отвечает требованиям настоящей минуты.

На это сообщение я отвечал, что с удовольствием принимаю к сведению заявление японского правительства о том, что оно признает существующие между нами соглашения по корейским делам вполне удовлетворительными, так как императорское правительство всегда придерживалось того же мнения. Почин в вопросе о нейтрализации Кореи принадлежит не России, и если вам поручено было войти по сему предмету в переговоры с токийским кабинетом, то лишь потому, что в самой Японии неоднократно высказывались взгляды, будто протокол 1898 года недостаточно определяет взаимные отношения обоих государств к Корее.

Что касается, наконец, положения дел в Манчжурии, то оно ясно и точно обрисовано в телеграмме моей от 8 января.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 29 января 1901 г.

Като дал парламенту следующий письменный ответ на запрос о Манчжурии: «Все державы признали необходимым сохранить целость Китая, Россия же заявила, что она заняла Ню-Чуан временно для восстановления порядка и спокойствия в Манчжурии и защиты железной дороги в восточном Китае и что, по восстановлении порядка и спокойст-

[1]) На документе царская помета синим карандашом: «С[огласен]»; далее рукою Ламздорфа: «С.-Петербург, 17 января 1901 г.».

вия в Манчжурии, она отзовет оттуда свои войска, если только действия других держав не послужат этому препятствием. Японское правительство полагается как на это официальное заявление России, так и на искренность желания держав сохранить целость Китая.»

Кроме этого письменного ответа Като изложил в пространной речи ход последних событий и участие в них Японии. Речь эта, по тону, вполне умеренна, но заключает некоторые недомолвки, указывающие на недоверие к нашим заявлениям о Манчжурии. Так, по поводу слухов о русско-китайском секретном соглашении Като сказал следующее: «Японское правительство осведомлено об этих слухах, но достоверно об этом ничего не знает. Повидимому, речь идет о некоторого рода соглашении, заключенном между китайскими местными и русскими порт-артурскими властями, но не утвержденном еще центральными властями. Будет ли это соглашение иметь впоследствии официальное значение,— совершенно неизвестно, а потому не могу вам сказать здесь ничего более».

Извольский.

Донесение посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 1 февраля 1901 г. № 6.

Телеграммами от 26[1]) и 29 января я имел честь уведомить ваше сиятельство о запросах, сделанных японскому правительству в парламенте о его внешней политике, в особенности по отношению к манчжурскому вопросу, и об ответе министра иностранных дел на эти запросы. Ныне считаю долгом представить при сем по возможности точный русский перевод официального японского текста: 1) письменного (согласно существующей здесь практике) ответа кабинета парламенту и 2) той части устной речи г. Като, которая непосредственно касается манчжурского вопроса.

В телеграмме моей от 29 января я позволил себе высказать, что, хотя речь г. Като бесспорно отличается умеренностью тона, она заключает однако существенные недомолвки, могущие объясниться лишь крайним недоверием японского правительства к нашим заявлениям о Манчжурии. Действительно, после категорического опровержения с нашей стороны слухов о тайном договоре между нами и Китаем министр иностранных дел, конечно, мог дать парламенту несколько более определенные и успокоительные объяснения. Казалось бы, что г. Като имел тем менее основания отрицать осведомленность японского правительства об этом предмете, что он получил достоверные сведения из двух источников: от меня и от японского посланника в Петербурге, которому, как мне известно от самого г. Като, ваше сиятельство изволили дать, хотя не официальные, но вполне дружественные разъяснения об истинном смысле соглашения, состоявшегося между вице-адмиралом Алексеевым[2]) и мукденским цзяньцзюнем. Подобные недомолвки не-

[1]) В телеграмме Ламздорфу от (8 февраля) 26 января 1901 г. Извольский сообщал, что несмотря на улегшееся возбуждение в печати в парламенте продолжалась шовинистическая агитация вокруг предполагаемых планов России в Манчжурии в форме многочисленных запросов японскому правительству по внешним политическим вопросам вообще и по манчжурскому вопросу в особенности.

[2]) Алексеев Е. И., вице-адмирал, начальник Квантунской области, затем наместник на Дальнем Востоке (с 1903 г.). Своей агрессивной политикой много способствовал обострению отношений Японии с Россией, повлекшему за собой русско-японскую войну.

вольно наводят на мысль, что г. Като намеренно старается поддержать в парламентской и общественной среде беспокойство насчет наших планов в Манчжурии. Я не решаюсь однако вполне определенным образом возвести на него это обвинение; практика парламентских речей здесь еще весьма мало выработана, и цель правительственных сообщений часто заключается лишь в том, чтобы как можно скорее положить конец нежелательному вмешательству парламента. С этой точки зрения, неопределенность ответа г. Като имела хорошую сторону, ибо этим путем отнимался повод к дальнейшим прениям, которые могли бы принести лишь еще больший вред русско-японским отношениям. Действительно, после окончания вышесказанной речи между министром иностранных дел и некоторыми членами оппозиции произошел лишь весьма незначительный обмен мыслей.

Речь г. Като, в общем, и за исключением тех ее мест, которые относятся к манчжурскому вопросу, произвела здесь вполне благоприятное впечатление. В ней ясно и без излишней хвастливости излагается участие Японии в последних событиях. Присоединение Японии к англо-германскому соглашению [1]) упомянуто в ней в чисто деловом тоне, без всяких толкований и комментариев; наконец, особенно щекотливый и жгучий корейский вопрос вовсе в ней не затрагивается. Маркиз Ито во время вышеописанных прений в палате не присутствовал по причине, или, может быть, под предлогом болезни, что еще раз подчеркнуло все усиливающееся влияние на дела группы молодых министров с г. Като во главе.

Извольский.

Письмо посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 9 февраля 1901 г.

Я имел честь получить секретную телеграмму от 17 января касательно переданной вашему сиятельству японским посланником памятной записки по корейскому вопросу. Об этом японском сообщении мне, кроме того, подробно известно от здешнего министра иностранных дел, который доставил мне, для личного моего сведения, текст телеграфических инструкций, послуживших г. Чинда [2]) основанием для вышесказанной записки. Текст этот я считаю небесполезным представить при сем вашему сиятельству на случай, если бы могло показаться интересным сличить его с текстом сообщения японского посланника.

---

[1]) Англо-германское соглашение 16/3 октября 1900 г. представляло собою типичный сговор двух империалистических хищников об обеспечении своих интересов в Китае от покушений конкурентов — в первую очередь, России и Японии. Договор обязывал стороны сохранять открытыми для торговли и экономической деятельности все порты на реках и морском побережьи Китая для выходцев из всех стран и накладывал обязательства на обе стороны применять этот принцип в пределах сфер своего влияния. Английское и германское правительства взаимно обязались не использовать боксерского восстания для территориальных приобретений в Китае. В случае использования китайских осложнений третьей державой обе стороны должны были договориться о шагах, которые необходимо было предпринять в целях соблюдения собственных их интересов. Англия и Германия приглашали и другие державы присоединиться к договору.

В правительственных кругах царской России договор рассматривался, как попытка Англии создать антирусскую коалицию в вопросе о Манчжурии.

[2]) Чинда — японский посланник в Петербурге в 1901 г.; позже посланником был Курино.

Настоящему своему шагу токийский кабинет придает, повидимому, весьма серьезное значение. Цель этого шага, по моему убеждению, состоит в том, чтобы установить точку отправления для дальнейших дипломатических действий Японии по отношению к манчжурско-корейскому вопросу. Я преднамеренно употребляю выражение «манчжурско-корейский вопрос», ибо, как я уже неоднократно имел честь доносить, весь план японского правительства, очевидно, состоит именно в том, чтобы связать манчжурский вопрос с корейским. Мысль эта, мне кажется, вполне ясно выступает в японском сообщении, в котором открыто заявляется, что японское правительство согласно вступить в обсуждение нового соглашения о Корее лишь после того, как в Манчжурии будет восстановлен прежний порядок вещей и тем самым будет устранен всякий повод к нежелательным толкованиям и выводам. В разговоре со мной г. Като откровенно высказал, каких именно «толкований и выводов» он опасается. По его мнению, соглашение 1898 г. было прямым последствием нашего водворения в Порт-Артуре и Талиенване и, с японской точки зрения, оправдывалось тем, что занятие этих пунктов не являлось угрозой по отношению к Корее. Поэтому, если бы ныне Япония вступила с нами в новую сделку о Корее, это могло бы быть истолковано в том смысле, что японское правительство считает совместимым с своими интересами постоянное занятие нами всей Манчжурии.

Чтобы еще полнее выяснить цели и побуждения токийского кабинета в настоящем вопросе, я позволю себе вкратце повторить некоторые соображения, уже высказанные в предыдущих моих письмах. Ваше сиятельство изволите вспомнить, с какой готовностью и поспешностью Япония присоединилась к англо-германскому соглашению. Сделка эта, в глазах японского правительства, должна была служить гарантией в том, что при окончательной ликвидации нынешнего кризиса на Дальнем Востоке Япония не окажется в менее выгодном положении, нежели другие державы; кроме того, здесь были вполне уверены, что вышесказанное соглашение направлено главным образом против России и ее поступательного движения в Манчжурии. Ныне здесь все более и более начинают опасаться, что ни Англия, ни Германия не решатся предпринять энергических действий против утверждения России в такой части Китая, где ни у той, ни у другой из этих двух держав нет серьезных интересов. Даже если предположить, что в Лондоне и Берлине сочтут, что подобное утверждение России в Манчжурии подходит под третью статью англо-германского соглашения, японское правительство, естественно, опасается, что результатом такого толкования явится не удаление России из Манчжурии, а скорее вознаграждение Англии и Германии на счет Китая. Таким образом, Япония рискует оказаться лицом к лицу с совершившимся фактом значительного приращения сферы русского влияния, и этим объясняется болезненная забота японского правительства заранее приуготовить путь к получению соответственного вознаграждения. Я уже имел случай высказать, что вознаграждения этого Япония может искать лишь в Корее, ибо всякое приобретение на счет Китая крайне здесь непопулярно и противно основной мысли новейшей японской политики. Если в своем последнем сообщении японское правительство высказывает, что последнее русско-японское соглашение о Корее остается в силе и достаточно отвечает требованиям настоящей минуты, это лишь доказывает, что оно считает несвоевре-

менным и невыгодным для себя связывать себе руки новой сделкой по этому вопросу, покуда окончательно не выяснится судьба Манчжурии. Если только окажется, что Россия приобретает в этой провинции, в той или в другой форме, твердое военное и политическое положение, следует опасаться, что японское правительство тотчас заявит, что оно, в его глазах, является угрозой по отношению к Корее и требует соответствующих поступательных действий Японии для защиты своих интересов в этой последней стране.

В стремлении обеспечить свои интересы японское правительство ищет, конечно, прежде всего, поддержки других заинтересованных держав, и можно быть уверенным, что японская дипломатия напрягает все усилия, чтобы возбудить против наших действий в Манчжурии не только Англию и Германию, но также и Китай. Есть много указаний на то, что токийский кабинет старается приобрести преобладающее влияние при странствующем китайском дворе [1]): кабинет этот, без сомнения, располагает различными негласными средствами воздействия на сказанный двор, а манчжурский вопрос доставляет ему удобный случай выступить в роли защитника целости Китая и интересов манчжурской династии. Ближайшая цель японского правительства состоит при этом, конечно, в том, чтобы создать, по отношению к России, комбинацию, подобную той, вследствие которой сама Япония должна была отказаться, после войны с Китаем, от утверждения на Ляодунском полуострове. Если же однако подобная комбинация не состоится, Япония должна будет или отказаться от всякого вознаграждения или же решиться действовать собственными силами. Найдет ли японское правительство в себе достаточно смелости, чтобы пойти по этому второму пути, не останавливаясь даже перед риском столкновения с Россией, заранее сказать невозможно. Ни состояние японских финансов, ни испытанное благоразумие стоящего ныне во главе японского правительства государственного человека не позволяют думать, чтобы здесь могли сознательно к этому готовиться. Но я не раз уже имел случай высказывать, что необходимо самым серьезным образом иметь в виду возможность внезапной вспышки общественного мнения, способной со дня на день послужить поводом к переходу власти в другие руки или даже увлечь настоящее правительство. Во время недавней острой агитации по поводу известия о соглашении с мукденским цзяньцзюнем весьма ясно обнаружился разлад между маркизом Ито и группой молодых министров под предводительством г. Като. С тех пор личность маркиза Ито как-будто все более и более отодвигается на второй план: в наиболее критическую минуту он оказывается больным и не принимает участия в парламентских прениях о внешней политике, предоставляя первую роль г. Като. Инструкции, данные японскому посланнику в С.-Петербурге, по моему мнению, также носят отпечаток личных взглядов г. Като и являются новым доказательством его возрастающего влияния на дела. Правда, что со времени моего решительного объяснения с ним о воинственной пропаганде печати и политических обществ здесь принимаются довольно энергические меры против этой агитации, газеты хотя все еще переполнены выдумками и нападками на Россию, но

[1]) Выражение «странствующий двор» иронически употребляется Извольским в связи с тем обстоятельством, что китайский двор, в результате боксерского восстания и карательной экспедиции держав против Китая, принужден был бежать из Пекина и в период, к которому относится письмо Извольского, находился в Сиань-фу.

сдерживаются в известных пределах; политические общества или закрываются или подчиняются надзору полиции, которая прекращает их заседания, как только начинаются воинственные речи. Но отнюдь нельзя поручиться, что на подготовленной уже почве агитация не возобновится с новой силой по самому неожиданному поводу, и если японское правительство будет увлечено на путь решительных действий, кризис может наступить с необыкновенной быстротой. В настоящую минуту ни военный, ни морской наши агенты не отмечают со стороны японского правительства никаких воинственных приготовлений (если не считать систематической закупки угля). Но не надо забывать, что как географическое положение Японии, так и особенности организации ее морских и сухопутных военных сил дают ей возможность, с большой быстротой и почти без заметных предварительных приготовлений, в любую минуту перебросить внушительное количество войска на ближний корейский берег, так что вполне возможно, что первый японский отряд высадится в Корее чуть ли не раньше, чем в Петербург дойдет отсюда по телеграфу известие о критическом обороте дела.

Ваше сиятельство, конечно, поймете, что все изложенное тяжело гнетет мое чувство ответственности и что я считаю своей нравственной обязанностью не скрывать ни одного из наблюдаемых мной здесь тревожных симптомов.

Извольский.

Письмо посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 1 марта 1901 г.

После некоторого временного затишья здесь опять происходит сильнейшее волнение, вызванное, как я имел честь уведомить ваше сиятельство по телеграфу, известием, будто между нами и Китаем заключен в Петербурге окончательный договор о Манчжурии; по другим сведениям, договор этот еще не подписан и покуда имеет лишь форму проекта, подлежащего принятию со стороны Китая. Здешним газетам телеграфируют из Пекина пространный текст двенадцати статей, из которых будто бы состоит этот договор. Все это опять подает повод к ряду парламентских запросов, воинственных газетных статей, митингов и т. д. Так называемая «Национальная уния» с новой силой возобновила свою пропаганду, на этот раз не столько в Токио, сколько в провинциальных городах, откуда ежедневно телеграфируют о сходках, адресах, демонстрациях и т. д. С особенной тревогой во всех газетах указывается на одновременное пребывание части нашей эскадры в корейских водах и на сосредоточение японского боевого флота в западных портах, чему единогласно придается значение обоюдной морской воинственной демонстрации.

Среди всего этого шума японское правительство сохраняет, покуда, полное молчание и ничего не сообщает ни парламенту, ни печати о своем взгляде на нынешний фазис событий. Молчание это г. Като соблюдает также в полной мере по отношению не только ко мне, но, повидимому, и к иностранным представителям, и, несмотря на все мои старания, я до сих пор не мог еще в точности узнать, в чем именно состоят предпринятые Японией в связи с манчжурским вопросом дипломатические действия. Единственное более или менее достоверное указание я мог почерпнуть из официальной телеграммы, полученной здешним

французским посланником, в которой ему сообщалось, что, по сведениям г. Пишона, все иностранные представители в Пекине, кроме французского и бельгийского, протестовали против отдельного русско-китайского соглашения о Манчжурии, причем некоторые из них заявили, что, если соглашение это будет ратификовано, они потребуют соответственной компенсации и что на вопрос китайских уполномоченных, окажут ли державы Китаю поддержку, если последний откажется удовлетворить требования России, до сих пор ответила лишь Япония, заявившая, что она готова поддержать Китай «при всех случайностях», (dans toutes les évèntualités). Здесь господствует убеждение, что японское правительство действительно предписало своему посланнику в Пекине энергически высказаться против отдельного русско-китайского соглашения о Манчжурии и что протест г. Комуры[1]) на 10 дней предшествовал сообщениям, сделанным по тому же предмету китайским уполномоченным представителям большинства других держав. Непосредственно от министра иностранных дел мне известно лишь о получении им сообщения Северо-Американских Соединенных Штатов, в котором высказывается принципиальное возражение против заключения Китаем особого соглашения с одной державой, без ведома и согласия других заинтересованных кабинетов. По словам г. Като, японское правительство ограничилось тем, что приняло к сведению это сообщение и не высказало по поводу его никакого мнения.

Вследствие телеграммы вашего сиятельства от 22 февраля[2]) с. г. я не преминул сообщить г. Като, что я уполномочен опровергнуть газетные слухи о заключении между нами и Китаем окончательного договора о Манчжурии и разъяснить ему, что передаваемый газетами текст вымышлен и что отдельное соглашение с Китаем будет иметь целью определить условия, при коих эвакуация Манчжурии явилась бы возможной и намерение возвратить эту область Китаю осуществимым. Несмотря на все мои усилия вызвать г. Като на откровенную беседу, я встретил с его стороны явное нежелание вступить со мной в обсуждение этого вопроса и мог еще раз убедиться в едва скрываемом недоверии, с которым он относится к нашим заявлениям о Манчжурии.

Из всего вышесказанного ваше сиятельство изволите усмотреть, что я имею покуда весьма мало положительных данных, на коих я мог бы основать определенное суждение о ближайших планах и намерениях японского правительства. Я продолжаю однако думать, что в настоящую минуту все усилия Японии направлены к тому, чтобы побудить наиболее заинтересованные державы к совместному противодействию нашей политике, и что покуда она отнюдь не помышляет сознательным образом о каких-либо отдельных и решительных действиях. По самым тщательным справкам, наведенным нашим военным агентом, здесь не заметно никаких особенных военных приготовлений и нельзя отметить ни одной меры, которую можно было бы объяснить в связи с воинственным тоном печати. Что касается до военно-морской части, я уже имел честь телеграфировать вашему сиятельству, что морской агент наш подтверждает факт сосредоточения почти всего японского боевого флота в

[1]) Комура — в 1900 г. японский посланник в России, позже японский министр иностранных дел.

[2]) В телеграмме Извольскому от 22 февраля 1901 г. Ламздорф отрицал факт заключения договора с Китаем и сообщал, что целью соглашения являлось определение условий, при которых Россия может возвратить Манчжурию Китаю.

ближайших к нам портах, но что эта мера, по его мнению, не имеет тревожного значения и объясняется еще раньше назначенными на текущий месяц морскими маневрами. Тем не менее несомненно, как я уже имел честь неоднократно доносить, что японский флот находится в полной боевой готовности и занимает по отношению к театру возможных военных операций наиболее выгодное положение. Покуда во главе японского правительства стоит маркиз Ито, можно вполне надеяться, что он не поддастся внушениям крайних элементов, громко требующих, чтобы Япония взялась, даже одна, за оружие, чтобы воспрепятствовать нашим действиям в Манчжурии, но парламентские события, о которых я доношу в последних моих донесениях, к сожалению, значительно ослабили еще недавно столь сильный авторитет этого государственного человека, удаление которого с политического поприща открыло бы доступ к власти гораздо менее благоразумным элементам. Нельзя не отметить необыкновенного сходства между нынешним внутренним положением Японии и тем, которое непосредственно предшествовало японо-китайской войне. Разница состоит лишь в том, что тогда борьба происходила между маркизом Ито, и нижней палатой, между тем как ныне ему противодействует составленная из гораздо более влиятельных элементов палата пэров.

Известно, что именно внутренние затруднения на парламентской почве оказали в 1894 году большое влияние на внешнюю политику Японии и были одной из главных причин воинственной развязки японо-китайского конфликта из-за Кореи.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Пекине Гирса министру иностранных дел Ламздорфу от 11 марта 1901 г.

Ли-Хун-Чан [1]) был у меня сегодня, чтобы сообщить, будто бы японский посланник заявил ему, что в случае подписания Китаем соглашения с нами большинство держав откажется от ведения дальнейших переговоров с Китаем и что, с другой стороны, китайский посланник в Токио телеграфирует, будто бы в Японии усиленно готовятся к мобилизации армии. Ввиду этого Ли-Хун-Чан запросил меня, может ли Китай рассчитывать на содействие России в случае нападения на него Японии. Я ответил Ли-Хун-Чану, что о сообщаемых им намерениях Японии мне пока ничего неизвестно.

Гирс.

Донесение посланника в Токко Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 12 марта 1901 г. № 12.

Известие о заявлениях графа Бюлова [2]) в германском парламенте по вопросу об англо-германском соглашении и Манчжурии произвело

[1]) Ли-Хун-Чан (1823—1901) — один из виднейших государственных деятелей Китая. В качестве представителя Китая заключил в 1896 г. соглашение с Россией в лице Русско-китайского банка о Китайской Восточной железной дороге. Он же вел в 1901 г. переговоры с русским правительством об эвакуации русских войск из Манчжурии.

[2]) Бюлов заявил в германском рейхстаге: «16 октября прошлого [1900] года мы заключили англо-германское соглашение, цели которого я мог изложить тогда следующим образом: с одной стороны, поддерживать столь долго, сколь это возможно, неприкосновенность Китая и лишь настолько вмешиваться в китайские дела, насколько это требуется интересами нашей торговли. На Манчжурию англо-германское соглашение не распространяется». «Националь-цейтунг» от 15 марта 1901 г., № 179.

здесь, как и следовало ожидать, самое глубокое впечатление. Как я уже имел честь доносить, японское правительство присоединилось к вышесказанному соглашению в полной уверенности, что акт этот был главным образом направлен против предполагаемых замыслов России на Манчжурию и свидетельствовал о прекращении прежнего согласия между нами и Германией по делам Дальнего Востока. Здесь с самого начала ничего так не опасались, как именно подобного согласия, и сближение Германии с Англией, как полагали, в ущерб русской политике, было встречено здесь с живейшими чувствами радости и облегчения. Ваше сиятельство изволите вспомнить, что прежде, чем приступить к соглашению 16 октября, японское правительство потребовало как в Берлине, так и в Лондоне некоторые разъяснения и что в ответной своей ноте на тождественное англо-германское сообщение г. Като поставил согласие Японии в зависимость от полученных им уверений, что она будет пользоваться теми же правами, как и первоначально подписавшие этот акт державы. Другими словами, японское правительство заранее удостоверилось в том, что в случае применения 3-й статьи вышесказанного соглашения оно будет участвовать, наравне с Германией и Англией, в обсуждении дальнейшего образа действия подписавшихся держав, но, как мне положительно известно, японский министр иностранных дел не сделал в то время ни в Берлине, ни в Лондоне никакого специального вопроса о том, распространяется ли действие англо-германского соглашения на Манчжурию. Здесь тем не менее господствовало полное убеждение в невозможности отрицательного толкования, о чем и свидетельствуют сделанные около месяца тому назад в японском парламенте заявления г. Като. Легко понять поэтому, какую бурю вызвало здесь известие о речи графа Бюлова. Все без исключения здешние газеты отзываются об этой речи с сильнейшим негодованием, и в парламенте тотчас же был сделан по этому поводу запрос. Хотя текст заявлений германского канцлера передан сюда в довольно сбивчивой форме, японское правительство, очевидно, не сохраняет никакого сомнения относительно истинного их смысла: как я имел честь телеграфировать, г. Като весьма коротко отвечал, что «по полученным им сведениям, граф Бюлов, действительно, заявил в германском парламенте, что англо-германское соглашение не касается Манчжурии, но что это не будет иметь никакого влияния на дальнейший образ действия японского правительства». Вслед за сим в газете «Japan Times», которая обыкновенно служит органом для официозных сообщений министерства иностранных дел, появилась . . . . . [1]) резкая статья, в которой образ действия Германии назван «преднамеренным обманом» и «гнусным политическим фокусничеством» и в заключение говорится, что «если европейские державы мало заинтересованы в Манчжурии и потому от них нельзя ожидать сопротивления России, Япония имеет в этой области жизненные интересы, и вся японская нация надеется, что правительство примет необходимые меры для сохранения японских прав и интересов».

В момент отправления настоящего донесения я не могу еще высказать никакого определенного суждения о том, каким образом положение, столь неожиданно для Японии занятое графом Бюловым, отразится на дальнейших планах и действиях японского правительства. Вашему сиятельству уже известно, что в последнее время Япония действова-

[1]) Пропуск в подлиннике.

ла в двояком направлении: с одной стороны, она производила непосредственное давление на китайских уполномоченных, грозя, в случае подписания особого договора с Россией, потребовать соответствующей компенсации, а, с другой, старалась побудить наиболее заинтересованные державы оказать ратификации этого договора совместное противодействие. Заявления графа Бюлова наносят сильный удар этому последнему плану и ставят японское правительство в весьма трудное и даже несколько смешное положение, так как оно почти открыто высказывало уверенность в существовании против России коалиции, наподобие той, которая принудила Японию отказаться от Ляодунского полуострова. Вся надежда Японии возлагается теперь на Англию и здесь всячески стараются преувеличить и раздуть недавние недоразумения ее с нами по вопросам о Блондских островах и концессии в Тяньцзине [1]). Впрочем, я должен еще раз сказать, что кроме заявления министра иностранных дел в парламенте и статьи газеты «Japan Times», которой, мне кажется, не следует придавать чрезмерного значения, у меня не имеется никаких положительных указаний на планы и решения японского правительства, так как г. Като продолжает систематически уклоняться от всякого обсуждения со мной текущих событий, иностранные же мои коллеги, повидимому, не более меня посвящены в тайну его мыслей.

Извольский.

P. S. Как я имел честь телеграфировать вашему сиятельству, почти в последнюю минуту перед закрытием сессии парламента правительству был сделан новый запрос об англо-германском соглашении и о заявлениях графа Бюлова. Г. Като отвечал, что «японское правительство не вступало с Россией в обмен мыслей по этому поводу, что, по имеющимся у него сведениям, граф Бюлов действительно заявил в германском парламенте, что Манчжурия не входит в район действия англо-германского соглашения, но что это нисколько не изменило взгляда Японии на смысл этого соглашения»; в заключение г. Като объявил, что «правительство считает несвоевременным давать какие-либо дальнейшие разъяснения об этом предмете».

Закрытие парламентской сессии освобождает японское правительство до будущей осени от постоянных щекотливых запросов о внешней политике. Нельзя не признать, что правительство это сумело сохранить в своих ответах довольно спокойный тон и в общем сдержать парламентскую агитацию по манчжурскому вопросу в пределах приличия; агитация эта будет однако продолжаться на почве газетных статей, адресов, митингов и т. д. и может еще создать кабинету много затруднений.

---

[1]) Недоразумения между Англией и Россией по поводу Тяньцзинской русской концессии начались в ноябре 1900 г. с момента захвата русскими участка для концессии, так как этот участок включал кусок земли, прилегавший к Пекин-Тяньцзинской железной дороге, на который претендовали англичане. Конфликт обострился до того, что возникла опасность вооруженного столкновения между русскими и английскими часовыми, когда спорный кусок земли был занят англичанами.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 12 марта 1901 г. № 108[1]).

Получил телеграмму от 11 марта[2]).

Можете дать японскому правительству вполне успокоительные заверения: проектируемое между Россией и Китаем отдельное соглашение имеет исключительно в виду определение условий, при коих может быть осуществимо заявленное императорским правительством намерение возвратить Китаю Манчжурию, занятую русскими войсками вследствие тревожных событий минувшего года.

Отчет о беседе японского посланника с министром иностранных дел от 12 марта 1901 г.[3]).

Его высокопревосходительство гр. Ламздорф не пожелал официально принять сообщение, которое передал ему согласно распоряжению его правительства г. Чинда по поводу предполагаемых соглашений по манчжурскому вопросу. Он заявил, что достоинство и право независимости всякого государства не дозволяют ему в его положении принять подобное сообщение, так как он не может признать за третьей державой право интерпеллировать и вмешиваться в дело, о котором ведутся переговоры между двумя независимыми государствами.

По тем же его соображениям и также потому, что он не получал на то высочайшего повеления, он не пожелал также официально обсуждать и вести переговоры по этому вопросу.

Однако, горячо желая поддержать то доброе согласие, которое так счастливо существует между Россией и Японией, он может в качестве представителя российского правительства вполне искренно и положительно заверить японское правительство, что соглашения, которые ему предстоит заключить относительно Манчжурии, в настоящий момент временно занятой против своего собственного желания Россией, будут носить временный характер и не будут содержать в себе постановлений, наносящих ущерб суверенным правам Китая на территорию, о которой идет речь, или правам и интересам других держав.

Россия, ведя переговоры относительно подобных соглашений, которые являются в некотором роде лишь «modus vivendi», ищет только способов, которые позволили бы ей возможно скорее привести в исполнение ее желание очистить территорию, которую она занимает, согласно обещаниям и заявлениям, неоднократно ею возобновляемым, уважать неприкосновенность Китая и возвратить ему Манчжурию.

Итак, как только Россия убедится в водворении в Манчжурии порядка и безопасности благодаря восстановлению китайского правительства в Пекине и нормального и регулярного положения вещей в Манчжурии, она поспешит возвратить эту территорию Китаю, если только ей в этом не помешают действия других держав.

---

[1]) На отпуске пометы: «На подлинной собственной е. и. в. рукою написано: «С[огласен]». 12 марта 1901 г.».

[2]) В подлиннике эта фраза на французском языке.

[3]) Перевод с французского.

Что касается обсуждения вопроса о Манчжурии на дипломатической конференции в Пекине[1]), то Россия не может отступить от принятого ею принципа. Она неоднократно заявляла, что только вопросы касающиеся общих интересов заинтересованных держав, будут поставлены на вышеупомянутой конференции и что отдельные дела, представляющие интерес лишь для каждой из них, будут обсуждаться отдельно. К этой-то последней категории и принадлежит вопрос о Манчжурии, в котором заинтересована только Россия.

Кроме того граф выразил желание как можно скорее подписать вышеупомянутые соглашения, чтобы доказать искренность России. Он заявил, что он предполагает, как только он их подпишет, немедленно сообщить их японскому правительству, как наиболее заинтересованному изо всех правительств, каковое правительство,— сказал он,— тогда убедится в искренности русского правительства и получит полное удовлетворение.

Он прибавил, что если содержание сообщенных соглашений не будет удовлетворять японское правительство, ему стоит только обратиться к русскому правительству. Оба правительства тогда договорятся между собой.

Секретная телеграмма посланника в Пекине Гирса министру иностранных дел Ламздорфа от 13 марта 1901 г.

Получил телеграмму от 9-го[2]) и 10-го.

На сегодняшнем свидании со мною Ли сообщил мне, что не может дать никаких приказаний Ян-Ю[3]) до получения ответа на сделанный им по сему поводу запрос в Сиань-фу. Он ожидает ответа завтра. Замечаю сильное изменение в отношении Ли-Хун-Чана к нашему соглашению. Он утверждает, что Япония грозит войной как нам, так и Китаю в случае подписания, и будто бы японский посланник прочел ему инструкции, данные японскому представителю в Петербурге, энергично протестовать против соглашения. Япония влияет теперь одна на Китай. Английский посланник ограничивается заявлением китайским уполномоченным, что Англия находится в наилучших отношениях с Японией.

Гирс.

Заметка, переданная министерством иностранных дел японскому посланнику 14 марта 1901 г.[4]).

Что касается фразы, начинающейся словами: «Однако, горячо желая и т. д.», то гр. Ламздорф заявил, что о ф и ц и а л ь н о он отклоняет

[1]) Конференция держав в Пекине происходила в 1900—1901 гг. в связи с так называемым восстанием боксеров, т. е. стихийным революционным восстанием китайского крестьянства, которое пыталась использовать в своих внутриполитических и международных интересах китайская императорская власть. Империалистические державы требовали суровых репрессий против революционных китайских масс и использовали положение, чтобы добиться от Китая дальнейших экономических и политических привилегий. Конференция потребовала от китайского правительства сурового наказания для «виновников насилий» над иностранцами, наложила на Китай непосильную контрибуцию и т. д.

[2]) В телеграмме Гирсу от 9 марта 1901 г. Ламздорф изъявлял согласие на германское предложение создать особую комиссию по установлению способности Китая платить наложенную на него контрибуцию за боксерское восстание с оговоркой, что эта комиссия не должна превратиться в орган контроля над финансами Китая.

[3]) Ян-Ю — китайский посланник в Петербурге в 1901 г.

[4]) Перевод с французского. Здесь говорится по поводу отдельных слов и выражений, находящихся в «Отчете о беседе японского посланника» (см. стр. 21-22).

какое бы то ни было объяснение, но, говоря с представителем Японии, соседней и дружественной державы, он может конфиденциально, с полной искренностью и доверительно, заявить, как сказано далее.

В параграфе, который начинается так: «Россия, ведя переговоры относительно подобных соглашений», выражение «modus vivendi» относится к настоящему проекту соглашения с Китаем, имеющему целью определить порядок эвакуации Манчжурии. Выражение «modus vivendi» может относиться только к соглашению исключительно временного характера, заключенному на месте русскими военными властями и установившему некоторые отдельные подробности, относящиеся к восстановлению китайских губернаторов в некоторых частях Манчжурии во время нахождения еще там русских войск.

Что касается места, выраженного так: «чтобы доказать искренность России», следует подчеркнуть, что искренность русского правительства не нуждается в каких-либо доказательствах. Русское правительство желает только рассеять легенду, распространяемую частью иностранной прессы, которая с помощью ложных слухов старается внедрить ошибочное толкование намерений России с целью помешать, если возможно, заключению соглашения, которое само уже является новым подтверждением твердого намерения России ускорить эвакуацию Манчжурии.

Наконец, русское правительство, конечно, намерено сообщить японскому правительству текст соглашения, как только оно будет заключено, но следует уточнить значение и смысл последней фразы, где имеется следующее место: «что если содержание и т. д.» Его надо понимать так: если после сообщения японскому правительству текста заключенного соглашения, оно пожелало бы иметь некоторые разъяснения, то оно может обратиться для этого к русскому правительству, и гр. Ламздорф имеет все основания полагать, что оба кабинета сумеют договориться.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Пекине Гирсу от 16 марта 1901 г. № 114[1]).

Если, как свидетельствуют полученные сведения, запуганные угрозами Японии китайцы не решаются подписать предложенное им отдельное соглашение по манчжурским делам, то России нечего сожалеть об этом. Предполагавшееся соглашение должно было служить началом осуществления заявленного императорским правительством намерения постепенно отозвать русские войска из Манчжурии.

Для соответствующих распоряжений военного характера необходимо было к известному времени разрешить в утвердительном или отрицательном смысле вопрос: возможно ли обусловить путем взаимного соглашения эвакуацию Манчжурии?

Образ действия Китая и некоторых из держав создал серьезные препятствия в деле осуществления выраженного Россией намерения, и это обстоятельство отныне развязывает ей руки. Императорское правительство оставляет за собой в манчжурском вопросе полную свободу

---

[1]) На отпуске пометы: «На подлинной собственною е. и. в. рукой написано: «Отлично».—«Царское Село, 16 марта 1901 г.»

действий, так как само собой разумеется, что о безусловном возвращении Китаю этой области не может быть и речи, пока в империи не восстановится вполне нормальный порядок и не утвердится достаточно сильное центральное правительство, способное обеспечить Россию от повторения беспорядков, подобных тем, которые нарушили спокойствие на ее окраинах и приостановили правильное сооружение Восточно-Китайской железной дороги.

Все изложенное сообщается для вашего сведения и руководства.

Письмо посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 23 марта 1901 г.

Со времени последних моих донесений, т. е. за истекшие 10 дней, агитация, вызванная здесь известием о проекте отдельного соглашения между нами и Китаем по манчжурскому вопросу, значительно усилилась. В ней теперь принимают участие не только многочисленные мелкие газеты, имеющие специальностью возбуждение шовинистского духа, но и важнейшие органы печати, не исключая тех, которые находятся в официозных отношениях к правительству, а также многие из выдающихся государственных людей Японии, вроде бывшего первого министра и вождя прогрессистской партии, графа Окума, высказавшегося на-днях публично в самом воинственном тоне. Смысл всех этих статей и речей — один и тот же: «Шесть лет тому назад Япония, по совету России, Франции и Германии, должна была очистить Ляодунский полуостров вследствие того, что, по мнению этих держав, утверждение ее в этой части Китая угрожало миру и спокойствию на Дальнем Востоке; ныне Россия не только завладела вышесказанным пунктом, но, под видом дружественного соглашения с Китаем, стремится утвердить свое политическое и военное могущество на всем пространстве Манчжурии. Это не только нарушает права и интересы Японии в этой китайской провинции, но также угрожает независимости Кореи, представляющей для Японии первостепенную важность. Япония должна напрягать все свои силы, чтобы помешать этому и с этою целью решиться взяться за оружие даже без посторонней помощи и поддержки».

Вследствие телеграммы вашего сиятельства от 12 марта, разрешавшей мне дать японскому правительству вполне успокоительные заверения и разъяснить ему, что проектированное соглашение имеет исключительно в виду определение условий, при коих может быть осуществлено объявленное нами намерение возвратить Китаю Манчжурию, я не преминул вызвать г. Като на серьезный разговор и еще раз, самым ясным образом, изложить ему взгляд императорского правительства на манчжурский вопрос. Из разговора этого я впервые узнал о сообщении, только что перед этим сделанном в Петербурге японским посланником, и об ответе вашего сиятельства, сообщенном сюда г. Чинда в двух версиях, из которых вторая, по его уверению, была вами лично проверена и исправлена. Предупредив меня, что сказанный ответ подлежал еще со стороны японского правительства внимательному обсуждению и что слова его не имели характера официальных заявлений, г. Като весьма подробно и с мало привычною ему откровенностью высказал мне свой взгляд на настоящее дело. «Я не отрицаю, сказал он, что объяснения, данные графом Ламздорфом нашему посланнику, имеют вполне дружественный характер, но, с формальной стороны, на японское прави-

тельство произвел крайне тягостное впечатление факт, что ваш министр иностранных дел начал с того, что отказался принять сообщение Японии по вопросу о проекте русско-китайского соглашения. Что касается сущности дела, то заверения России, что в соглашении этом не окажется ничего противного правам и интересам других держав, не согласуется с тем, что японскому правительству известно о вышесказанном проекте, и, притом, известно не из газет, а непосредственно от китайского правительства, обратившегося к Японии с просьбою о поддержке против настояний России. Я могу указать на такие статьи предложенной конвенции, которые прямо нарушают как права, принадлежащие Японии, в силу трактатов, на всем протяжении Китайской империи, так и верховные права Китая в Манчжурии. Вследствие вышесказанного японское правительство не может отказаться от взгляда, выраженного им в последнем своем сообщении, и предоставляет себе высказать впоследствии свое суждение о полученном им от России ответе».

Как я имел честь телеграфировать, здешняя печать тотчас же была поставлена в известность о предпринятом Японией в Петербурге дипломатическом шаге и о его результате, и все газеты, не исключая официозных, поспешили высказать, что японское правительство не может удовольствоваться полученным им ответом и должно обратиться к России с новым и более решительным требованием, которое, по их убеждению, будет поддержано единодушною готовностью всей японской нации на самые крайние меры и жертвы. Это послужило мне поводом ко второму разговору с г. Като, который, как вашему сиятельству известно из моей телеграммы от сегодняшнего числа, подтвердил мне еще раз, что японское правительство, к сожалению, не может согласиться со взглядом, высказанным вами в ответ на сообщение японского посланника, но, вместе с тем, сказал мне, что здесь еще не принято никакого решения относительно дальнейших дипломатических действий, которые будут зависеть от развития настоящего вопроса. Вслед за сим г. Като известил меня, что японскому посланнику в Петербурге поручено высказаться в том же смысле.

Во все время объяснений со мною г. Като соблюдал весьма решительный, но в то же время достаточно спокойный и дружественный тон: общественное мнение видит однако в нем одного из главных представителей воинственной партии, и местные газеты приписывают ему различные резкие заявления и угрозы по адресу России. Как бы то ни было, несомненно, что г. Като всецело принадлежит к группе молодых и честолюбивых министров, которые все более и более захватывают руководительство делами, тогда как более спокойный и благоразумный маркиз Ито постепенно отходит на задний план. Самым опасным и горячим членом кабинета является однако морской министр, вице-адмирал Ямамото, который всегда отличался антирусским направлением и два года тому назад, во время известных инцидентов в Корее, вызвал сильную тревогу своими самовольными распоряжениями. Соответственно этому и все морское ведомство настроено особенно воинственным образом.

Из моих телеграмм вашему сиятельству уже известно, что ведомство это, несмотря на имеющийся уже налицо громадный запас угля (110 тысяч тонн английского и свыше 200 тысяч тонн японского), делает еще спешные закупки и что на-днях оно приобрело в Сингапуре 5 000 тонн кардифа.

Хотя, затем, по наблюдениям нашего морского агента, в этой области не делается, покуда, никаких экстренных приготовлений, необходимо иметь в виду, что недавно построенный японский флот весьма мало нуждается в подобных приготовлениях, находится почти в полной боевой готовности и распределен уже в наиболее близких к возможному театру военных действий юго-западных портах. С ожидаемым вскоре прибытием предпоследнего из заказанных в Англии броненосцев программа морских вооружений Японии может считаться почти законченною, и нет сомнения, что именно сознание в полной готовности и превосходном состоянии материальной части внушает личному составу японского флота указанный выше воинственный дух.

Военное ведомство, по убеждению нашего военного агента, выказывает, напротив того, гораздо более спокойное и благоразумное настроение; это относится, в особенности, к главному штабу, который вследствие этого ежедневно подвергается нападкам со стороны шовинистской печати, обвиняющей его в бездействии и страхе перед Россией. До сих пор это ведомство не принимает никаких чрезвычайных мер, и возникшие, было, слухи, будто решено увеличить численность войск в Китае, ускорить на один месяц посылку батальона в Корею на смену тамошних гарнизонов и командировать туда же несколько офицеров генерального штаба и т. д.— были тотчас же опровергнуты. Благоразумие главного штаба объясняется, конечно, пониманием всей опасности столкновения с Россией. Сухопутные вооружения далеко еще не приведены до той же степени готовности, как морские, и при нормальном напряжении для их завершения потребуется еще около года. Кроме того недавние совместные действия в Китае внушили японским военачальникам не только глубокое уважение к боевым качествам русской армии, но даже и некоторые к ней симпатии. Все это вместе взятое заметно отражается на настроении таких ответственных лиц, как начальника главного штаба маршала Ояма и помощника его генерала Тераучи, посетившего театр военных действий в Китае и имевшего личные сношения с вице-адмиралом Алексеевым.

Наконец, к категории благоразумно настроенных лиц можно причислить и японских маршалов, составляющих так называемый «генсуйфу», т. е. верховный военный совет [1]), а именно принца Коматцу, маршала Ямагата и адмиралов Сайго и Ито: все эти лица принадлежат к так называемым «старшим» государственным деятелям, участвовавшим в создании современного государственного строя Японии и опасающихся поставить на карту будущность этого дела. Все члены верховного совета собраны в настоящее время в Токио и часто собираются под личным председательством императора для обсуждения политического и военного положения. Последнее их заседание, в котором участвовал по особому приглашению министр иностранных дел, имело, по слухам, особенно важное значение, но о принятых в этом заседании решениях до сих пор ничего неизвестно.

Серьезным препятствием вступлению Японии на воинственный путь следует, без сомнения, признать ее финансовое и экономическое

[1]) Верховный военный совет — совещательный орган при японском императоре— состоял в 1901 г. из председателя маршала Ямагата и членов: принца Коматц, адмиралов Сайго и Ито. Последний в то же время был и начальником морского генерального штаба.

положение: в этом, повидимому, отдает себе вполне ясный отчет глава кабинета, маркиз Ито, который высказал на-днях в публичном собрании, что финансы и вообще все государственное и народное хозяйство страны находятся в еще худшем состоянии, нежели он ожидал, принимая власть. По его словам, правительству необходимо реализировать в текущем году заем в 60 000 000 иен, но этому препятствует крайне неблагоприятное настроение как внутреннего, так и заграничного денежного рынка. При таких условиях маркиз Ито предвидит даже неизбежность приостановки некоторых из правительственных мероприятий, вытекающих из так называемого post bellum programme. На эти авторитетные заявления сторонники решительной политики отвечают, что, если дело дойдет до столкновения с Россией, весь японский народ, как один человек, будет готов пожертвовать всем своим достоянием. Кроме того подразумевается, что Япония может получить существенную финансовую помощь от Англии, которая, как известно, уже предлагала японскому правительству, при начале настоящего кризиса на Дальнем Востоке, ссудить его средствами для ведения военных операций в Китае, и, вероятно, еще охотнее окажет ему денежную поддержку для борьбы с Россией.

Вследствие порчи кабеля здесь за последние дни нет никаких достоверных известий из Пекина, и японское правительство ничего не знает об окончательной судьбе русско-китайского соглашения. Нет сомнения, что японскому посланнику в Пекине предписано продолжать самое энергическое давление на китайских уполномоченных с целью помешать ратификации этого акта. Настоящие события, как я уже имел честь высказывать, подают повод Японии демонстративно выступать в роли друга и защитника Китая, которому будто бы угрожают замыслы России на Манчжурию; при этом японское правительство не ограничивается воздействием на китайский двор и официальных китайских уполномоченных в Пекине, но поддерживает постоянные и оживленные сношения с южными вице-королями, побуждая их также высказываться против заключения отдельного соглашения с Россией. Газеты отмечают также различные проявления китайского патриотизма и уверяют, будто японское правительство ежедневно получает из различных частей Китая адресы и телеграммы с протестами против сказанного соглашения и просьбами о японской помощи.

Иностранные представители в Токио весьма внимательно следят за проявляющимся здесь волнением, и почти все сходятся со мною в оценке его значения и размеров. Французский поверенный в делах г. Дюбайль всеми силами старается быть мне полезным и делится со мною всеми получаемыми им сведениями и указаниями, но он имеет еще очень мало связей в здешних правительственных и политических кругах, и в этом отношении я могу лишь сожалеть об отъезде опытного и отлично осведомленного г. Армана. Германский поверенный в делах граф Ведель держится по отношению ко мне и к русским интересам вполне корректно и дружественно, но имеет мало веса и значения. Что касается до переведенного сюда из Пекина английского посланника сэра Клода Мак-Дональда, то я, конечно, не могу ручаться за истинный характер его деятельности, но, на словах и в разговорах со мною, он строго осуждает здешнюю агитацию и уверяет, что он настойчиво советует японскому правительству не отступать от благоразумного образа действий.

Извольский.

Секретное письмо министра иностранных дел Ламздорфа военному министру от 21 апреля 1901 г.[1]).

Вследствие письма от 18 апреля № 172, почитаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству нижеследующие соображения:

Не считая себя компетентным высказать заключение о том, в какой степени с чисто военной точки зрения представляется необходимым усиление находящихся в ведении приамурского генерал-губернатора войсковых частей, я не могу не обратить внимания вашего на политическую сторону данного вопроса, имеющую при настоящем общем положении дел на Крайнем Востоке весьма существенную важность.

Мне кажется прежде всего, что удовлетворение ходатайства генерала Гродекова о командировании новых отрядов войск в Манчжурию находилось бы в полном противоречии с неоднократно сделанными от высочайшего имени государя императора заявлениями о намерении России возможно скорее приступить к постепенной эвакуации названной области: таковое обстоятельство не только подорвало бы доверие к императорскому правительству, но и повело бы к самым опасным политическим осложнениям, ибо, несомненно, возбудило бы подозрение в намерении России под тем или иным предлогом окончательно завладеть Манчжурией.

Из предшествующей переписки вашему высокопревосходительству должно быть хорошо известно, с какой тревогой Америка, Англия и особливо Япония относятся к вопросу о дальнейшей судьбе занятой нашими войсками китайской области; вслед за несостоявшимся заключением отдельного по сему предмету соглашения с Китаем императорскому правительству стоило больших усилий успокоить общественное мнение и убедить государственных деятелей иностранных держав в том, что Россия вовсе не намерена отступать от первоначально заявленной политической программы своей и что единственной целью предполагавшегося соглашения, возбудившего повсюду столько шума, было определение условий, при коих начало эвакуации Манчжурии оказалось бы уже ныне осуществимым.

Ввиду столь категорических заявлений императорского правительства едва ли возможно, не рискуя вызвать крайне опасные осложнения, приступить к посылке в Манчжурию новых частей войск, особливо в ту минуту, когда, согласно только что полученным телеграммам из Пекина, и военные власти и иностранные представители держав пришли к заключению о необходимости сокращения союзных сил в Печилийской провинции.

Помимо сего я считаю своим долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства еще на одно важное обстоятельство: по имеющимся из весьма достоверного источника сведениям, население Манчжурии, несомненно, жаждет мира, стремится вернуться к полевым работам; так же миролюбиво настроена и восстановленная китайская администрация, встречающая однако сильные затруднения вследствие постоянных и многочисленных наших экспедиций, преследующих оставшиеся местами отряды китайских войск, которые разбиваются на мелкие шайки и поневоле обращаются в разбойников, вынужденных для пропитания грабить обезоруженное население, не видя перед собой другого исхода, кроме поголовного истребления. Таким образом то положе-

[1]) На документе Николаем Романовым поставлен знак рассмотрения.

ние дел в Манчжурии, на которое указывает генерал Гродеков и которое, по его мнению, вызывает необходимость усиления войск, создается именно продолжающимися военными экспедициями против бродящих по области остатков китайских отрядов.

Разоружение этих отрядов, без напрасного кровопролития, мирным путем, через восстановленных китайских властей, казалось бы, гораздо легче и вернее привело бы к окончательному умиротворению края.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 1 мая 1901 г. № 170[1]).

Экспедиция ваша от 1 марта получена.

В письме того же числа вы, между прочим, упоминаете о протесте Японии против предполагавшегося заключения отдельного русско-китайского соглашения. Считаю необходимым напомнить вам, что вообще едва ли можно говорить о каком-либо протесте японского правительства в этом деле.

По крайней мере, при первой попытке здешнего посланника Чинды вступить со мной в объяснения по поводу проектированного соглашения, я тотчас же прервал его, заметив, что не допускаю никаких запросов посторонней державы относительно переговоров, которые ведутся между двумя независимыми государствами.

Во второй раз, по просьбе Чинды дать разъяснения касательно появившегося в английских газетах вымышленного текста означенного соглашения, я ответил посланнику, что признаю отныне всякие объяснения по сему делу излишними, ибо, как всем представителям России за границей, так и вам, уже тому несколько дней поручено было заявить подлежащим правительствам, что, не желая причинить затруднение китайскому правительству, Россия отказалась от всяких дальнейших переговоров с Китаем по манчжурским делам [2]).

Отпуск доверительного письма министра иностранных дел управляющему военным министерством от 18 июня 1901 г.[3]).

Вследствие письма вашего превосходительства от 13 июня № 1265/105, при коем препровождена была записка подполковника Агапеева с изложением взглядов д. с. с. Извольского на современное положение дел на Дальнем Востоке, почитаю долгом сообщить нижеследующее.

Не зная, в какой степени точно передает подполковник Агапеев все сказанное ему г. Извольским, полагаю необходимым обратить внимание ваше прежде всего на то обстоятельство, что с политической точки зрения министерство иностранных дел никогда не считало особенно желательным заключение с Китаем отдельного соглашения по манчжурским делам до восстановления в Поднебесной империи нор-

---

[1]) На отпуске пометы: «На подлинной собственною е. и. в. рукой написано: «С[огласен]». — «Царское Село, 1 мая 1901 г.» — «Отправлена 2 мая».

[2]) Отказ от соглашения с Китаем по манчжурским делам и от дальнейших переговоров по этому вопросу был сообщен российским представителям за границей в циркулярном письме от 21 марта 1901 г. и опубликован в «Правительственном вестнике» от 23 марта 1901 г.

[3]) На документе знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

мального порядка вещей, при коем только и возможны переговоры с вполне независимым и ответственным правительством; при этом мною неоднократно указываемо было, с одной стороны, на опасность заключения подобного договора, ввиду вероятных протестов со стороны держав, имеющих интересы на Дальнем Востоке; с другой — на маловажность значения письменного документа в глазах китайцев, всегда склонных при удобном случае нарушить принятые на себя обязательства, которые, к тому же, при нынешних обстоятельствах, едва ли были бы подкреплены центральным правительством.

На мой взгляд представлялось несравненно более целесообразным, по окончании смуты, путем сделок с китайскими правительственными лицами и восстановленною центральною властью добиться тех льгот и преимуществ, которые вызывались стратегическими и политико-экономическими нуждами в Манчжурии.

При этом, нам, конечно, пришлось бы основывать все расчеты наши не на чувстве «благодарности» китайцев, чувстве, не играющем никакой роли в международных сношениях, ни тем менее на традиционной двухсотлетней дружбе с Китаем, ссылка на которую порою является лишь удобным дипломатическим аргументом, а исключительно на силе, могуществе России и обаянии ее имени на Востоке.

Между тем военное, как и финансовое ведомства признавали немедленное заключение сепаратного договора с Китаем безусловно необходимым для развития и скрепления ранее состоявшихся временных соглашений наших властей с местными цзяньцзюнями.

Вашему превосходительству хорошо известно, что лишь после продолжительной переписки и неоднократных совещаний генерал-от-инфантерии Куропаткин и статс-секретарь Витте согласились смягчить первоначальные требования, кои они предполагали возможным предъявить Китаю.

Но, как и следовало ожидать, даже и в таком измененном виде проект соглашения по манчжурским делам, уже ставший известным в Токио по сообщению, сделанному китайцами, вызвал сильную агитацию в среде всех заинтересованных держав, особливо же Японии.

При таких условиях самым целесообразным представлялось сохранение настоящего «status quo» и отказ России до поры до времени от всяких дальнейших переговоров об отдельном соглашении с Китаем.

Что японцы усматривают в этом обстоятельстве какой-то успех, по моему, едва ли может иметь значение в наших глазах; в Европе и Америке, наоборот, более дальновидные государственные деятели признают, что Россия отказом от соглашения сделала весьма удачный шаг, развязавший ей руки и сохранивший за нею полную свободу действий.

Как бы то ни было, с политической точки зрения важно было то, что известие об уклонении России от дальнейших переговоров с китайцами по манчжурским делам сразу положило конец крайне натянутому положению, грозившему стать безвыходным, если бы уже по подписании нами проектированного соглашения последовали официальные протесты всех держав и отказ китайского центрального правительства от ратификации оного.

С той поры между императорским и токийским правительствами установились настолько удовлетворительные дипломатические отношения, что за последнее время явилась даже возможность приступить к обмену взглядов по разным политико-экономическим вопросам, касаю-

щимся в одинаковой степени интересов обоих государств. И если бы все дело сводилось исключительно к сфере деятельности вверенного мне ведомства, то я мог бы поручиться за то, что дружественные отношения между Россией и Японией, несмотря на господствующее в среде ее некоторых государственных деятелей воинственное настроение, не подверглись бы никакому нарушению.

Но присутствие наших войск в Манчжурии, многосложные мероприятия, предстоящие военному ведомству по эвакуации этой области, в связи с охраною и укреплением некоторых береговых и пограничных пунктов, а финансовому ведомству по разнообразным вопросам, связанным с постройкою железной дороги, настолько усложняют общее положение вещей, что при малейшем неосторожном действии со стороны наших властей на месте, нередко склонных предъявлять требования «по праву завоевания» и указывать на сделанные в Китае приобретения «штыком» и «кровью», возможно всегда ожидать перехода Японии к активной политике, особливо ввиду того внутреннего состояния названного государства, о котором имеются данные не только из сообщения г. Извольского подполковнику Агапееву, но и на основании донесений военного и морского агентов в Токио.

При таких условиях, если, как следует заключить из представленных вашим превосходительством в письме сведений, военно-морское положение наше на Дальнем Востоке значительно слабее, чем положение Японии, то меры к постепенному и осторожному приведению в боевую готовность войск Приамурского округа, быть может, представляются вполне целесообразными. Но при этом не следует терять из виду, что всякая мера к усилению нашего положения неминуемо побудит японцев либо сделать соответствующие военно-морские распоряжения, либо искать повода к немедленному открытию враждебных действий, дабы застигнуть Россию еще недостаточно подготовленною к борьбе.

В заключение не могу не высказать, что, на мой взгляд, наилучшим выходом из настоящих затруднений была бы возможно скорейшая подготовка к выполнению высочайшей государя императора воли о полной эвакуации Манчжурии. В этом отношении для достоинства России крайне важно, чтобы выступление русских войск из пределов Китая совершилось при первой возможности и единственно по почину императорского правительства, а не под давлением международных осложнений, либо исходящих от заинтересованных держав напоминаний о данных Россией неоднократно торжественных обещаниях.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 17 июля 1901 г.

Мысль о дружественном соглашении с нами в положительном смысле о корейских делах поддерживалась здесь главным образом маркизом Ито. С упадком его влияния, а затем и с удалением его от дел, осуществление этого плана сделалось гораздо затруднительнее. В настоящую минуту, при господствующем здесь настроении и слепом недоверии к нашим намерениям относительно Манчжурии, по моему убеждению, было бы бесполезно поднимать этот вопрос, тем более, что Соне, будучи лишь временным министром иностранных дел, избегает всего, что могло бы связать свободу действий Комуры, который примет от него министерство тотчас по окончании пекинских переговоров. По-

приезде сюда Комуры я постараюсь выяснить, склонен ли он к соглашению с нами о Корее и не премину представить вашему сиятельству подробные соображения об основаниях, на которых возможно было бы заключить подобную сделку.

Извольский.

Секретная телеграмма министра иностранных дел Ламздорфа российским посланникам в Токио и Пекин от 17 июля 1901 г. № 277 [1]).

Ввиду приближающегося окончания переговоров в Пекине наступает минута, когда необходимо тщательно обсудить наиболее целесообразный, отвечающий первостепенным интересам России, способ решения манчжурского вопроса.

Во всех предшествующих официальных сообщениях своих императорское правительство заявляло о намерении своем, тотчас по восстановлении нормального порядка в Китае, вывести войска из Манчжурии, если тому не воспрепятствует образ действий держав и самого Китая.

Эта существенная оговорка, несомненно, оставляет за Россией право сохранить помянутую область, на деле ею завоеванную, в случае если б в ближайшем будущем поведение держав или китайского правительства в чем-либо оказалось противным состоявшемуся общему соглашению по китайским делам, либо нарушило бы прямые интересы наши на Дальнем Востоке.

Как бы то ни было, предварительно принятия окончательного решения по сему вопросу, желательно было бы знать, к каким, по вашему мнению, последствиям на месте могло бы повести официально заявленное Россией намерение присоединить к своим владениям Манчжурскую область?

Секретная телеграмма министра иностранных дел Ламздорфа российским представителям в Токио и Пекин от 19 июля 1901 г. № 280.

Дополнение к моей телеграмме от 17 июля [2]).

Не теряйте из виду, что при нормальном ходе событий императорское правительство отнюдь не имеет в виду отступать от данных обещаний. Запрашиваемые от вас сведения необходимы для руководства на всякий случай.

Секретное письмо министра иностранных дел Ламздорфа министрам военному и финансов от 19 июля 1901 г. №№ 723 и 724 [3]).

Из непосредственных личных переговоров моих с вами, а равно и соображений, высказанных мною на совещании 28 минувшего июня [4]),

---

[1]) На отпуске телеграммы пометы: «На подлинной собственной е. и. в. рукой написано: «С[огласен]». «Петергоф», 18 июля 1901 г. (Телеграммы эти были задержаны и отправлены вместе с дополн. тел. 19 июля 1901 г.)».

[2]) В подлиннике эта фраза на французском языке.

[3]) На отпуске письма помета: «На подлинном собственною е. и. в. рукою написано: «С[огласен]». «Петергоф, 17 июля, 1901 г.».

[4]) Совещание 28 июня 1901 г. было созвано для рассмотрения вопроса о китайских железных дорогах в Южной Манчжурии. Совещание постановило возвратить участок дороги Шанхай-Гуань — Син-Мин-Тин его китайским собственникам. При этом

вашему высокопревосходительству известно, в каком положении, на мой взгляд, представляется, с точки зрения политической, вопрос о китайских железных дорогах в Южной Манчжурии.

Занятые в сентябре 1900 года, по встретившимся в то время военным надобностям, дороги эти, находясь на территории Поднебесной империи и составляя собственность китайского правительства, подлежат возвращению Китаю в силу обещаний и официальных заявлений России, неоднократно подтвержденных обнародованными по сему предмету правительственными сообщениями.

На совещании 28 июня начальник главного штаба, обсуждая вопрос в военном отношении, признал также, что предпочтительнее было бы передать Шанхай-Гуань — Инкоускую дорогу прежним владельцам и вывести из ее района русские войска, кои несравненно целесообразнее сосредоточить в других местах Манчжурии или на наших окраинах.

Наконец, ваше высокопревосходительство, по финансовым соображениям, изволили, с своей стороны, присоединиться к заключению о необходимости возвращения дорог в Южной Манчжурии китайскому правительству.

В 5 день сего июля государю императору благоугодно было всемилостивейше утвердить мнение, единогласно высказанное на совещании от имени трех ведомств.

Но, казалось бы, не следует терять из виду, что предстоящее возвращение упомянутых железнодорожных линий их собственникам является первым шагом к выполнению данных императорским правительством обещаний вообще и, стало быть, влечет за собою необходимость окончательного и бесповоротного решения ныне же вопроса о том, желательно ли в государственных интересах России сохранение за нею занятой нашими войсками Манчжурской области в полном ее объеме, либо одной из ее провинций?

Оставлять этот коренной вопрос без надлежащего разрешения, ставить его исключительно в зависимость от дальнейшего хода событий — было бы, по меньшей мере, не осторожным; к тому же всякое колебание в этом отношении не соответствовало бы достоинству России, как великой и могущественной державы.

Нет сомнения в том, что с политической точки зрения присоединение к российским владениям обширной, богатой по своей природе, китайской области могло бы лишь служить к вящему подъему обаяния России среди азиатских народностей; обладание территорией, чрез которую проходит железнодорожная ветвь, долженствующая соединить великий сибирский путь с водами Тихого океана, где ныне имеется уже в наших руках незамерзающий порт, — с одной стороны, значительно облегчило бы самое сооружение строящейся дороги и, с другой, обеспечило бы неукоснительное осуществление исторической задачи России на Крайнем Востоке.

участок возвращался Китаю на следующих условиях: 1) на дороге не должно было быть никаких других войск, кроме китайских, 2) соблюдение всех раньше заключенных договоров об участке, 3) русское правительство должно было получить обязательство, что не будет проводиться ни новых линий, ни веток к данному участку, ни сооружения моста в Инкоу через р. Ляохэ, ни переноса конечного пункта дороги. Кроме того, совещание постановило восстановить русское требование о постройке железной дороги от одного из пунктов Китайской Восточной жел. дороги к Великой китайской стене по направлению на Пекин и потребовать возмещения всех затрат по возведению и эксплоатации возвращаемого участка.

Исходя из этих соображений и будучи поставлен во главе ведомства, призванного пещись о пользе и выгодах России на почве ее международных отношений, я не могу не высказать с принципиальной точки зрения, что сохранение за Россиею в сущности завоеванной ею Манчжурской области представлялось бы, конечно, весьма заманчивым во многих отношениях.

Но, к сожалению, при решении таковой важности вопросов недостаточно руководствоваться соображениями о желательности достижения той или иной задачи, необходимо постоянно и прежде всего иметь в виду, насколько осуществление оной возможно при данных политических обстоятельствах.

Нет сомнения, что с формальной стороны, поскольку вопрос касается взаимных отношений России к другим державам, присоединение к ее владениям Манчжурии представляется возможным, несмотря на заявления, сделанные в обнародованных правительственных сообщениях. В самом деле, во всех официальных документах императорское правительство неоднократно доводило до сведения иностранных государств, что Россия отнюдь не имеет в виду каких-либо территориальных приобретений за счет Китая (что она [1]) не преминет вывести войска свои из пределов соседней империи), но при условии однако, если этому не послужит препятствием образ действий других держав и самого Китая.

На основании последней, весьма существенной оговорки, в самом ближайшем времени не трудно будет отметить как в образе действий держав, так и в поведении Китая достаточно поводов для того, чтобы иметь право отказаться от наших первоначальных намерений и объявить о присоединении какой-либо части китайской территории. Хотя таковое решение, несомненно, произвело бы неблагоприятное впечатление на мировое общественное мнение, которое все же усмотрело бы в оном лишь предлог к неисполнению императорским правительством данных обещаний, тем не менее есть некоторые данные предполагать, что собственно из западных великих держав ни одна не решится вступиться за Китай и что, стало быть, со стороны Европы едва ли последует отпор завоевательным планам России.

Нельзя того же сказать относительно Японии, которая, как известно вашему высокопревосходительству из предшествующих сообщений моих, в высшей степени воинственно настроена против России, с живым интересом следит за каждым ее шагом на Крайнем Востоке и при первой же попытке нашей к нарушению целости китайской территории готова будет вступить в открытую борьбу с Россией с целью добиться для себя соответствующих выгод с оружием в руках, причем токийское правительство, несомненно встретит полное сочувствие, а быть может, и негласную поддержку со стороны некоторых, соперничествующих с Россией на Крайнем Востоке держав.

Из изложенного явствует, что весь рассматриваемый вопрос сводится к тому: может ли Россия при настоящих условиях ее боевых сил без всякого риска принять вызов Японии и представляет ли приобретение Манчжурии столь существенные военные, стратегические и фи-

---

[1]) Пропущено в царском экземпляре и при переписке к подписи. (Примечание в подлиннике).

нансовые выгоды, чтобы ради этого захвата стоило итти навстречу опасным осложнениям?

Наконец, в состоянии ли мы будем немедленно же приступить к военной и административной организации присоединяемой крайне своеобразной по бытовым условиям области, устройству весьма сложных гражданских и судебных учреждений, с отнесением всех необходимых для сего расходов на бюджет русской государственной казны?

В случае утвердительного ответа на поставленные вопросы со стороны единственно компетентных военного и финансового ведомств, на мой взгляд может представиться несвоевременным приступать ныне к возвращению занятых нами железных дорог в Южной Манчжурии, владение которыми, несомненно, будет иметь для нас на первых же порах существенные выгоды.

Наоборот, в случае отрицательного решения намеченных выше вопросов, мы должны были бы одновременно или тотчас вслед за передачею собственникам южно-манчжурских железных дорог приступить по собственному почину к постепенной эвакуации Манчжурии отдельными районами, стягивая поочередно из каждого отдельного округа наши войска в те ближайшие к русской границе местности, где присутствие их в усиленном размере еще вызывается необходимостью, и попутно везде, где окажется возможным, заменять существующее ныне в провинциях Манчжурии военное положение нормальным гражданским порядком при посредстве законных китайских административных властей.

О таковых мероприятиях надлежало бы поставить в известность как китайское правительство, так и все остальные державы путем обнародования особого правительственного сообщения, в котором вслед за указанием на основные положения последовательной и твердой позиции России, в связи с происходящими событиями, заявлено было бы, что, если Китай не выполнит поставленных ему условий по делу о передаче ему железных дорог, либо в образе действий держав и самого Китая последуют какие-либо непредвиденные перемены, то Россия вынуждена будет принять соответствующие ее государственным интересам меры, возложив на иностранные государства ответственность за все могущие произойти от сего последствия.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство почтить меня вашим окончательным заключением по предмету настоящего письма.

Секретная телеграмма посланника в Пекине Гирса министру иностранных дел Ламздорфу от 22 июля 1901 г.

Получил вчера телеграмму от 17-го.

Многие в Китае помирились, было, уже с мыслью, что Манчжурия отойдет к России. Оппозиция против нашего соглашения была внушена ему извне как обещанием поддержки против нас, так и угрозой удовлетворить себя в самом Китае. Неудача соглашения вскружила головы южных вице-королей и их партии, сильной ныне при дворе, и с которой Ли-Хун-Чан стал сближаться. Под их влиянием ведется на юге ожесточенная кампания против нас, явно покровительствуемая извне. Вся сила этой вражды к нам в поддержке Японии, а потому последствия нашего заявления о присоединении Манчжурии многим будут зависеть

от силы этой поддержки и подстрекательства. При нынешнем настроении Китай всеми мерами будет стремиться возможно раньше поставить на очередь манчжурский вопрос и привлечь другие державы к его решению. Нельзя допустить этого, так как при поддержке извне Китай может довести свое сопротивление нам до крайности. Ли-Хун-Чан получил уже приказ о начатии переговоров с нами, и, по его словам, двор запрашивает его, не следует ли оповестить все державы о намерении Китая начать переговоры, очевидно, с целью вызвать их вмешательство. Я полагал бы переговоры возможными при быстром их ведении и безусловном принятии февральского проекта [1]). Такой наш ответ Китаю выяснил бы, насколько справедливы слухи о данном будто бы им обещании другим державам открыть для них Манчжурию. При других условиях полагал бы крайне желательным сохранить в Манчжурии нынешнее временное положение, не выводя оттуда войска и не делая заявления о наших намерениях. Считаю необходимым, предварительно вывода войска из Манчжурии, заручиться в официальном акте признанием Китая вполне исключительного нашего положения в Манчжурии и по мере возможности во всей сфере нашего влияния. Иначе уход наш произведет здесь самое неблагоприятное для нас впечатление и пагубно отразится на нашем положении во всей стране и в особенности в намеченной сфере нашего влияния.

Гирс.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 25 июля 1901 г.

Получил телеграммы от 17 и 19 июля.

По моему убеждению, официально заявленное, под каким бы то ни было предлогом, намерение России присоединить к своим владениям Манчжурскую область неминуемо вызовет в Японии сильное движение общественного мнения. Усилившаяся здесь в последнее время воинственная партия потребует, вероятно, прямого разрыва с Россией, и лишь более умеренные элементы удовольствуются активными действиями в Корее. Которое именно из этих двух течений возьмет верх, заранее сказать невозможно, но, во всяком случае, нельзя ожидать, чтобы Япония осталась спокойною зрительницею формального присоединения Манчжурии к России. Если в Манчжурии фактически продлится наша оккупация, не обусловленная никакими формальными актами, скорее можно ожидать, что Япония мало-по-малу примирится с совершившимся фактом, хотя и в этом случае необходимо предвидеть периодические воинственные вспышки и попытки токийского кабинета возбудить про-

[1]) По проекту от 24 февраля 1901 г. царское правительство соглашалось восстановить власть Китая в Манчжурии, сохранив за собой право содержать там свои войска до водворения «спокойствия», уплаты вознаграждения Обществу Китайской Восточной железной дороги за убытки, связанные с боксерским восстанием, причем это вознаграждение могло быть заменено разными льготами Обществу Китайской Восточной железной дороги и выдачей русскому правительству концессии на постройку железной дороги от какого-нибудь пункта Китайской Восточной железной дороги к Великой китайской стене по направлению на Пекин. Проект соглашения ставил в зависимость от согласия царского правительства смену местных манчжурских губернаторов (цзяньцзюней). Китайскому правительству запрещалось давать концессии в пределах Манчжурии иностранным державам или их подданным на постройку железных дорог, разработку рудников и на какие бы то ни было промышленные предприятия.

тив подобной оккупации международный протест. Тотчас по прибытии сюда из Пекина нового министра иностранных дел Комура, которому, вероятно, будет предоставлено вполне самостоятельное заведывание иностранными делами, я постараюсь, как можно подробнее, выяснить его взгляды на манчжурский и корейский вопросы.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 3 сентября 1901 г.

На-днях выезжает отсюда через Америку в Европу маркиз Ито, предполагающий посетить главнейшие европейские столицы, начиная с Парижа, и в декабре или январе быть в С.-Петербурге. Хотя путешествию этому придается вполне частный характер, оно имеет несомненное политическое значение и предпринимается с целью ближайшего ознакомления со взглядами европейских кабинетов. Будучи устранен от дел, маркиз Ито продолжает занимать выдающееся положение среди старших государственных людей, пользующихся личным доверием японского императора, и результат его поездки может существенно повлиять на дальнейший ход внешней политики Японии. Подробности почтой.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 28 сентября 1901 г.

Новый министр иностранных дел Комура заявляет об искреннем желании искать сближения с Россией, но в то же время не поддается пока никаким попыткам приступить к обсуждению практического плана соглашения. Он, видимо, весьма озабочен получаемыми из Пекина известиями о возобновлении между нами и Китаем переговоров о Манчжурии, и до окончательного выяснения манчжурского вопроса вряд ли возможно склонить его к какому-либо обмену мыслей о Корее. Здесь, кажется, ничего еще с точностью неизвестно о сущности наших переговоров с Китаем, но, как я осведомлен из верного источника, в японском министерстве иностранных дел убеждены, что китайское правительство ничего окончательно не подпишет, не посоветовавшись с Японией и другими державами.

Извольский.

Депеша посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 6 октября 1901 г. № 35.

М. г. граф Владимир Николаевич.

Телеграммой от 24 (11) сентября я имел честь уведомить ваше сиятельство о назначении японского посланника в Пекине г. Комура министром иностранных дел. Ваше сиятельство изволите вспомнить, что г. Комура был намечен на этот пост еще пять месяцев тому назад, но был оставлен в Пекине для окончания переговоров, которые он вел в последнее время совершенно самостоятельно и почти не спрашивая инструкций из Токио; с другой стороны, министр финансов, г. Соне, временно управлявший министерством иностранных дел, тщательно избегал всякой инициативы во внешних сношениях и ограничивался лишь

исполнением текущих дел. Подобное положение было тем более неудобно, что первый министр генерал Кацура также устранялся от обсуждения вопросов внешней политики. Приезд г. Комура ожидался поэтому дипломатическим корпусом с большим нетерпением; назначение его встречено здесь весьма сочувственно как среди иностранных представителей, так и в местных политических сферах. Новый министр иностранных дел, пробывший около шести месяцев в качестве посланника в Петербурге и оттуда переведенный в Пекин тотчас после освобождения миссий, лично известен вашему сиятельству. Здесь он считается весьма серьезным, спокойным, но в то же время настойчивым и энергическим дипломатом. Как в Корее, где он был преемником виконта Миура, после убийства королевы, и где он подписал с действительным статским советником Вебером известное соглашение 1896 года, так и в Токио, в должности товарища министра иностранных дел, выказал много такта и умеренности и заслужил всеобщее доверие и уважение. Насколько я мог удостовериться, он совершенно свободен от свойственных столь многим японским дипломатам исключительных симпатий к той или другой западно-европейской стране. Из пребывания своего в Петербурге он вынес самые благоприятные впечатления и, по возвращении оттуда, несколько раз откровенно и даже публично высказывал убеждение в желательности и возможности сближения с нами. С другой стороны, в Пекине он выступил главным противником предполагавшегося русско-китайского соглашения о Манчжурии, и вашему сиятельству, конечно, подробно известно из донесений действительного статского советника Гирса об энергическом воздействии его на китайских уполномоченных с целью отклонить их от подписания этого акта. Здесь вообще убеждены, что г. Комура будет предоставлена первым министром значительная свобода действий в сфере внешних сношений и, что, в особенности в китайском и манчжурском вопросах, кабинет будет главным образом руководствоваться его взглядами.

По пути из Китая в Японию г. Комура как уверяют, по собственной инициативе и даже не предупредивши об этом токийское правительство, зашел на предоставленном в его распоряжение японском крейсере в Чемульпо, посетил Сеул и имел аудиенцию у корейского императора. Здешняя печать усматривает в этом указание на то, что новый министр иностранных дел намерен обратить особенное внимание на корейские дела, но о цели и результатах его поездки в Корею до сих пор ничего с достоверностью неизвестно.

Вскоре после обмена первых официальных визитов я имел случай довольно долго и непринужденно беседовать с новым министром иностранных дел. Я воспользовался этим, чтобы постараться вызвать его на откровенный обмен мыслей о наших отношениях к Японии. Я прежде всего вкратце изложил ему все фазисы моих сношений с его предшественниками и не скрыл от него, что, по моему убеждению, г. Като своим предвзятым и систематическим недоверием к нашей политике и резкими своими дипломатическими действиями значительно затруднил благополучное разрешение существующих между Россией и Японией спорных вопросов. «Между тем, — сказал я, — при спокойном и беспристрастном взгляде на то, что происходит ныне на Дальнем Востоке, нельзя не притти к заключению, что цели, преследуемые как русской, так и японской политикой, не только не заключают в себе ничего принципиально противоположного, но, напротив того, легко могли бы быть

приведены в полное согласие. В этом отношении весьма достойно внимания, что во время только что окончившихся пекинских переговоров русский и японский уполномоченные весьма часто, без всякого предварительного уговора и, так сказать, в силу логического течения мысли обоих их кабинетов высказывались в одном и том же смысле; когда же Япония, вследствие общих политических соображений, склонялась на сторону английских воззрений и соображений, каждый раз непосредственно страдали собственные ее интересы. Это доказывает, на сколько ошибочна усвоенная Японией в последнее время политическая система, отождествляющая японские цели и интересы с совершенно чуждыми и даже враждебными ей целями и интересами западно-европейских держав и главным образом Англии. Все эти державы преследуют на Дальнем Востоке чисто колониальную, т. е. эгоистическую политику, которая непременно, рано или поздно, приведет их к столкновению с Японией не только на экономической, но и на политической почве. Россия же, напротив того, имеет в этой части света совершенно домашние интересы и сама является здесь восточной державой; отношения ее к Китаю определяются главным образом географической ее смежностью с этой страной; все это, вместе взятое, налагает на русскую политику строго консервативный характер. Россия и Япония в равной степени заинтересованы в сохранении на Дальнем Востоке спокойствия и равновесия, и если между ними состоится искреннее, основанное на взаимном доверии и общности целей, сближение, это сделает их полными хозяевами положения и установит предел эгоистическому вмешательству чуждых европейских держав. Одним словом, Япония должна смотреть на Россию, как на ближайшую, соседственную державу, с которой тем легче сговориться, что от нее она не может ожидать никакой серьезной экономической конкуренции именно в том громадном районе, южнее Великой китайской стены, который является важнейшим рынком для развивающейся японской промышленности. Но для того, чтобы могло состояться подобное сближение, необходимо предварительно разъяснить некоторые существующие недоразумения и разрешить наиболее обострившиеся в настоящее время между Россией и Японией вопросы. Большинство благоразумных японцев признают, что занятое нами положение в Манчжурии нисколько не затрагивает японских интересов, которые могут лишь выиграть от учреждения в этой провинции прочного порядка и от успешного окончания нашего великого железнодорожного предприятия. Поэтому, казалось бы, что Япония отнюдь не должна препятствовать достижению намеченных нами в Манчжурии целей. Нами уже определенным образом заявлено, что мы не желаем присоединить эту провинцию к нашим владениям, и Японии следовало бы отнестись к этим заявлениям с полным доверием и добровольно признать, что мы имеем право и даже обязанность требовать от Китая обеспечения имеющихся у нас в этой местности громадных интересов и достаточных гарантий против повторения прошлогодних событий. Что касается Кореи, то, как явствует из подписанных уже нами соглашений, мы готовы относиться с полным вниманием к японским экономическим и торговым интересам в этой стране, но японское правительство должно, с своей стороны, понять, что мы не можем безучастно относиться к состоянию маленького соседнего государства и допустить утверждение в нем чужой политической власти. Наилучшим способом разрешения корейского вопроса является поэтому обоюдное признание и гарантирование неза-

висимости Кореи, причем, раз на этой почве между Россией и Японией будет существовать искреннее доверие, уже нетрудно найти средство дополнить и развить, в положительном смысле, уже существующие между ними соглашения и условиться относительно формы, в которой слабому корейскому правительству могла бы быть предложена помощь как с русской, так и с японской стороны».

В подтверждение указаний моих на систематическое и предвзятое недоверие к нам японского правительства, в ущерб собственным его интересам, я привел министру иностранных дел несколько недавних примеров. Так, между прочим, когда три месяца тому назад нами было предложено согласовать обоюдные меры предосторожности против перехода на корейскую территорию появившихся на нижнем течении Ялу шаек хунхузов, токийский кабинет, против мнения собственного своего посланника в Корее, явно выказал свое нежелание действовать заодно с нами.

Г. Комура не только не сделал мне никаких возражений на высказанные мною взгляды, но вполне согласился со мной, что в последнее время японская политика значительно отклонилась от естественного пути единения с Россией, как с державой, наиболее близко заинтересованной в делах Дальнего Востока. Он самым энергическим образом заявил мне, что, с своей стороны, он всеми силами будет искать почвы для подобного единения, которое способно на долгие годы обеспечить мир и спокойствие в этой части света и дать перевес консервативной политике обеих держав. Но, хотя он несколько раз, и весьма убежденным тоном, повторил мне эти заявления, он все время тщательно придерживался общих выражений; когда же я попробовал пойти несколько далее и приступить хотя бы к теоретическому рассмотрению возможного соглашения по корейскому вопросу, я тотчас же натолкнулся на очевидное и непреодолимое нежелание перейти на подобную почву. При этом некоторые сделанные мне министром во время разговора вопросы и замечания ясно указали мне на причины его чрезвычайной сдержанности. Из слов его я мог заключить, что он уже получил из Пекина известие о возобновлении нами, через посредство нашего нового посланника, переговоров о Манчжурии и что известие это опять начинает возбуждать здесь тревогу и опасения. Как я уже имел честь доносить, здесь продолжает господствовать убеждение, что наша политика имеет целью установление в Манчжурии нашего полного и исключительного политического и военного господства, и что Япония должна либо помешать подобному исходу дела, либо обеспечить себе соответственные исключительные выгоды в Корее. Поэтому покуда не будет окончательно выяснено, на каких основаниях мы хотим устроиться в Манчжурии, токийский кабинет, очевидно, не поддастся никаким попыткам вызвать его на обсуждение плана дружественного и основанного на признании обоюдных интересов — соглашения о Корее. До сих пор, насколько я мог удостовериться, здесь известно лишь, что между действительным статским советником Лессаром и Ли-Хун-Чаном начаты переговоры и что мы поставили первым и непременным условием сохранение этих переговоров в абсолютной тайне. Но в то же время я знаю из вполне верного, конфиденциального источника, что в японском министерстве иностранных дел твердо уверены, что китайский двор ни в каком случае не подпишет или, по крайней мере, не ратификует никакого окончательного договора с нами о Манчжурии, не посоветовавшись предварительно с

Японией и некоторыми другими державами. Уверенность эту, очевидно, внушил японскому правительству сам г. Комура, на основании своих предыдущих сношений с китайскими уполномоченными, и на этой уверенности, как кажется, построены все ближайшие политические расчеты токийского кабинета.

Впечатление, вынесенное мной из беседы с новым японским министром иностранных дел, я постарался вкратце изложить в телеграмме моей к вашему сиятельству от 11 октября (28 сентября). Сущность этого впечатления сводится к тому, что г. Комура несколько правильнее и спокойнее, чем его предшественник, смотрит на вопрос о русско-японских отношениях и, кажется, вполне искренно желает найти почву для сближения с нами. С другой стороны, он, очевидно, решится сделать какой-либо практический шаг в этом направлении лишь в том случае, если он окончательно убедится, что поставленные нами Китаю условия относительно Манчжурии не нарушают, с японской точки зрения, сделанных нами заявлений и не дают нам опасного для Японии существенного политического перевеса на Дальнем Востоке [1]).

Извольский.

Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 24 октября 1901 г.[2]).

В повергаемом у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества письме г. Делькассе с предупредительной готовностью предлагает свои услуги для объяснений с прибывающим на-днях в Париж бывшим японским первым министром, маркизом Ито, в смысле, благоприятном целям русской политики на Крайнем Востоке.

Дабы дать руководителю внешних сношений Франции материал для означенных объяснений, изготовлена соответствующая записка, которая могла бы быть ему передана через посредство пребывающего здесь французского поверенного в делах.

Проект означенной записки беру смелость представить у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества.

Граф Ламздорф.

С.-Петербург.

24 октября 1901 г.

---

[1]) В проекте соглашения с Китаем относительно Манчжурии от 16 октября 1901 г. царское правительство, под давлением держав, в особенности Англии и Японии, вынуждено было пойти на уступки Китаю по сравнению с требованиями, содержавшимися в проекте соглашения от 24 февраля 1901 г. Сохраняя за собой все привилегии, связанные с договором о Китайской Восточной железной дороге 1896 г., Россия в то же время соглашалась установить определенный срок эвакуации русских войск из Манчжурии. Охрана железной дороги, русских подданных и учреждений в Манчжурии по проекту от 16 октября возлагалась на китайское правительство, в то время как проектом от 24 февраля эту «обязанность» царское правительство брало на себя.

[2]) На записке помета Николая Романова: «Хорошо» и далее рукою Ламздорфа: «Скерневицы, 27 октября 1901 г.».

Отпуск записки министерства иностранных дел для Делькассе [1]).

Русское правительство никогда не переставало чувствовать самое дружеское расположение к Японии: если и возникали некоторые расхождения во взглядах у обоих правительств, то они относились исключительно к вопросу о Корее.

Сеульский меморандум от 14 (2) мая 1896 г. [2]) и протокол, подписанный в Москве (9 июня) 28 мая того же года [3]) уточнили взаимное положение России и Японии относительно некоторых вопросов внутреннего порядка в Корее, которое надлежало разрешить с общего согласия. Последующие затем события сделали однако необходимым изменить эти постановления, и поэтому было заключено соглашение от 13 апреля 1898 г., подписанное в Токио бароном Розеном и бароном Нисси, которое снова и окончательно провозглашало суверенные права и полную независимость Кореи и содержало взаимное обязательство избегать какого-либо непосредственного вмешательства во внутренние дела этого государства. В то же время, принимая во внимание важность японских коммерческих и промышленных предприятий в Корее, Россия обещала не препятствовать их развитию.

Затем между обоими правительствами имели место переговоры относительно взаимного признания нейтралитета Кореи. Они ни к чему не привели, и настоящая позиция токийского кабинета относительно России в вопросе о Корее определяется сообщением японского посольства от 9 января 1901 г., констатирующим, что «протокол 1898 г. сохраняет свою силу и, как кажется, с японской точки зрения, этот протокол, соответствуя требованиям настоящего момента, должен регулировать положение вещей». (Ils n'ont pas abouti, et l'attitude actuelle du Cabinet de Tokio se trouve déterminée vis-à-vis de la Russie dans la question coréenne par la communication de la légation du Japon du 9 janvier 1901 constatant que le protocole de 1898 est en vigueur, et «qu'au point de vue japonais il semble que ce protocole doit régir la matière en répondant aux exigences présentes»).

Императорское правительство ответило, что оно придерживается того же мнения.

---

[1]) Перевод с французского. На документе помета Николая Романова: «С[огласен.]» и далее рукою Ламздорфа: «Скерневицы, 27 октября 1901 г.».

[2]) Сеульский меморандум от 14(2) мая 1896 г. является актом открытого вмешательства России и Японии во внутренние дела Кореи.

В частности российский представитель поддерживал требование японского правительства о содержании в Корее, ввиду чрезвычайных обстоятельств, известного количества японских войск, которые должны быть выведены, как только водворится порядок в стране. Такое же право японское правительство предоставляло России.

[3]) Протокол (9 июня) 28 мая 1896 г. устанавливал фактически финансовый контроль России и Японии над Кореей. Протокол обязывал Россию и Японию оказывать содействие корейскому правительству в случае, если последнее, в связи с проводимыми реформами, было бы поставлено в необходимость заключать иностранные займы. Протокол, кроме того, являлся формой установления контроля над вооруженными силами Кореи; Россия и Япония брали на себя организацию в Корее достаточных вооруженных сил и полиции. Наконец, протокол устанавливал контроль над внутренними сообщениями Кореи, сохраняя за японским правительством право управления находившимися в руках Японии телеграфными линиями и предоставляя России право установить телеграфное сообщение между Сеулом и ее границей. В протоколе было две секретных статьи, предоставлявших обеим сторонам право вводить в Корею равное количество войск в случае «возникновения в ней внутренних или внешних осложнений». При этом между войсками должна была оставаться полоса, свободная от оккупации.

Русское правительство готово приступить к обмену мнений с японским правительством, для того чтобы уточнить или расширить предыдущие соглашения относительно Кореи, с целью гарантировать устойчивость положения на Дальнем Востоке; оно полагает, что его интересы в этом отношении совпадают с интересами других держав. Не имея в виду ни присоединить Корею, ни закрепить в ней за собой исключительное положение, русское правительство, которое признает естественным японскую коммерческую и промышленную экспансию в Корейском государстве, не могло бы допустить, чтобы это последнее стало для Японии стратегическим центром в ущерб русским интересам.

Часть общественного мнения в Японии однако продолжает проповедывать активную политику в Корее, вплоть до занятия этой страны, особенно с тех пор, как возникли ложные слухи о предполагаемом будто бы намерении России присоединить к себе Манчжурию.

Императорское правительство неоднократно заявляло, что оно не намеревалось присоединять Манчжурию и что оно готово произвести эвакуацию своих войск из этой провинции. Но эта эвакуация, понятно, не может состояться без получения серьезных гарантий в том, что волнения, которые заставили Россию прибегнуть к вооруженному вмешательству, более не возобновятся. Положение России в Манчжурии в самом деле носит исключительный характер: оно определяется ее географическим положением, вследствие которого она стала предметом агрессивных действий со стороны разнузданных китайских банд, а также фактом построения великого пути, заканчивающегося в Талиенване (Дальнем), которым будут пользоваться все державы, в особенности же Япония.

Японское правительство не должно поэтому питать опасений ни по поводу гарантий, которых требует Россия для того, чтобы эвакуировать Манчжурию, ни по поводу присутствия русских войск в этой стране до тех пор, пока Китай не даст необходимых гарантий. От этой точки зрения Россия не может отказаться и, заявляя о своей готовности начать переговоры — самые дружественные и искренние — с японским правительством, она может это сделать лишь на базе принципов, которые обусловлены существующими соглашениями.

Секретная телеграмма советника посольства в Париже Нарышкина министру иностранных дел Ламздорфу от (13 ноября) 31 октября 1901 г.

Из продолжительного разговора с маркизом Ито Делькассе вынес о нем благоприятное впечатление. Японский сановник в беседе с министром занялся вопросом о сношениях Японии с Россией, о желательности дружественного между обоими правительствами общения и о делах в Корее, где, по словам Ито, представители России и Японии зачастую действиями своими дают повод к пререканиям с той или другой стороны. Ито присовокупил к этому, насколько отзывчиво и горячо народонаселение Японии, насколько правительству трудно бороться с легко возбуждаемым общественным мнением, насколько правительству легко ладить с парламентом, который он сравнивал с чумой. Делькассе ответил ему, что пререкания между представителями России и Японии в Корее могли бы быть улажены путем объяснений между правительствами для устранения всяких недоразумений и что французское правительство готово было бы оказать содействие обеим сторонам для уста-

новления прочного соглашения и сближения их между собой. Маркиз Ито обошел молчанием о конечной цели своей поездки в Европу, но на замечание Делькассе, что ему хорошо было бы проехать в С.-Петербург для выяснения условий соглашения с Россией, он ответил, что поездка в Россию входит в его программу и что после пребывания в С.-Петербурге он намерен посетить вновь Париж. Маркиз Ито останется тут еще с неделю и после особой аудиенции у президента республики будет приглашен к завтраку. Делькассе очень признателен за переданную Бутирону[1]) записку, которая по телеграфу была сообщена ему вчера после нашей беседы.

Нарышкин.

Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 22 ноября 1901 г.[2]).

Посетивший меня вчера перед отъездом своим из Петербурга маркиз Ито счел долгом своим прежде всего вновь выразить живейшую благодарность по поводу оказанного ему вашим императорским величеством милостивого приема, а также и встреченного им радушия в России.

Хотя на него не было возложено японским правительством никакого политического поручения, тем не менее, вследствие происходивших во время его пребывания здесь бесед и искренне желая закрепления дружественных отношений между Россией и Японией, он нашел возможным совершенно частным образом набросать письменно те условия, которые, по его мнению, могли бы служить основанием для заключения особого между обоими государствами соглашения.

Ознакомившись с переданной им мне и повергаемой у сего на всемилостивейшее вашего императорского величества воззрение запиской, я заметил маркизу Ито, что предлагаемые им условия не представляют, на мой взгляд, канвы с о г л а ш е н и я, а лишь перечень весьма широких льгот, которые Япония желает выговорить в с в о ю п о л ь з у.

Замечание мое, видимо, смутило маркиза Ито, который очень пространно стал доказывать, насколько в интересах обоих государств желательно было бы успокоить общественное мнение в Японии, которое до той поры, пока между нами не состоится прочного соглашения по корейским делам, будет постоянно находиться в состоянии возбуждения, подозревая Россию в затаенных планах в Корее.

Я не сомневаюсь,— сказал я маркизу,— что проектируемое им соглашение успокоит общественное мнение в Японии, но оно не может не вызвать совершенно обратного действия в России, так как по условиям своим оно равносильно предоставлению, без соответствующего противовеса, Кореи в полное распоряжение Японии и обращает на деле «независимость» ее в пустой звук. На таковую постановку вопроса, ввиду ближайшего соседства России с корейским полуостровом, императорскому правительству весьма трудно согласиться.

Спокойные, но довольно категорические возражения эти и замечание мое, что Россия, в сущности, могла бы довольствоваться и нынеш-

---

[1]) Бутирон — советник французского посольства в Петербурге в 1901 г.

[2]) На записке помета Николая Романова: «С[огласен]. России никак нельзя отказаться от прежнего ее п р а в а содержать в Корее столько войск, сколько там находится японских». Далее рукою Ламадорфа: «Гатчина, 22 ноября 1901 г.».

ними соглашениями с Японией по корейским делам, казалось, были для маркиза совершенно неожиданными, и он спросил меня даже, не следует ли ему взять обратно свой проект.

Полагая однако неосторожным совершенно обезнадеживать японского сановника и тем преградить путь к дальнейшему обмену мыслей, я отказался возвратить ему записку, заметив, что она, несомненно, может послужить материалом для составления проекта соглашения, хотя требует предварительно некоторых изменений. При этом я обратил внимание маркиза на то обстоятельство, что первые три поставленные им пункта, возлагающие известного рода взаимные обязательства на Россию и Японию, совершенно уничтожаются четвертым пунктом, по которому одной Японии предоставляются политические, промышленные, коммерческие и даже военные права в Корее. При таких условиях,— спросил я,— возможны ли взаимные гарантии, упоминаемые во второй и третьей статьях проекта?

Тогда маркиз Ито предложил в этих пунктах заменить выражение «взаимные гарантии» словами «Япония обязуется».

Я указал также на то, что всякое соглашение помимо обязательств или уступок предполагает и равные или соответствующие права и преимущества для обеих договаривающихся сторон. Между тем в представленном маркизом проекте всеми преимуществами пользовалась бы исключительно Япония.

Признав справедливость этого замечания, маркиз Ито сказал, что по этому вопросу он ждет сообщения от меня, так как императорское правительство может лучше оформить те требования, которые оно сочло бы достаточной компенсацией за права, приобретаемые Японией в Корее.

На это я напомнил маркизу Ито, что беседа моя с ним имела совершенно частный характер и что я высказывал по поводу представленной им записки исключительно свои личные впечатления. Дабы предъявить какие бы то ни было требования России, я обязан прежде всего донести обо всем вашему императорскому величеству и, испросив всемилостивейших указаний, приступить затем к обмену мыслей с другими заинтересованными ведомствами.

Так как маркиз Ито собирался покинуть Петербург вчера же, 21 ноября, вечером, то он просил меня сообщить ему, по возможности скорее, ответ по поводу его записки через японского посланника в Берлине, где он намерен пробыть некоторое время. Он присовокупил, что, хотя и не занимает в настоящую минуту официального положения в Японии, но находится в переписке с императором и что в Токио с крайним нетерпением ожидают сведений о результате его путешествия. Из Берлина маркиз Ито собирается ехать в Брюссель, а в Париже будет не скоро.

Доводя об изложенном до высочайшего вашего императорского величества сведения, осмеливаюсь полагать, что записка маркиза Ито с некоторыми необходимыми изменениями и дополнениями требований России, действительно могла бы послужить материалом для составления проекта соглашения с Японией.

Представляя у сего проект таковых изменений текста, испрашиваю высочайшего вашего императорского величества повеления сообщить оный на заключение министров финансов, военного и управляющего морским министерством.

С.-Петербург. Граф Ламздорф.
22 ноября 1901 г.

Проект предложений маркиза Ито с замечаниями министра иностранных дел Ламздорфа.

Предложения маркиза Ито [1]).

1. Взаимные гарантии независимости Кореи.

2. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей друг против друга.

3. Взаимное обязательство не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношении политическом, промышленном и коммерческом и исключительного права ее помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого подобного другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.

5. Настоящее соглашение заменит собой все предыдущие.

[1]) Перевод с английского.

Проект графа Ламздорфа [1]).

1. Взаимные гарантии независимости Кореи.

2. Взаимное обязательство (или же Япония обязуется) не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей.

3. Взаимное обязательство (или же Япония обязуется) не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношении промышленном и коммерческом, а также преимущественных ее прав, по предварительном соглашении с Россией, приходить одной на помощь Корее советами, стремящимися помочь ей при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.

5. Япония обязуется в случае, предусмотренном в предыдущем пункте (п. 4), посылать в Корею только строго необходимое количество войск и отозвать таковые тотчас по выполнении ими задачи. При этом обусловлено, что японские войска ни в коем случае не переступят за пределы заранее строго определенной зоны вдоль русской границы.

6. Со своей стороны Япония признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи и обязуется ни в чем не препятствовать свободе действий России в этой области.

7. Настоящее соглашение заменяет собой все предыдущие.

[1]) Перевод с французского.

Проект секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 22 ноября 1901 г.[1]).

В откровенной беседе маркиз Ито, указав, что он не имеет никакого официального поручения, обменялся со мной следующими мыслями.

Корея может быть единственным предметом раздора между двумя соседними империями; у японцев сложилось убеждение, что Россия стремится завладеть соседним полуостровом, что́ неминуемо нанесет удар независимости Японии; опасения подобного рода и послужили главной причиной японо-китайской войны; если бы Россия согласилась успокоить в этом отношении Японию, то ничто не будет препятствовать установлению тесной дружбы между соседями; в этом смысле, быть может, могли бы быть изменены существующие соглашения.

На замечание мое о том, что в основу последних именно положен принцип независимости Кореи, и потому опасениям, казалось бы, нет места, тем более, что в последнее время Япония сама отклонила предложение о возможном дополнении соглашений, маркиз ответил, что токийский кабинет относился отрицательно к вопросу, пока длился китайский кризис; ныне же казалось бы возможным условиться о будущем. На сделанное мной затем предложение высказаться о взглядах японского правительства на дело мой собеседник заявил, что, как уже было замечено, для Японии прежде всего нужна независимость Кореи, но последняя слишком слаба, чтобы существовать самостоятельно, и Япония желала бы, условившись предварительно о том с Россией, получить возможность давать советы сеульскому правительству и оказывать ему помощь, устранив таким образом от корейских дел влияние всякой другой державы. При этом, вследствие моей о том просьбы, маркиз разъяснил, что он имеет в виду советы, направленные к поднятию благоустройства страны, а, говоря о помощи, разумеет даже содействие военной силы, в случае беспорядков и столкновений с другими державами.

Я усумнился в возможности сохранить при таких условиях самостоятельность Кореи, вследствие чего маркиз заметил, что, пока Корея может обращаться то к одной, то к другой державе, столкновения по этому поводу между Россией и Японией будут всегда возможны, а между тем именно и желательно устранение их раз навсегда.

Не отвергая значения Кореи для Японии, я указал маркизу Ито на то, что Россия не может вполне отрешиться от своих интересов в сопредельной стране. Ныне она может содержать равное с японцами число войск, между тем Япония желает обеспечить за собой исключительное право вооруженного вмешательства, что изменяет положение и может привести к созданию японцами стратегических позиций, чего Россия допустить не может, не подвергая опасности сообщения Владивостока с южными портами.

На вопрос о том, какие могут быть даны гарантии против подобной случайности, маркиз ответил, что Япония готова дать священное обещание *никогда* не укреплять портов южной Кореи и *никогда* не угрожать означенным сообщениям, но что, ввиду существующего стремления русских моряков овладеть портом в Корее и устроить там

---

[1]) На проекте помета Николая Романова: «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 22 ноября 1901 г.».

военно-морскую базу, необходимо раз навсегда успокоить Японию насчет действительных намерений России; тогда последняя могла бы свободно действовать в Китае, не страшась противодействия соседней империи.

Я должен был заметить маркизу, что Россия не имеет страха ни перед кем и что она желает установления дружественных отношений с Японией для общего умиротворения и пользы обеих империй. Мой собеседник поспешил заметить, что он не так выразился и имел в виду лишь необходимость более прочного соглашения, причем указал на то, что, когда, следуя совету России, Франции и Германии, он, находясь во главе правительства, отказался от добытых Японией после войны с Китаем результатов[1]), такое решение с негодованием было встречено народом, а между тем Россия извлекла пользу из войны, так как при иных условиях Китай никогда бы не согласился на постройку манчжурской железной дороги. Маркиз согласился однако со сделанным мной замечанием о том, что дорога полезна и для Японии, открывая ей обширный рынок, причем выразил надежду, что Россия не откажется предоставить возможные тарифные льготы.

Наконец, на замечание маркиза Ито, что он вел со мной беседу, как частный человек, я ответил тем же, причем, во избежание неточностей и недоразумений вследствие передачи беседы через переводчика, просил его дать мне письменную программу возможных предположений Японии, на что он охотно согласился, указав на необходимость иметь в виду во всем этом деле, что Россия, как и другие великие державы, постоянно расширяет свои владения и могущество, Япония же более распространяться не может.

Сообщая вам об этом для личного сведения, присовокупляю, что о дальнейшем направлении дела вы будете своевременно поставлены в известность.

* *

Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 30 ноября 1901 г.[2]).

С высочайшего вашего императорского величества соизволения я не преминул сообщить как записку, представленную маркизом Ито, так и проект сделанных мной в оной изменений на заключение министров военного, финансов и управляющего морским министерством.

Из повергаемых у сего отзывов генерала-от-инфантерии Куропаткина и статс-секретаря Витте явствует, что военное и финансовое ведомства не встречают в общем препятствий к заключению на изложенных в выработанном проекте условиях соглашения с Японией по корейским делам.

Осмеливаюсь полагать, что предположенное генералом Куропаткиным изменение 2 пункта нельзя признать удачным: в самом деле, по проектированной мной редакции Японии возбраняются всякие стратегические цели на корейской территории; между тем как упоминание только «о военных целях против России» даст возможность япон-

---

[1]) Под давлением России, Германии и Франции японское правительство вынуждено было отказаться от захвата Ляодунского полуострова в результате японо-китайской войны 1894—1895 гг. и даже допустить занятие Ляодуна русскими войсками.

[2]) На записке помета Николая Романова: «Согласен. Лучше послать ваше письмо с нарочным» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 30 ноября 1901 г.».

цам строить укрепления в Корее и оправдывать эти действия стратегическими целями против Америки, Англии или Германии.

С другой стороны, казалось бы, нельзя не согласиться с мнением статс-секретаря Витте о желательности изложить проект соглашения с Японией по возможности объективно и с этой точки зрения допустить во втором и третьем пунктах первоначальную редакцию записки маркиза Ито «взаимное обязательство» (mutual guarantee) вместо им самим предложенного изменения — «Япония обязуется».

К сожалению, мной до сего времени не получен отзыв управляющего морским министерством по поводу проектированного с Японией соглашения.

Принимая однако во внимание желательность возможно скорее дать ответ маркизу Ито, по крайней мере, до поездки его в Англию, и что сановник этот уже был извещен мной через здешнего японского представителя о ближайшем отправлении в Берлин выработанного по высочайшему повелению текста соглашения, я не преминул изготовить проект соответствующего письма на имя маркиза Ито с изложением тех оснований, коими руководствовалось императорское правительство при изменении и дополнении предложенных в его записке условий.

Повергая у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества означенный проект письма вместе с предположенным текстом соглашения, приемлю смелость испрашивать высочайшего соизволения на отправление таковых маркизу Ито в Берлин с первым удобным случаем.

Граф Ламздорф.

С.-Петербург.
30 ноября 1901 г.

Копия секретного письма военного министра Куропаткина министру иностранных дел Ламздорфу от 27 ноября 1901 г. № 415.

При нашей решимости очистить Манчжурию от наших войск, полагаю, что Японии будет трудно найти повод для войны с нами, и, главное, таковая война, создавая Японии большие опасности, не принесет особо полезного результата.

Уверен, что, даже удерживая в известной от нас зависимости Северную Манчжурию до границ, указанных мной ранее, мы имеем полное основание надеяться избежать разрыва с Японией.

Поэтому наше новое соглашение с Японией не должно быть куплено слишком дорогой ценой.

Полный отказ от Кореи и уступка ее Японии и составит слишком дорогую цену.

Для меня несомненно, что если японские войска войдут в Корею, то это ускорит разрыв России с Японией. В этих видах надлежит всеми средствами препятствовать расположению японских войск на постоянное квартирование в Корее. В особенности северная половина Кореи должна быть свободна от японских войск.

Второй вопрос — это проливы. Действительно, необходимо, чтобы на южном берегу Кореи не возникло никаких укрепленных пунктов, которые могли бы стеснять движение наших судов между Владивостоком и Порт-Артуром.

Третий вопрос — это необходимость охранять для России свободу действий в Манчжурии. В особенности важно, чтобы именно со стороны Японии последовало признание этой свободы.

В присланном мне тексте соглашения, с теми исправлениями (весьма незначительными), которые я сделал, по всем изложенным выше трем пунктам приняты во внимание наши насущные нужды. Но мне представляется, что уступать далее что-либо совершенно невозможно. Особенно нельзя поступиться шестым пунктом.

Возвращаю при сем проекты соглашений с сделанными мной поправками.

Изменения, предложенные военным министром Куропаткиным, к проекту маркиза Ито.

Текст предложений маркиза Ито.	*Предложенные изменения и дополнения.*
1) Взаимные гарантии независимости Кореи.	1) (Без изменения).
2) Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей друг против друга.	2) Япония обязуется не пользоваться никакой частью корейской территории для военных против России целей.
3) Взаимное обязательство не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.	3) Япония обязуется не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.
4) Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношениях политическом, промышленном и коммерческом и исключительного права ее помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.	4) Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношениях промышленном и коммерческом, а также преимущественного права ее, по предварительном соглашении с Россией, помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.
5) Настоящее соглашение заменит собой все предыдущие.	5) Япония обязуется в случае, предусмотренном в четвертом пункте, посылать в Корею лишь самое ограниченное количество войск и отозвать таковые тотчас по миновании в них надобности. При этом японские войска никоим образом не должны переступать за пределы из-

вестной заранее определенной зоны вдоль русско-корейской границы.

6) Япония признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи и обязуется не препятствовать соответствующей свободе действий ее в означенных областях.

7) Настоящее соглашение заменяет собой все предыдущие.

Проект письма министра иностранных дел Ламздорфа маркизу Ито в Берлин [1]).

Я не преминул довести до сведения моего августейшего государя содержание тех разговоров, которые мы имели с вами во время пребывания вашего высокопревосходительства в Петербурге, и я счел своим долгом также доложить его императорскому величеству те четыре пункта, которые вы наметили в качестве основания для нового соглашения между Россией и Японией. Согласно высочайшему повелению, я затем совещался по этому поводу с подлежащими министрами, и я счастлив, что могу сообщить вам сегодня результат этого обсуждения, который, я надеюсь, облегчит заключение соглашения, которого ваше превосходительство так же, как и я, желаете для блага наших обеих стран.

В проекте, который прилагается к этим строкам, первые три пункта, предложенные вашим высокопревосходительством, остаются без изменения, за исключением слов: «друг против друга» («against each other») в конце 2-го пункта, которые могли бы быть с пользою для дела выброшены. Если бы ваше высокопревосходительство предпочли сократить в начале 2-го и 3-го пункта первоначальную редакцию, т. е. «mutual guarantee» вместо «Япония обязуется», мы не стали бы против этого возражать.

В 4-м пункте желательно было бы вычеркнуть слово «political» перед словами «industrial and commercial aspects», так как это слово может нарушить принцип независимости Кореи, гарантировать которую Россия и Япония взаимно обязались бы. Казалось бы справедливым дополнить этот текст соглашением о том, что прежде, чем воспользоваться своим преимущественным влиянием посредством советов и даже при случае посредством вооруженной интервенции в Корее, Япония будет предварительно договариваться с Россией по этому поводу.

Право военной интервенции в Корее, которое Япония получила бы по предполагаемому договору, должно быть точно определено теми условиями, которые ваше высокопревосходительство сообщили мне на словах, а именно, что количество японских войск, отправляемых в Корею, будет всегда строго соответствовать требованиям положения и что эти войска будут отозваны немедленно по выполнению их задачи. Чтобы избежать в будущем всяких осложнений, следовало бы условиться, что японские отряды не переступят за пределы заранее определенной

[1]) Перевод с французского. На проекте помета Николая Романова: «Одобряю» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 30 ноября 1901 г.».

зоны вдоль русской границы. Все эти соображения изложены в пункте 5-м, здесь прилагаемом.

Что касается 6-го пункта, то он является лишь слабым эквивалентом тех широких прав, которые Россия признала бы в Корее за Японией. К тому же он только повторяет принципы, уже признанные в переданной бароном Нисси в 1898 г. барону Розену записке, и предложения, сделанные в Петербурге г. Комура в 1900 г.

Смею надеяться, что ваше высокопревосходительство оцените по достоинству доказательство искреннего доброжелательства, которое русское правительство дает японскому правительству, высказывая готовность вести переговоры на вышеупомянутых основаниях о длительном соглашении, предназначенном устранить всякие поводы для недоразумений между двумя империями и установить прочные отношения искренней дружбы, которые наилучше отвечали бы их совершенно очевидным интересам.

Я буду ожидать ответа вашего высокопревосходительства, для того чтобы дать необходимые инструкции г. Извольскому, который мог бы без промедления приступить в Токио к переговорам на выработанных основаниях.

Докладная записка министру иностранных дел Николаю Романову от 1 декабря 1901 г. [1]).

Во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления, я не премину отправить письмо на имя маркиза Ито с нарочным в Берлин. Но предварительно считаю священным долгом повергнуть у сего на всемилостивейшее благоволение только вчера поздно вечером полученный мною отзыв управляющего морским министерством по вопросу о соглашении с Японией.

Из ближайшего рассмотрения означенного отзыва явствует, что большая часть доводов морского ведомства против проектированного соглашения основана на предположении, что Япония либо не замедлит нарушить состоявшиеся условия, либо постарается широко истолковать их исключительно в свою пользу.

Не говоря о том, что при подобном предвзятом мнении ни одно соглашение с какою бы то ни было державой не представлялось бы возможным, смею думать, что если бы, действительно, Япония возымела мысль нарушить любое из постановленных условий, то за Россиею на основании международных обычаев всегда остается право объявить соглашение не существующим и считать себя впредь совершенно свободною от обязательств по отношению к корейским делам.

Трудно допустить, чтобы токийское правительство, опасающееся затаенных планов со стороны России и добивающееся соглашения с нею, дабы именно в этом отношении успокоить общественное мнение в Японии, решилось бы на такой шаг, который вновь создаст почву для всяких случайностей в Корее. С другой стороны, как бы на первый взгляд ни казались обширными уступки, делаемые Японии в проектированном соглашении, все же следует признать, что оно представляет из себя удобный временный «modus vivendi», нисколько не связывающий свободы действий России в будущем.

---

[1]) На записке помета Николая Романова: «Послать в одобренном мною виде» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 1 декабря 1901 г.».

Переходя от этих общих рассуждений к частным соображениям, высказанным морским ведомством по отдельным статьям, нельзя не притти к следующему заключению.

По 1 ст. Взаимная гарантия независимости Кореи, само собою разумеется, предусматривает и защиту этой независимости от покушений всякой другой державы.

По 2 ст. Японии разрешается введение войск в Корею не для военных задач в тесном смысле этого слова, а лишь для водворения спокойствия в случае беспорядков; таковая задача отнюдь не вызывает необходимости укрепления позиций, что составляло бы прямое нарушение второй статьи соглашения. Против соблазна же удержать войска в Корее направлена 5-я статья, требующая отозвания их тотчас по восстановлении порядка в стране.

По 3-й ст. Если Япония, благодаря своему географическому положению и обладая портами на своей территории вблизи Корейского пролива, может во всякий данный момент закрыть таковой для наших судов, то устранение этой опасности только и возможно при посредстве соглашения, требующего от нее гарантий свободы означенного пролива.

По 4-й ст. Раз Япония, по признанию морского ведомства, фактически уже пользуется неоспоримым преобладанием в сферах промышленной и коммерческой, то признание за нею в этом отношении каких-либо преимуществ является чисто фиктивным и, стало быть, на деле не представляет решительно никакой уступки со стороны России.

По 5-й ст. Занятие Англией Египта едва ли в данном случае может служить примером, так как великобританское правительство по отношению к названной турецкой области не было связано никакими соглашениями.

По 6-й ст. С теоретической точки зрения нет сомнения, что наши отношения к Китаю не подлежат «контролю Японии». На деле же всякое действие России, создающее ей преимущественное положение в соседних областях Китая, не может не затрагивать близко интересов всех прочих держав, а по сему неудивительно, что со стороны последних, а особливо же Японии, следует всегда ожидать всяческого противодействия русским задачам в Китае. Убедительным примером этого могут служить усиленные происки Японии в Пекине во время переговоров России по манчжурским делам в феврале с. г.

Что касается, наконец, приобретения Россиею военного порта на Корейском побережье, то, смею думать, что всякая попытка в этом направлении неминуемо повела бы к окончательному разрыву с Японией, предотвратить который представляется безусловно необходимым с точки зрения всех компетентных ведомств, в том числе и морского министерства.

Повергая вышеизложенные соображения на всемилостивейшее благовоззрение, приемлю смелость испрашивать высочайших указаний: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству, ввиду того, что заключение управляющего морским министерством совершенно расходится с мнениями, высказанными министрами военным и финансов, повелеть сделать, по сношению с означенными министрами, какие-нибудь дополнения к проектированному соглашению, либо отправить оное в той редакции, которая уже удостоилась всемилостивейшего одобрения.

Ламздорф.

Секретная телеграмма посла в Париже Урусова министру иностранных дел Ламздорфу (8 января 1902 г.) 26 декабря 1901 г.

Маркиз Ито прибыл вчера в Париж из Лондона.

Делькассе уехал 1 января в Ниццу и вернется лишь к открытию палат, 14 января нового стиля. Немедленно по получении вашей телеграммы от 18 декабря я ему сообщил письменно ее содержание. Сегодня я получил ответ. Он уведомляет, что он предложил маркизу Ито выехать к нему навстречу в Марсель, 12 января, в день, когда Ито приедет. Делькассе не преминет сообразоваться в разговоре с ним с сообщенными ему сведениями о переговорах вашего сиятельства с последним. В тот же день Ито садится на пароход, отходящий в Японию. Судя по добытым мной в финансовом мире сведениям, заключение Японией займа представило бы большие затруднения во Франции, и единственный банк в Париже, который был бы в состоянии провести это дело, есть Ротшильд. Здесь существует убеждение, что дело японского займа может быть устроено в Лондоне, где, по уверению, между прочим, Генри Жермена, находятся громадные свободные капиталы, которые тем охотнее будут привлечены к этой операции, что в ней усмотрят выгодное для англичан политическое значение.

Урусов.

(*Продолжение следует.*)

Дневник Бориса Никольского.

(*1905—1907*).

В черной сотне Борис Никольский был человеком не первого десятка. Карьера не удалась ему и здесь, как не удавалась и на всех других поприщах, на которых он искал успеха, славы и денег. Он был профессором, — но студенты бойкотировали его лекции и его самого, над ним смеялись и за глаза и в глаза как над человеком, в науке случайным. Он толкался в адвокатуру, но его не приняли в сословие присяжных поверенных—какие-то темные пятна были на его прошлом, и профессор гражданского и римского права таскался по судам в качестве частного поверенного и присяжного стряпчего. Наконец, он из всех сил пробивался в высшие круги бюрократии, старался протиснуться ко двору, мечтал о министерском портфеле, о власти,—а остался на ролях частного советчика, составителя «проэктов» и секретаря более удачливых карьеристов.

Вокруг имени Бориса Никольского часто поднимался шум. Он был скандалистом по натуре, по темпераменту, — такие люди нужны были черной сотне, и его пускали вперед, когда надо было облить грязью какого-нибудь известного прогрессивного деятеля, когда надо было противопоставить языкастым кадетским адвокатам черносотенца, умеющего говорить с апломбом и с развязным видом учености. Но и из шума этого в конечном счете ничего не выходило для Бориса Никольского. Его забивали более яркие Пуришкевич и Марков второй.

Борис Никольский, таким образом, не принадлежит к числу влиятельных в свое время, «делавших политику» черносотенцев. Когда в борьбе за власть, за влияние при дворе черная сотня раскололась на два главных лагеря — на «Союз русского народа», во главе с Дубровиным, и на «Союз Михаила архангела», во главе с Пуришкевичем, Борис Никольский избрал дубровинский лагерь. Погромщики получили своего «профессора», но относились они к Борису Никольскому с пренебрежением. И в последние годы царствования Романовых, когда вокруг Николая Романова и его жены собралась густая толпа проходимцев всякого рода, Борис Никольский не мог и здесь пробиться в первые ряды.

Причина этой неудачи, повидимому, лежала в том, что Борис Никольский сочетал в себе черты Чичикова и Хлестакова. Он был плутоват, пустоват и склонен к хвастливой лжи. Его не раз уличали в клевете. Даже «Новое время» относилось брезгливо к этому специалисту по скандалам. А между тем он был не лишен дарования, писал стихи, обладал бойким газетным слогом, а по «эрудиции» своей мог почитаться светилом науки среди погромщиков «Русского знамени». И все же другие шли в гору, хватали не только ордена, но и жирные куши, наживались на патриотизме, были близки к царскому двору,—а у Бориса Никольского срывались все его хитро задуманные предприятия.

Он имел основания считать себя обойденным. В дневнике он не скрывал чувства глубокой обиды и озлобленности. Не замечая своих собственных недостатков,

он очень старательно отыскивал недостатки в своих соперниках, в своих сообщниках и ненадежных покровителях. Убежденный монархист, он относился сначала к Николаю Романову, как к священной особе. Он ожидал особых милостей от царя, и, когда его речи, доклады, статьи обратили на себя внимание в придворных кругах, он сразу возмечтал о головокружительной карьере, о влиянии непосредственно на царя, о власти, о министерском портфеле и, конечно, о деньгах. Жадность к деньгам, к наживе была его неотъемлемой чертой, как и вообще основной чертой всей черносотенной братии.

Однако придворная камарилья и высшая бюрократия зорко следили за всяким новым претендентом на власть. Борису Никольскому не удалось подойти ближе к Царскому селу. Его приняли там, снисходительно выслушали красноречивые излияния о вечности и святости самодержавия, а затем отбросили в сторону, как прочитанную бумажку, не представляющую интереса. Царизм переживал тогда тоску по «сильном человеке», страх перед революцией неотступно преследовал и царя и бюрократию, но Борис Никольский ни с какой стороны не похож был на «сильного человека». Он ожидал хотя бы благодарности, не последовало и ее.

И в интимном своем дневнике Борис Никольский, как дикарь, сечет идола, которому вчера мазал салом губы. В раздражении он рисует довольно точными и меткими чертами Николая Романова и его окружение. Монархист не скрывает от себя, что монархия это пустое место в России, что на троне сидит ничтожный человек, окруженный столь же ничтожными интриганами. Борис Никольский поверяет своему дневнику мысль о террористическом устранении Николая Романова, о дворцовом перевороте. Это не мешает ему продолжать свою черносотенную деятельность и принимать после 1905 г. участие в террористических замыслах «Союза русского народа».

Дневник Бориса Никольского дает яркую картину правящей верхушки в 1905 г., накануне революции. Царизм метался, предчувствуя свою гибель. Гнилая и беспринципная бюрократия заботилась больше о своей голове, чем о голове царя. Самый выдающийся деятель бюрократии, граф Витте, склонялся к уступкам, видя, что только на этом пути можно спасти монархию. Царизм искал социальной опоры в мещанстве — среди лавочников, мелкого чиновничества, среди темной, отсталой массы приказчиков и мастеровых, среди деревенского кулачья. Интересны последние страницы публикуемого отрывка из дневника Бориса Никольского, — в Петербурге появляются «хоругвеносцы», московские охотнорядцы, в роли спасителей самодержавия. Борис Никольский ликует вместе с другими, такими же, как он: вот он, «народ»! Он расписывает восторженно предводителя погромной банды «купца» Полторацкого, как нового Минина. Но чуть ли не на другой день выясняется, что «спасители», представляющие «народность», это в значительной мере московские жулики, а их вождь—сыщик, и что все это полицейская комедия.

Борис Никольский все это видит, даже негодует в своем дневнике, но это нисколько не мешает ему впоследствии вместе с делегацией от московских погромщиков и жуликов заверять в Ливадии Николая Романова в пламенности, чистоте и искренности монархических чувств. Чичиков черной сотни пытался еще раз обратить на себя внимание и пробраться в первые ряды монархистов, поближе к власти и к деньгам. Но, повидимому, Хлестаков снова прорвался в неудачливом карьеристе, и он снова был затерт.

Дневник Бориса Никольского в публикуемых отрывках не открывает ничего нового, но он дает колоритную картину быта, нравов черносотенной среды. Советский читатель прочтет не без интереса страницу из далеко ушедшего прошлого. Но есть и злободневность в этой странице. Фашизм в лицах и в приемах повторяет некоторые зады царизма. В иных шумливых деятелях современной фашистской

Германии советский читатель встречает давно сданных у нас в архив Борисов Никольских, Дубровиных, Пуришкевичей. Тот же стиль государственной политики, те же мысли и те же моральные черты. В Германии Геббельса карьера Бориса Никольского сложилась бы, возможно, более счастливо. Он мог бы дорваться и до власти, и до славы, и — главное — до денег.

Д. Заславский.

Дневник Б. В. Никольского, из которого печатаются ниже извлечения за 1905 и 1907 годы, сохранился неполностью: в распоряжении редакции имеются записи лишь за 1896—1916 годы. Как указано в одной из ранних записей сохранившейся части дневника, Никольский начал вести его еще в юности, но позже уничтожил все написанное; вел ли он дневник после 1916 г. и, если вел, то где находятся его последние записи, редакции неизвестно. Необходимо отметить, что дневник велся Никольским не каждодневно; более или менее регулярные записи нередко прерываются длительными промежутками (например, с 2 апреля 1908 г. до 29 июня 1912 г.), но это — дневник, а не мемуары. Только публикуемая здесь запись за 1907 г. носит характер воспоминаний.

Дневник велся Никольским на отдельных листах линованной писчей бумаги крупного формата; записи сделаны четким почерком, почти без помарок и зачеркиваний, из чего правдоподобно заключить, что мы имеем дело с перебеленными записями, которые автор хотел оставить «для потомства», «для истории». Объем дневника достигает примерно двадцати печатных листов. Воспроизведение его полностью, а не в извлечениях, не представляется редакции целесообразным, так как он заполнен записями мелко личного свойства, подробностями семейного быта, мало интересными суждениями о служебных делах, гонорарах и т. п.

Приводим краткие биографические данные о Борисе Никольском. Он родился 3 октября 1870 г. Отец его был профессором словесности в привилегированном учебном заведении эпохи царизма — Александровском лицее и Петербургской духовной академии, а также инспектором аристократического Училища правоведения. Дед автора дневника был священником, так что Никольский, в сущности, был «выскочкой» в рядах дворянского сословия, принадлежностью к которому он так гордился (ср. его рассуждения в дневнике о «сословности», как средстве борьбы с революцией). В бытность отца инспектором Училища правоведения Никольский поступил в это училище, но, не окончив его, перешел на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1893 г. В 1893—1896 годах он служил в министерстве внутр. дел, одновременно сотрудничая в реакционном «Новом времени» и готовясь к профессуре. В 1899 г. он был утвержден приват-доцентом Петербургского университета и начал читать на юридическом факультете курс римского права; читал он также лекции в Училище правоведения, Военно-юридической академии и др.; в 1912—1917 гг. состоял и. д. орд. профессора в Юрьевском университете; читал публичные лекции, сотрудничал в реакционной прессе (кроме публицистических статей, он писал стихи — в 1900 г. издал «Сборник стихотворений», в 1903 г. вышел под его редакцией «Литературно-художественный сборник стихотворений студентов Петерб. университета с иллюстрациями студентов Академии художеств»; см. воспоминания его товарища по Училищу правоведения А. В. Самойловича «Пушкинист Б. В. Никольский» в сб. «Парфенон», вып. I, стр. 40—60. СПБ, 1922).

Выдвинулся Никольский на арену общественной деятельности в эпоху революции 1905 года, главным образом, своим участием в одной из первых черносотенных организаций — «Русском собрании», где он играл роль одного из виднейших лидеров, а также публичными лекциями и записками в защиту незыблемости самодержавия, распространявшимися им в верхах бюрократического мира и доходившими до царя. Играл он также большую роль в Союзе русского народа. Однако ни крупный ораторский талант Никольского, ни престиж его в черносотенных кругах как «ученого монархиста» не помогли ему подняться так высоко по иерархической лестнице, как он мечтает на первых страницах публикуемой здесь части его дневника. Очевидно, те хлестаковско-чичиковские черты личности Никольского, которые отмечает выше в своем предисловии Д. О. Заславский, так били в нос всякому, кто имел с ним дело, что даже в далеко морально не брезгливой среде контрреволюции он недолго удерживался на лидерских постах. В период победившей реакции и вплоть до революции 1917 года Никольский уже не играл сколько-нибудь значительной политической роли. В 1919 г. он был расстрелян по приговору ВЧК.

Текст публикуемой части дневника Бор. Никольского подготовлен к печати А. А. Шиловым. Примечания составлены им совместно с В. К. Лукомским. Именной указатель к дневнику составлен В. К. Лукомским.

1905 год.

27 февраля. Воскресенье.— Какая бездна событий и как страшно много перемен! Точно годы прошли за полгода, как я не вписывал сюда ничего. События позвали — и я выдвинулся. Теперь я — сила; я влиятельный человек; я знаком с министрами, с членами Государственного совета, с архиереями и митрополитами, с предводителями и губернаторами, придворными и знатью; ко мне ездят депутации условливаться о способе действий; меня знакомят с министрами, чтобы повлиять на них; царь указывает на меня Глазову, требуя, чтобы мне было оказано перед всеми видное отличие; царю передают мои письма [1]), ему докладывают о моих докладах, и все это со мною, приват-доцентом, частным поверенным и присяжным стряпчим, не знающим, чем заплатить за квартиру! Хорошо это или худо? Не знаю, но знаю, что это должно было рано или поздно наступить. Мне придется играть ту роль, которой я ожидал, но которой я не хотел, ибо знал, что только горькие события выдвинут меня. Горькие события настали, я впереди, вперед! Абамелек и Семенов решили проводить меня в министры; сегодня был обед с этою целью: у Абамелеков обедали Булыгины, Семенов и я. Булыгин был приготовлен ко встрече и разговору со мною. Не знаю, понравился ли ему я; мне он лично понравился: спокойный, веселый, сытый, прочный человек, но не министр внутренних дел в России сейчас. Его энергия — энергия прочной и благодушной посредственности. Не это нужно. Он сам тверд, но заставить других — слишком для того хитер. Он способен увлекаться и поддерживать, но не увлекать и вдохновлять. Бороться он может лишь обороняясь и уходя, измором, а истреблять противника — не его дело.

Днем я долго сидел у Антония. Много разговоров. Вот мой почитатель! Хотя, впрочем, теперь у меня их довольно. Антоний, Абамелек, Семенов, Павлов, Грингмут, Штюрмер, Юзефович, Кривский — это все не считая «Русского собрания». Да, еще — Толь, Куракин, Богданович. Вот посмотрим, чем кончится мой доклад у Муяки. Мне приятно, что будет Саблер. Нет, господа, надо действовать напролом!

За обедом Булыгин с любовью вспоминал моего отца, которого ученик по Правоведению; был очень рад узнать, что и я был правоведом. Смешно рассказывал, как перехитрил армянскую депутацию. «Сочувствуете ли вы армянам?» — спрашивает его кто-то из депутации. — «Помилуйте, господа, как же не сочувствовать, когда я сам женат на армянке». Те уходят очарованные, но дома соображают, что ведь он им ничего не обещал. Мило.

Я ему указывал, как обезвредить рескрипт 18 февраля. При Государственном совете созывают ad hoc выборных согласно новому учреждению Государственного совета по образцу чухонских депутатов. Не понимает. Самое печальное: как повернуть, когда большинство дворянств и замств приветствуют обещания указа 12 декабря? [2]) — А с каких пор самодержавному царю указ большинство? И если в угоду большинству созывать представителей, то не бессмыслица ли совещательный голос, несовместимый с большинством? Не смешно ли? — Чувствует, что я прав, но стоит на своем. Вообще, это министр ненадолго. Он пошел провизорно, а не совсем. Тогда чорт с ним! Нет, нет, я необходим, и без меня ничего не выйдет.

28 февраля. Понедельник.— Все еще нет полного спокойствия насчет Востока. Ужасное время! Просто дышать нечем. Стараешься не думать, забыть, но первая же минута раздумья нагоняет этот кошмар. Газеты ждешь, точно денег в срок. Сегодня понедельник. Сначала Пуришкевич. Привез нелепую политическую сцену в стихах: мечтает прочесть ее по ролям в «Собрании». Чорт с ним, я обещал читать консерватора Кайсарова.— Разговор о «Собрании». Голицын — не худой человек, но пассивный, инертный, трус, выжидает, ибо не знает, чего царь хочет, а тот сам не знает. Остаемся еще мы с ним. Бородкин — чудный человек, и основателен, но не деятель для «Собрания», и притом узкий специалист. Мордвинов — ничто. Золотарев тоже. Лыщинский, Литвинов — статисты. Энгельгардт — «полезность», но при его самомнении, тщеславии, обидчивости и книжности он негоден для активной роли. Наконец, Волконский и Афанасий,— не знаешь, кто хуже. Словом, Голицын, Пуришкевич и Никольский. За истекший год «Собрание» вынес на своих плечах один я.— Я все это слушал, немного спорил (во избежание сплетен), но, в сущности, много тут горькой истины. «Собрание» было живо Величкою; теперь живет мной. Уйди я — не знаю, что выйдет из «Собрания». А ведь какие возможности ему открываются!

По словам Пуришкевича, вчера или в субботу приехал Грингмут. Богданович мной очарован и ждет меня в любой день.— Когда Пуришкевич уходил — репортер из «Листка»[3]) от Скроботова: в «Руси» преподлая заметка по делу Левина—Троянского. Повидимому, это не интрига, а просто наглое репортерство. Из «Листка» приехали интервьюировать. Я прочел заметку и сказал, что все в ней ложь (так оно и есть). Видно, что писана по слухам и сплетням; все переврано. Сдается, что Троянский не при чем.— После всех Юзефович. С Кутузовым и Юсуповым-Сумароковым-Эльстон затевают купить «День» и перевести в Петербург. Кутузов собирается меня звать, чтоб обсудить это дело. Юзефович (свинья: украл лучшие мысли моего доклада в четверг студенческому кружку при «Русском собрании») написал статью по случаю забастовок против Витте. У него письмо от Гессе: тот пишет, что царь высказал сожаление, отчего Юзефович не пишет в распространенных органах,— напр., «Новом времени». Юзефович справедливо убежден, что Суворин его статей не примет, но я вызвался оказать ему содействие: предложим статью Суворину, а дублет Юзефович пошлет в Царское; я письмом сообщу Юзефовичу, как и почему Суворин отказал; мое письмо тоже пойдет в Царское. Так Юзефович под предлогом непринятой статьи пошлет царю новую пимозу по адресу общего врага[4]).

Вчера я днем, до обеда, забросил карточку Кашменскому и был у Муяки. Она просит у нее в четверг на 2-ой неделе повторить мой доклад о самодержавии. Извольте. Будут Саблер, Антоний Волынский, Кирилл Гдовский, Гейдены, Губчиц, Стеткевичи и проч. Были званы и обещали, но, по словам Антония, наверное не будут — Антоний митрополит и Нольде (Комитет министров). Любопытно, что у Муяки был завтрак. Были два Антония, Саблер, Нольде. Нольде юлил и вертелся у Антония митрополита, уговаривая присоединиться к большинству по вопросу о распечатании Рогожского кладбища[5]). Большинство 18 против 8. Антоний очень мягко отказался и, наконец, сослался на Саблера и уехал от Муяки. Тогда Нольде атакует Саблера, прося сделать удовольствие Сергею Юльевичу. Хоть у них и большинство, но крайне прискорбно видеть

в меньшинстве митрополита и Саблера. Но и Саблер пребыл тверд.— Я это за обедом рассказал Булыгину. Он был очень заинтересован, но прибавил, что он в большинстве: он не понимает, зачем было запечатывать? Другого повода, кроме высочайшего повеления, не было. Я отвечаю: «Допустимте даже, что это так; ведь вопрос теперь не в том, почему запечатывали Рогожское кладбище, а в том, распечатывать ли его? И если в пользу распечатания еще меньше доводов, чем в пользу запечатания, то мне непонятно ни большинство, ни его принадлежность к большинству».— «Веротерпимость».— «Почему веротерпимость требует нетерпимости к православию, мне неясно; по моему, она не исключает терпимости к православию».

Обдумав сегодня вчерашние разговоры с Булыгиным, я начинаю думать, что хитрый чорт плутовал; моя мысль обезвредить рескрипт 18 февраля ему понравилась, и я держу пари, что он ее подхватит. Дело вот в чем. Когда я высказал свой проект, то Булыгин слушал страшно внимательно и блестя глазами; потом вдруг говорит: «А почему же вы думаете, что будет иначе сделано?» — Я не мог ему сказать: «Потому что у вас пороху не хватит», и ответил: «Потому, что все другого ждут, и ваши запросы генерал-губернаторам и губернаторам укрепляют эти ожидания». Ему было страшно неприятно, что об этих его запросах уж известно, но вместе с тем моя осведомленность очень понравилась. Тогда, впрочем, он стал спорить и доказывать, что ни в каком случае не сделают так, как я предполагаю. Теперь я вижу, что тут явное противоречие. Может быть, он спорил, чтоб укрепиться в аргументах моей мысли? Но спорил очень уверенно и даже чуть-чуть досадливо. Хитер, шельма, — вот что главное.

Семенов, по его уходе, был в умилении от разговора и отчасти от себя самого; Абамелек не совсем был доволен результатами; я был очень недоволен Булыгиным. Впрочем, Абамелек и Семенов остались убеждены, что разговор должен был повлиять на Булыгина и многое в нем заронить.

Абамелек рассказывает, что Ермолов на ужине у Яворской пил за конституцию. Il a pris du champagne pour la constitution. Peut-être était ce pour la constitution de madame Яворская. Qui sait, s'il n'a pas touché juste. Обе эти остроты очень понравились, особенно дамам, хотя во мне мелькнула, было, мысль, не слишком ли это вольно; впрочем, смех меня разом успокоил. Булыгин со своей стороны говорил, что к нему взывает Клейнмихельша: «Ах, Александр Григорьевич, сколько времени мы с вами не видались!» — «Извините, графиня, я сегодня имею удовольствие видеть вас впервые в жизни».— «Что вы говорите, помилуйте! Сколько вечеров мы с вами провели у Марьи Васильевны Дурново!» — «Прошу извинения, графиня, но я никогда не бывал у Марьи Васильевны Дурново и даже знаком с нею не был».— Осеклась. — Впрочем предложила на свои деньги сформировать войско для охраны своих имений. Булыгин отозвался, что с этою мыслью целесообразней отнестись к военному министру.

3 марта. Четверг. 1-го числа взял деньги и был у Голицына. Он советовался со мною, как защищать 140-ю статью устава цензурного вечером на заседании [6]). Долго разговаривали и так как я раньше на эту тему думал, то снабдил его разными аргументами до восторга. И если бы не глупость Кутузова и Цертелева и отсутствие Юзефовича, сторонники 140-й статьи оказались бы в большинстве. Но два титулованных олуха

испортили все дело. Во всяком случае, тот раз, когда Голицын зарядился моими аргументами, они чуть не оказались большинством.

Затем я пошел к Голицыну посоветоваться насчет моей докладной записки об отказе от награды [7]). Не застал. Дома у меня Юзефович: привез статью против Витте для передачи Суворину и помещения в «Новом времени» по желанию царя, согласно с письмом Путятина. Кстати, списываю это письмо: «Глубокоуважаемый Борис Михайлович! К сожалению, вчера вечером мне не удалось сообщить вам выраженное мне для передачи вам желание высшего начальства увидеть ваши статьи в «Новом времени». Сказано это было так: «Мне очень нравятся статьи БМЮ. Так у него все ясно и понятно и так правдиво и дельно. Отчего он не пишет в таких газетах, которые все читают? Например, в «Новом времени»?» Я объяснил почему. На это последовало повторение: «Попросите его писать в «Новом времени», чтобы разъяснить публике многие непонятные для нее вещи по вопросам народного воспитания и образования,— это так теперь необходимо!» Вот, батюшка, вам новая задача! Извольте теперь оправдывать возлагаемые на вас надежды. Крепко вас обнимаю. Ваш М. Путятин. Когда соберетесь в Царское, зайдите к нам».

Вот по этому письму мы с Юзефовичем и столковались: он пошлет дублет статьи царю, а я свезу статью Суворину и предложу, а что старый плут скажет, напишу Юзефовичу...

Вечером: Петров филолог, от Пуришкевича, Павлов, Поляков, ненадолго Акимов, Орбели, Рубен и Лев, Кондратьев, Хрусталев, Евреинов [8]). Вяло. Все удручены или огорчены политикою внешней и внутренней. Все спрашивают о левинском деле по поводу заметок в «Руси» и «Новостях». Да, еще был Гапанович. Вечером, до студентов, я снова был у Голицына и снова не видал,—он спал. Свою записку читал Юзефовичу,— он кое-что посоветовал изменить.

Сегодня утром вновь у Голицына и прочел записку. Он тоже кое-что посоветовал. Вернулся домой, исправил и от себя, переписал и повез к Глазову. Там в приемной долго разговаривал с П. Н. Семеновым, тоже бывшим у Глазова. Скучный он и придурковатый, хотя хороший и крепкий человек. Вредит ему, что он хвастоват и как-то заунывно самодоволен. В деталях привирает, но очень невинно.

Наконец (последним — я уступил очередь Семенову) был принят. Изложил дело. Ответ был тот, что Глазов меня вполне понимает, глубоко мне сочувствует, сам то же думал. Ему государь указал на меня и Вязигина и выразил непременное желание нас вознаградить. Потому воля государя хоть как-нибудь должна быть исполнена. Если я не хочу награды, государь может меня принять, сделать мне какой-нибудь подарок, — словом, что-нибудь. Нельзя же отвергать желание государя быть милостивым в отношении к верному и деятельному подданному (все это смысл, а не слова Глазова: слова очень глупые).

Я ответил, что всякая милость государя мне драгоценна, но это не должна быть внешняя награда, ибо я не могу допустить, чтобы милостивая воля государя обращалась во вред его же, государя, интересам, поскольку этим интересам служит моя деятельность. Я просил доложить государю мою записку целиком; Глазов не обещал, но сказал, что в выдержках и по существу доложит непременно, а, может быть, и всю. Во время разговора я очень резко и прямо сказал, что и я сам, да и все понимают, что я иду ко все более широкому влиянию; что я сам

себя считаю к нему призванным и что события должны меня вполне обнаружить; что и теперь со мною беседуют министры, советуются члены Государственного совета, что до самого царя доходят мои мнения (кстати: Семенов сообщил, что меня в городе считают автором манифеста 18 февраля и что эти толки весьма характерны. Я посмеялся и сказал, что мне очень лестно казаться таким влиятельным, но для моего авторского самолюбия — жестокий удар. Считаться автором безграмотного, вялого и пустого манифеста, как хотите, печально для ученого поэта!).

Все это Глазову показалось весьма интересным. Покончив с вопросом о награде — да нет, надо сказать, на чем покончили. Он и сам не знал, какую для меня придумать награду, и для того и спросил мой формуляр, чтобы справиться, обдумать и, пригласив меня через недельку-другую, поговорить со мною. Но я предупредил его намерения. Царь не любит проволочек, и потому он, Глазов, откладывать не будет и все-таки меня через недельку-другую пригласит сообщить результаты. Самое лучшее, если государь меня примет и сам со мною познакомится.

Ну, так покончив с этим, он спросил меня, что теперь делать с университетом. Я сказал, что поделать весною ничего нельзя, полугодие потеряно, но что надо готовиться к осени. Не столь опасны студенты, сколько подлецы и мерзавцы профессора. Но и эта шайка была бы ничто, если бы за нею не стоял ее главный режиссер — Сергей Юльевич.

Глазов на все это так и расцвел. Ругательски ругал и профессоров и Витте. «Вы не можете себе представить, как он нам мешает!» — «Так зачем же вы позволяете?» — «Так ведь большинство!» — «А вы будьте в разногласии». — «Государь не велит: государь велит действовать по соглашению». — «Нельзя действовать по соглашению с изменниками». — «Нельзя, но государь велит». — «Значит, надо сказать, что государь велит невозможное; надо выйти в отставку; надо помнить, что долг верноподданного требует не повиноваться велениям, вредным для повелевающего монарха». — «Это легче сказать, чем сделать». — «Не нахожу. Но даже и в этом случае: тем более надо не только сказать, но и сделать. И притом большинство не у Витте. Вы, Булыгин, Трепов, Манухин, ибо Витте проводил Нольде и, значит, не может быть за Манухина; Сахаров, Авелан, Александр Михайлович, Икскуль, Коковцов, который трусит, но ненавидит Витте»... — «Ах, какой трус!» — «Да, сволочь несомненная, но ненавидит, поверьте, и покажите ему только большинство, — сами увидите! Саблер с вами. Кто же против? Ермолов, Фредерикс, Воронцов — да Воронцов теперь весь вышел. Сольский как?» — «Сольский виляет и всего более старается угодить царю и попасть ему в тон. Это человек без всяких убеждений, совершенно ненадежный». — «Словом, большинство только на вашей нерешительности».

Затем рассказал о завтраке у Муяки. Рассказал со слов Булыгина об «отставке» Витте: получив три щелчка (1) рескрипт 18-го на имя Булыгина, а не Витте, и в измененной редакции, 2) выговор всем министрам, 3) Сольский — вице-председателем Совета министров), Витте у себя вечером, при гостях (несколько человек), говорит, что подает в отставку; вызывает в телефон секретаря, в телефон ему диктует

отставку, велит себе прочесть, исправляет редакцию, приказывает переписать и прислать себе сейчас же. Но, пока гости сидели, еще не принесли.

Глазов был страшно доволен всеми этими сведениями. По поводу беспорядков я вкратце Глазову сообщил мой план, который у Семенова излагал Штюрмеру, Столпакову, Любимову, Павлову, Пальчикову, Чертелеву Петру и еще кому-то. Да, ведь вы там не были, так что не знаете (вы — читатель сих строк). Мое рассуждение в двух словах. От одних теорий общественного недовольства не бывает и быть не может. Если есть недовольство, значит, есть реальные политические причины. Успокоить недовольство можно только уяснив причины и их устранив. Реальные причины трояки: сословные, национальные (исповедные), экономические. Отсюда уже ясно, что не в школе корень беспорядков, а в семье. Недовольство не из школы выносится, а в школу приносится; если же выносится из школы, то только при подготовленной дома почве. Каковы же у нас причины? Не сословные: 1) сословий в феодальном смысле слова у нас нет вовсе с 1861 года; 2) сословия в смысле организованных классов у нас почти вовсе и з н и ч т о ж и л и с ь: дом сына дочери вдовы купеческого брата Антипова... Если сын этого домовладельца кончит университет, кто он будет? «Интеллигент». 3) Сословные заведения чужды беспорядкам и, чем сословнее, тем для беспорядков недоступнее; чем экономически слабее сословие, тем слабее порядок: Пажеский корпус, Лицей, Правоведение, коммерческие школы и училища, семинарий и академии. Не национальные ли причины? До известной степени — да, но лишь до известной степени. Находить причины в инородцах — смешно. Неужели русские так глупы, что даже беспорядков сами придумать не могут? Инородцы не полноправны, ergo недовольны, что вполне естественно, ergo дают очень легко хороший процент беспокойных элементов; но ни таланты, ни исполнители, ни руководители, — к чему обольщаться? — не инородцы. Национальный характер беспорядки приобрели только в Привислянском крае: да, вот там национальная подкладка, но что тут общего с нашим расстройством школы? Итак, остается одно: экономические причины. К чему же мы пришли? Общественное недовольство, слагаясь на экономической почве («интеллигенция» — полуголодный, полуневежественный пролетариат), поступает в школу из семьи. Найдена причина, — найдено лечение: заинтересуйте семью экономически в сохранении школьного порядка. Как? За всякий беспорядок исключать, принимая немедленно по взносе залога, отбираемого в пользу библиотек, лабораторий, пособий и т. д. Те, кому нечего терять, самые опасные, окажутся вне школы; семья будет заинтересована в порядке самым чувствительным для себя образом.

Вот, совсем вкратце, мои мысли. Глазов слушал очень чутко и хоть и не соглашался, но и не спорил. Предлагал место юрисконсульта 6 000 р. плюс наградные. Я ломался, говоря, что меньше 9 000 ж а л о в а н ь я — не могу. Об этом еще можно будет поговорить: если 6 000 плюс 2 000 профессуры и 1 000 наградных, членом Совета или Ученого комитета, то можно. Доброе начало, как известно, половина дела. Но Глазов предлагал очень осторожно, а я отказывался очень решительно, говоря, что мне при адвокатуре на 6 000 итти невозможно. Глазов не ожидал, повидимому, что я откажусь. Было и еще что-то, да всего не вспомнишь, а сейчас и не запишешь: пора спать.

5 марта. Суббота. — Вчера и сегодня неудачные дни. Вчера я назначил быть у Манухина по моему прошению против совета присяжных. Скотина Туткевич повторил, что приемы попрежнему по пятницам 2—3. Я вчера в министерство, — увы, Манухин принимает по четвергам 2—3. Отсрочка на неделю. Досада! Вечером с женою, по обещанию, был у Пуришкевичей. Там Ососов, Доливо-Добровольский и какой-то препротивный морячок-кадет или мичман. Там разговоры пустые и мало интересные. Там же прочел и интервью Булыгина и приказ о смещении Куропаткина [9]). Жаль его, дурака. Не знаю, был ли кто ему так верен, как я. Да мне и теперь как-то жаль поверить, чтоб он был виноват. Если же виноват, то примите в соображение, что он сделал и выдержал раньше! Если его силы надорвались, то не будьте неблагодарны. Интервью Булыгина вполне согласно с тем, что он говорил у Абамелека.

Утром заезжал Юзефович, прославший письмо с просьбою задержать его статью. По счастью, вышло так, что я не успел ее сдать. Юзефович рассказал инцидент в их комиссии. Кутузов на последнем заседании молчал, как убитый, и заговорил только под самый конец, после всех. А ведь мы знаем, как вял Кутузов даже в разговоре, а уж говорит он — упаси боже: длинно, бледно и нудно! Тогда Кобеко со смешком и с наглостью, свойственной этому хаму, прерывает его: «Что это, вы, граф, кажется, обструкциею занялись?» Тот оборвался, помолчал. «Я, — говорит, — весь вечер ни одного слова не сказал; я заговорил только теперь, и после сказанного председателем мне остается только удалиться». Встает и выходит. Ни один из этих скотов его не поддержал и не вышел с ним вместе. Но все-таки возник скандал, споры; защитники Кобеки говорят, что Кутузов не имел оснований оскорбляться, что это была «шутка». Но его и [?] поддержали. Юзефович правильно говорит (но едва ли он это сумел сказать в комиссии), что, если бы такое нахальство не было «шуткою», так надо бы не уйти было, но дать по морде. Справедливо.

Сегодня завтракал у Богдановича. Получил выговор, что не сразу явился на зов. Там был почтовый генерал Севастьянов. Было весьма бледно. Севастьянов своими словами передавал статью Скальковского. Интересно рассказывал только я, но интересно для них, а не для себя. Завтрак того не стоил, но я говорил с расчетом. — Пуришкевич подтвердил, что в городе мне приписывают манифест 18 февраля. Я хотел пощупать Богдановича и говорю: сначала-де вам этот манифест приписывали, потом Мещерскому, потом Победоносцеву, потом Антонию, Саблеру, наконец, автора нашли — это я. Последнее слово науки. Я всем отвечаю, что давно бы пора догадаться... Посмеялись, но затем Богданович сделал вид, что он — автор. Его знакомые тоже делают этот вид. По слащавой безграмотности манифеста — это возможно, и все-таки я не верю. Впрочем, кому же интересно знать автора? Ужасно то, что произошло, а не автор.

Мукденская неудача все еще не выяснилась, но спешная сдача Телина глубоко прискорбна, в особенности при изобилии запасов. Несчастный Линевич, каково-то ему с таким наследством! Ходили слухи, что после новой мобилизации еще 400 000 главнокомандующим будет Гродеков, а начальником его штаба Сухомлинов, но назначение Линевича вносит поправку.

18 марта. Пятница. — Опять много пропустил. За это время

умер старик Саломон, и мы его похоронили. Познакомился у М. И. с Николаем Зиновьевым, который мне понравился, как неглупый, учтивый человек, но не понравился, как человек без убеждений. А еще подхватил с восторгом мой отзыв о Крыжановском, что тот un homme plutôt de talents, que de conventions. В четверг был у Манухина и принят весьма несочувственно. С тех пор меня газеты травят. Хочу привлечь «Русь» за клевету.

В четверг доклад у Муяки. Антоний Волынский, Кирилл Гдовский, Никифоров, Казаков, Деларов Павел, Жедринский, Величко, разные дамы, разный сброд. Очень странное общество. Докладом были довольны. Был Скворцов. Довольны были чрезвычайно, в особенности епископы и их духовенство. В пятницу подал всеподданнейшее прошение Будбергу. Вечером в «Собрании» доклад Цертелева «Русский народ у А. Толстого». И доклад плох и чтение невыносимое. Чтобы спасти вечер, я во время перерыва сбегал домой, захватил стихотворения Цертелева и заявил, что хочу возражать. Мне дали слово, и я прочел коротенький доклад о стихотворениях Цертелева. Все было спасено.

Вечером был у Пуришкевичей. Там Ососовы, юнкер Смирнов, Булацели оба. Очень скучно. Голова болела сверхестественно. Утром хоронили, как говорю, Саломона. В воскресенье был у Саломонов, М. И. поздравил с рожденьем, у Боровитинова — по делу Левина (он согласился быть третейским судьею, так что Мейендорфа тревожить не нужно). Обедал у Нидермиллерши. У ней обычная компания: Пассеки, Ветвеницкие, Макшеевы, Остен-Сакен, еще несколько супругов, Беляев, мой Нидермиллер, который сильно мне надоел за обедом по поводу Мещерского и Стаховича. В понедельник у меня Боровитинов, с которым разговор по душе о моем всеподданнейшем прошении, непринятии меня в присяжные поверенные и проч. Потом Муяки со своими восторгами. Вечером Волконский, опять лезущий за докладом. Но я отказался. Во вторник утром память отца. Евгения, Мила, мы с женой — и только. Вечером у Харламовых. Катя Кох, т. е. Е. И. Мессарош, две девицы Яносовы с мамашей, Виппер, Шеин, Писарев. Разговоры все о политике. В среду завтракал у Богдановича. Граф Кутайсов (генерал-губернатор), Бельгард (бывший полтавский губернатор) и какая-то молоденькая Марья Александровна.

Кутайсов начал с крайне пренебрежительного тона (не подал руки), тем паче, что я к завтраку опоздал, а кончил тем, что жал мне руку, чуть не целовал, изъявлял всевозможные комплименты и т. д. Сволочь он, но пускай и он моей славе служит!

Вечером у нас Хрусталев, Поляков, Эрфурт, Бревери, Кондратьев, Гапанович, Янковский — до 3 часов сидели Эрфурты и Кондратьев. В четверг завтракал с Зуевым у М. И.

Вечером был зван к графу А. П. Игнатьеву. Был принят удивительно учтиво, ласково, просто и мило. Они замечательно симпатичные хозяева. Был Звегинцев и Скворцов и все «дети» — гусар, правовед и девочка. Говорили о высшей политике, и мне кажется, что мое влияние не потерпело ущерба. Сужу по тому, как разговоры становились все интересней и прямей и как со мной прощались. Хотя странно, что, условясь о докладе, хозяева не звали бывать вообще у них. Говорили о народном просвещении и Глазове, говорили о проекте, внесенном в Государственный совет, о Булыгине и Витте, о моем проекте обезвре-

жения рескрипта 18 февраля. Последнее чрезвычайно понравилось и заинтересовало.

Затем я говорил о сословности и также увлек. Вообще, я понемногу вижу, что на революцию должен быть один ответ у правительства и народов: сословность. Это во мне зреет все ясней и яснее. Православие, самодержавие, народность и сословность. Это четыре устоя. Пока нет сословности, будут революции. Только сословностью можно бороться с революцией, ибо только сословностью можно заинтересовать само население в борьбе с революциею. Эта мысль во мне давно бродила, но бесформенно и смутно, доходя до отрицания сословности; но теперь, знакомясь ближе с действительностью, переживая великие события, поневоле я все более проясняю свои мысли, возвожу их к высшим обобщениям. У Бисмарка с Герлахом в переписке есть место, где они соглашаются, что до конца XVIII века содержанием всемирной политики было христианство, а с конца XVIII века — революция. Я не могу с этим примириться, но для Европы это глубоко верно. С XVIII века правительства заняли пассивное положение, стали дисконтерами, биржевиками политических моментов; активно только революционное движение. Но оно и слепо, ибо куда и к чему идет революция — неизвестно. Революция есть ослабление дисциплины как таковой в народах и государствах. Но ослабление дисциплины не может итти снизу: оно идет только сверху. Почему? Ослабела идея наверху — ослабела вера — ослабела власть — вспыхнул мятеж. Пока правительство остается христианским, у революции нет шансов. Вот почему революция сильна только против слабого в христианском отношении правительства. И вот почему революция в существе безнадежна: она идет против правительств; правительства сильны христианством: идя против правительства, революция должна итти против христианства; итти против христианства нельзя, не идя против христианской морали; идя против христианской морали, т. е. любви и всепрощения, революция идет против человека, человечества и человечности. Потому революция безнадежна. Но силы диавола велики. Против них однако камень веры, на нем церковь, и «врата адовы не одолеют ю». Вопрос только в том, должно ли христианство, будучи солнцем мировой политики, быть ее рычагом? Я считаю, что христианство может оказываться центральной идеей политики, но, как идея не от мира сего, не должно быть в таковые избираемо. Крест не знамя, что вовсе не исключает креста на каждом знамени.

21 марта. Понедельник. — Сегодня только Кониха днем, так что я накроил «смеси»... [10]). 18-го было заседание желающих возобновить занятия студентов. Боровитинов затянул до 3 часов ночи. Там я пользуюсь особенною любовью. Нехватает этой группе фанатика. Дали бы нам двух-трех отчаянных фанатиков — чудно бы наши дела пошли.

В субботу у Боровитинова по делу Левина. Выработал третейскую запись, письмо судей к свидетелям, письмо судей к супер-арбитру. — Да: в пятницу днем ко мне приехал Путятин. Во-первых, оказывается, что он царю дал прочесть мое письмо о Витте и услыхал резолюцию, что это «искренно и горячо написано». Не скажу, чтобы резолюция много говорила. Главное в моем письме — и совершенно объективное — слог, сила и яркость изложения. Об этом ни слова. Значит, не чувствуется. — Ну, затем, разные разговоры о Булыгинской комиссии [11])

и, наконец, прямой вопрос: правда ли, что я от участия в ней отказался? Я был поражен. Никогда не отказывался, никогда не думал отказываться, и никто меня в нее не звал. Но я тоже спросил, откуда у него такие слухи? Ну, как бы вы думали, откуда? От царя, а у царя — от Булыгина! Это гадко. Царь сказал: «Отказ Никольского лишний раз показывает, какой это искренний и честный человек, но мне очень жаль, что он отказался». Меня это возмутило. Впрочем, Путятин поправился и сказал, что, может быть, Булыгин не прямо сказал, что я отказался, но, во всяком случае, смысл его слов царю был таков, что я так решительно говорил против рескрипта, что он и подступиться ко мне счел невозможным, что, словом, я прямо показал невозможность для меня участвовать в этом деле. Мы думали, отчего эта интрига. Не напугал ли я Булыгина? Может быть. Но, не исключая этой возможности, решили, что скорей Булыгина напугали другие, т. е., как я думаю, Абамелек, который, может быть, слишком неосторожно меня Булыгину подсовывал, и тот, при его хитрости, почуял, что ему хотят провести человека. Во всяком случае, видно, что Путятин против Булыгина и что Булыгин едва ли не сломит себе шею со своей комиссиею.

Путятин звал к себе в субботу обедать. И вот, после Боровитинова, побывав у Оболенских (Раусман, Биркина, Неплюева, Сологубиха), я к нему поехал. Его жена — очень милая женщина и славные ребята сыновья. Мы пообедали, побывали вместе у всенощной в придворной церкви и пробеседовали весь вечер. Я высказал мой проект. Путятин меня всячески убеждал изложить его на бумаге и через него передать царю. Я сегодня весь этот проект в виде конспекта набросал на бумаге. Надо будет выполнить конспект, переписать и послать. Трудно было бы мое положение в комиссии наперекор Булыгину, но ничего не поделаете. Ссориться с ним я не желаю, тем более, что все-таки он лучше других; но его образ действий в отношении ко мне перед царем — большое свинство. Путятин читал мне свой проект — бледно и темно. Но его состав комиссии намечен не худо. Д. Хомяков, Ананий Струков, два Самариных, А. М. Золотарев, Н. М. Павлов, я — еще пять человек, сейчас не помню. Всего двенадцать.

Путятин же подтвердил мне, что я вскоре свижусь с царем, и сказал, что это по поводу того, что Глазов был у царя в ту субботу и говорил обо мне. Он же сообщил, что гр. А. П. Игнатьеву обер-прокурором не бывать, что будет или Ширинский или Саблер, который со времени болезни Победоносцева очень отличился, так что обидеть его было бы вопиющею несправедливостью. Но зато вместо Булыгина шансы Игнатьева серьезны. Зато о Шереметеве, как об обер-прокуроре, не может быть и речи, хоть он и не отказался бы, пожалуй. Правительственное сообщение о Булыгинской комиссии чрезвычайно всех раздражило, и врагов и друзей. Видно, что человек виляет, теряется и трусит. Т. е. это было ясно и прежде, но теперь ясно в особенности.

В воскресенье был Голицын. Он мне сообщил все, что я знал, кроме д в у х подробностей: 1) что Глазову царь велел меня письменно благодарить за мою деятельность, очень чувственно приняв и вполне поняв мой отказ от награды. Выходит, что царь вовсе не выразил желания меня видеть. Но со слов Путятина выходит, что царь меня вскоре увидит, да и Глазов ничего мне не пишет вот уже 8 дней: для высочайшей воли срок очень большой. 2) Глазов понял мой отказ от юрисконсульства бесповоротным. Я Голицыну объяснил, что принял бы с удо-

вольствием, но только при 9 тысячах в год жалованья, т. е. не считая наградных. Голицын, пожалуй, пригодится, ибо ему было бы весьма желательно видеть меня у них в министерстве. — В «Собрании» неладно. Голицын хорош только при деятельном совете. А без Велички там омертвение. Волконский лбом лезет на общее собрание. Ну, и провалится. Очень жаль, что так. Один Пуришкевич, да и тот плох. После Голицына де-Векки. Предлагает уступить мне редакторство «Судебной газеты», чтобы ее купил Суворин. При 600-то подписчиках! Пропадает человек, но помочь мудрено. — Юзефович, которого я видел накануне у Путятина, обедавший в Царском у Гессе с Рачковским. От него узнал о поимке шайки 12 анархистов [12]). Молодчина Рачковский! Он же удостоверил мне, что вдовствующая императрица отнюдь не за Витте, а скорее против, чем за него. За то Гессе, не доверяя Витте, все-таки за него, как единственного пригодного человека. Все то же: консервативный метод лечения гнилого зуба, пока тот не воспалит всю надкостницу. Особенно за Витте жена Гессе, которая на него сильно влияет.

26 марта. Суббота. — Во вторник вечером читал доклад у Игнатьева. Было человек 60 народу: Звегинцевы, Араповы, Шамшин, Глазов, Платонов, Галкин-Врасской, князь Друцкой, дядя Желобовский, еще много важных генералов и много дам. Был Калачич с Натальей. Удивило меня их присутствие. Оказалось, что Калачич в делопроизводстве у Игнатьева. Перед докладом Глазов отвел меня в сторону и передал, что царю доложил мою записку, но в извлечении; дать ее сполна, по его мнению, было нельзя — «места неудобные». Царь вполне согласился и велел только ему передать мне его царскую благодарность письмом. Глазову писать смерть не хотелось, но я сказал, что был бы глубоко рад получить письмо. Затем он остался на весь доклад и, повидимому, был чрезвычайно доволен. Довольны были, повидимому, очень, хотя, конечно, были и менее довольные. Говорил я очень смело, напрямик, называя Витте и Ермолова по именам. Эти сильные места вызывали «браво» и аплодисменты. В публике было несколько правоведов, один лицеист, несколько барышень. Мне чрезвычайно понравилась подробность аристократически-патриархального свойства: в боковой комнате была собрана прислуга, слушавшая с напряженным вниманием. Словом, доклад очень удался. — Затем, не помню сейчас, в какой день, кажется, в четверг, будем считать, что в четверг, — но об этом после... В остальное время писал записку о выборных, писал наспех, еле поспевая думать и совершенно безобразным слогом, но слог обрабатывать некогда, — написать бы, что думаю. — В среду были Поляков, Гапанович, кн. Андронников, Эрфурт, Кондратьев, Янковский, днем был и обедал Орбели. Едет переводчиком на ревизию с Кузьминским. Молодец! Смело и молодо. Я любуюсь его решимостью. Вечером не остался. Да, еще были Королев и Ермолов. В четверг я послал нотариальный запрос А. А. Суворину для начатия с ним дела о клевете. Был в суде. Вечером вот явился штабс-капитан 2-й артиллерийской бригады Басков звать читать им о самодержавии. Прислал его Антоний.

27 марта. Воскресенье. — Я согласился и для чтения наметили 29-е (теперь на нем остановились окончательно). Затем в разговоре с Басковым мы вздумали отправиться к Антонию. Пошли. Там епископ Сергий, единоверческий священник отец Семен и несколько духовных студентов. Засиделись почти до 2 часов ночи, при-

чем Антоний, видимо, угощал мною своих гостей. Но сначала говорили втроем, с Антонием и Басковым. Конечно, о патриаршестве[12]). Антоний — за. Своевременно ли теперь, когда Россия переживает столь тягостный кризис? — «Церковь Христова не может в канонических и догматических вопросах подчиняться потребностям светской власти». — «Однако до сих пор подчинялась!» — «Двести лет церковь была в плену, в угнетении». — «Церковно ли мстить?» — «Никто о мести не думает: мы первые рады послужить царю и отечеству». — «Но не миром внутренним». — «Божье важнее. Мы по нескольким канонам нескольких соборов обязаны не менее двух раз в году иметь поместные соборы; мы должны иметь патриарха. Светская власть нам двести лет мешала исполнить наш епископский, христианский, канонический долг; светская власть отказывается нам долее мешать, она заявляет, что мы можем его исполнить; как же мы будем отказываться?» — «Но если двести лет вы могли нести это стеснение и ждать, то неужели не можете подождать еще двух лет? Какой пример дадите вы всем русским людям!» — «Собор и не соберется раньше двух-трех лет, а епископский собор, избрание патриарха, — это только укрепит государство; и для христианского долга, для соблюдения канонов мы, власть духовная, инициаторами несоблюдения не можем явиться ни на мгновение». — Должен сознаться, что я был убежден и обезоружен. Остается надеяться, что истинные епископы восторжествуют над подлою закваской Антония митрополита. — Теперь я убежден, что все это было в понедельник, а не в четверг, ибо в четверг был канун благовещения.

В среду зато я завтракал у Богдановича. Были: полковник Поливанов, рассказывавший о финляндских делах, новый французский морской атташе Бенуа de quelque chose, что-то вроде Benoit D'Accent Circonflexe, и некий Сомов. Поливанов передавал со слов Бородкина безобразное совещание Коковцова, Сахарова, мерзавца Оболенского, Эрштрема, Бородкина и еще, кажется, кого-то. Один Бородкин — человек. Оболенский говорит в пользу петиции о пересмотре воинской повинности. Коковцов говорит, что с ним согласен и ручается за большинство в Комитете или Совете министров. Бородкин негодуя указывает на то, что петиция писана дерзко в отношении государя. Коковцов обрывает его тем, что кто же ныне не дерзко пишет государю? Чем же финляндцы хуже других? Сахаров копает пальцем в углу рта и говорит, что, мол, конечно, если большинство за и никто не возражает, то и он спорить не станет. — Это совещание министров! Чудное время, чудные дни!

В пятницу жена не завтракала с детьми дома и сплавила меня к Богдановичу же. Были Севастьяниха, Сабанин, Шумахер и какой-то хо[illegible]лий генерал из Ревеля, ругающий Куропаткина. Там чудовищная, но неоспоримая новость: Куропаткин по телеграфу просил за ним сохранить при командовании 1-й армией содержание главнокомандующего! Как больно вырывать человека из сердца, уважения или сочувствия и доверия!

Разговоры в среду и пятницу о шайке анархистов. Леонтьева в свойстве с Треповыми, знакома с семьею, почти накануне ареста с семьею Треповых была в театре в одной ложе. Готовые бомбы хранила у себя под кроватью у своего отца. Отец — камергер, иркутский вице-губернатор. Я в среду говорю студентам: «Ну, не дурачье ли вы?

Какую невесту упустили!» Говорят, прехорошенькая, 21 год, лозаннская студентка.

Днем все писал свою записку, которую кончил в субботу днем. Вечером махнул в «Русское собрание». Волконский бормотал что-то бессмысленное; впрочем, я не слушал. Потом ушел к Голицыну, где ужинал с Якимовичем. Голицын говорил о сегодняшнем собрании и своей речи при открытии (недурная речь) оного, а также и обо мне. Сначала приврал и хвастнул: постарался дать мне понять, что убеждал в четверг Глазова устроить мне свидание с государем. А Глазов-то мне еще во вторник говорил у Игнатьева, что непременно хочет меня государю представить, хоть на несколько минут. Я сказал, что был бы очень рад, лишь бы это не было официальным представлением, публикуемым в газетах. Потом я мельком рассказал Голицыну этот разговор. Он, бедный, так и осекся. Говорил я ему, что очень бы хорошо было получить 9 000 на юрисконсульстве. Голицын (это было вначале) делал вид, что очень сочувствует и будет содействовать, но, сконфузясь на представлении царю, сильно сел. Впрочем, он сам все хлопочет о прибавке ему жалованья, так ему очень выгодно всякое повышение моих доходов, если я пойду на службу. Еще Голицын говорил, что Глазов в восторге от моего доклада и что у него — неясно осталось, у Глазова или Голицына — мелькает мысль, не устроить ли этого доклада в царском присутствии. Теперь я думаю, что эта мысль мелькала только у Голицына. — Ну, в субботу дело плохо. Утром приехал Левин. Я думал получу деньги, — нет, тянет подлец. А у меня денег 1 рубль 23 коп., у жены 40 коп., занять негде и нечего. Поехала жена, заложила брошку. Сплавив Левина, заплатил проценты в ссудовую кассу по отцовской шубе (мать подарила мне свою квитанцию: все-таки за 35 руб. ссуды я получу прекрасную вещь), для чего съездил на Петербургскую и затем, дописав свою записку, в Царское к Путятину. У него был его дядюшка, богатый московский генерал Иванов-Луцевин с дочерью, миленькой стройной барышней с черными усиками. Дядюшку этого я совсем приворожил. Он меня упорно звал к себе, когда я буду в Москве.

Ну, пообедали с разговорами, сплавили дядюшку, и я прочел Путятину. Он говорит, что записка именно есть идеал того, о чем он думал. Он же сообщил мне, причем выяснилась отчасти и его роль, о моем предстоящем знакомстве с царем. Глазов туг на подъем; Путятин же находил во всех отношениях полезным царя со мною познакомить, но сделать это помимо Глазова, вероятно, находил неудобным. А тут Глазов сам раскачался: приехал, по словам Путятина, в диком восторге от моего доклада и в субботу повезет меня к царю. По мнению Путятина, я буду принят с полчаса. Конечно, если меньше, то не стоит и знакомиться. Я смотрю на это свидание как на дело великой важности.

События меня привели к царю. Я был ненужен в легкое время; тяжелое время разом меня двинуло вперед. Все, кто меня двигает, явились сами за мною: Путятин, Абамелек, Семенов, Павлов, Игнатьев, Глазов — ни у кого нет ни малейших интересов меня двигать, кроме чисто принципиальных. Они видят, что я тверд, силен и смел, и прямо уступают мне месте впереди. Скоро сановники начнут уже примазываться ко мне. Булыгин много раз пожалеет о своей ошибке. Но я не против него, и если он раскается, то мы будем солидарны. Ибо он мне нравится; он умен, хитер, спокоен, и он — консерватор, хотя несамо-

стоятелен. Какой бы он был прекрасный товарищ министра, если бы меня сделали министром и его дали мне в товарищи!

Путятин мечтал, чтобы моя записка была доставлена царю до субботы, чтоб он мог ее прочесть до свидания со мною; но это, к несчастью, невозможно: записка сдана мною в переписку Гапановичу, переписана будет во вторник к 5 час. дня, послана Путятину и возвращена не ранее среды, сдана Гапановичу в четверг и в пятницу к 5-ти только поспеет. Конечно, может быть, и обернемся, но будет ли в пятницу вечером царь настолько свободен, чтобы прочесть эту большую записку? Вообще, я вижу, что Путятин не менее меня возлагает надежд на мою встречу с царем.

Мне пришло в голову предложить Глазову такую комбинацию: юрисконсульт — 6 000 рублей и исполняющий должность ординарного профессора по гражданскому праву — 3 000 рублей. Совместительство по закону; а тут еще наградные и гонорар. При них я согласен даже на экстраординарного профессора, т. е. на 2 000 руб. Если 8 000 жалованья и хоть 2 000 наградных, да столько же гонорару, то я лучшего и не желаю. Мне это сегодня надумалось.

На сегодня я условился в пятницу с Папковым (в «Русском собрании») завтракать у Богдановича и поехал; но Папков надул. Поливанов опять был (вместо Папкова приехал). Еще были Скрыдлов, какой-то милый бывший лицеист с седою бородою, Шлиппе (губернатор) и Севастьянов. За завтраком интересный и горячий спор со Скрыдловым из-за Витте. Он его вздумал защищать, но был разбит без остатку. Шлиппе любопытно молчал. Севастьянов и сам Богданович горячо меня поддержали. Затем я, к сожалению, не мог остаться и уехал на общее собрание. Не стоило ездить: скучища смертная и совершенно безобидный ход событий. Волконский прошел 109 голосами из 148. Председателем, вопреки моему совету, выбрали Павлова: он был так плох, что хуже нельзя. Ясно, что его первый дебют — его последний дебют. Не умеет ни говорить, ни председательствовать; говорил хуже Цертелева. — Да, возвратясь домой из Царского, нашел дома вызов от Глазова к нему завтра между 5 и 6 час. дня. Это, значит, насчет поездки в субботу.

3 апреля. Воскресенье. — Сперва вчерашнее свидание. Глазов назначил быть у него к половине 10-го. Я приехал около четверти десятого и потому ждал, покамест он разбирал очередные бумаги. Поехали. В одном поезде с нами ехали Сахаров, граф Гендриков и Кутузов. Гендриков сел к нам в купе и много со мною разговаривал. Глазов передал, что я произвел на того самое симпатичное впечатление. Потом явился Кутузов, долго со мною беседовавший при Гендрикове, а после при Глазове. Звал к себе, хочет посоветоваться касательно своей новой повести, — пробует писать прозою. С Сахаровым я не познакомился, да на поезде и не видался.

В Царском — в Большой дворец, где Глазов начал перечитывать бумаги для доклада, и мы пили кофе. Я смотрел весьма веселые картины. Удивляюсь тем, кто такие картины держит, хотя бы Тицианом писанные. Я не стыдлив и не лицемер, но мне дико подумать, чтоб у меня в доме висел саженный холст, где Зевс-Туман прощупывает разнежившуюся голую Ио и т. п. В публичном доме — отчего же, но в семейном доме, тем более во дворце, — не мой нрав.

Потом, когда Глазов повторил урок, мы долго и много с ним разговаривали обо всем на свете. Без четверти двенадцать поехали в Але-

ксандрийский дворец. Там в приемной были Фредерикс, Бенкендорф, дежурный флигель-адъютант Руднев, и с нами пришел Путятин. Сахаров засиделся дольше обыкновенного. Глазов предупредил меня, что я буду принят вместе с ним, до его доклада. Вышел Сахаров, вошел Глазов; через несколько секунд он отворяет дверь, зовет меня. Я вошел. Царь был в кителе, безо всяких орденов, и, когда я входя закрывал за собою две тяжелые двери, он, встав из-за стола и разминаясь и нагибаясь, подошел к окну, а затем повернулся мне навстречу. Я низко поклонился; царь сделал шага два или три ко мне и на представление Глазова пожал мне руку. Надо заметить, что в приемной, когда Глазов меня представил Фредериксу, тот спросил, по какому случаю я представляюсь. Глазов ответил, что как член «Русского собрания» и автор нескольких докладов, о которых государю известно.

Итак царь выслушал представление, чуть-чуть улыбаясь. Нервность его ужасна. Он, при всем самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста. Когда его лицо не движется, то оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся. Веки все время едва уловимо вздрагивают. Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие. Когда говорит, то выбирает расплывчатые, неточные слова и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая. Вообще из нас трех не волновался только я, немного смущался и беспокоился Глазов, но больше всех нервничал, стеснялся и жался царь. Его фигура, лицо и многое в нем понятно при мысленном сопоставлении монументальной громады Александра III с зыбкой и легкою фигуркою вдовствующей императрицы. Портреты совершенно не дают о нем представления, так как, при огромном даже сходстве, портретам трудно передать нервную жизнь лица. В этом слабом, неуверенном, шатком человеке точно хрупкий организм матери едва-едва вмещает, того и гляди — уронит или расплещет, тяжелый, крупный организм отца. Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет. Царь точно старается собраться в одно целое, точно судорожно держится, чтобы не рассыпаться на слишком для него тяжелые черты лица, части тела. В нем все время с в е т и т с я Александр III, но не может воплотиться. Дух, которому нехватило крови, чтобы вполне ожить. Впрочем, постепенно его нервность успокаивалась, и под конец он слушал и просто и внимательно. Сколько времени я пробыл у него, не знаю; мне казалось, что минут 10; но, судя по тому, как я много успел сказать, пожалуй, и больше. Я спросил Глазова, не слишком ли много я говорил; он сказал, что именно столько, сколько следует; если бы больше, было бы и много, но я именно остановился на нужной точке.

Первые слова царя были: «Очень рад с вами познакомиться. Благодарю вас за вашу деятельность; мне стало известно, что вы читаете разные лекции, где говорится о самодержавии, объясняете его исторически, из нашей истории». При моем плохом запоминании с л о в я не ручаюсь, что воспроизвожу то, к а к царь выражался; но отлично помню смысл, т. е. ч т о именно он говорил. Притом, конечно, р е з ю м и р у ю, а не воспроизвожу. Мое дело здесь только н и ч е г о н е п р и б а в и т ь, воспроизвесть то, что сохранила память.

«Позвольте, ваше величество, внести необходимую поправку в то, как вам было доложено содержание моих чтений. Совершенно верно, что

я стоял на исторической точке зрения и обнажал исторические корни самодержавия, но смысл моих докладов был вовсе не в исторической точке зрения. Моею целью было идейно разъяснить внутренний смысл самодержавия, его необходимость, а вовсе не его неизбежность. Мало ли что сложилось исторически, — не всему, исторически сложившемуся, следовало бы оставаться. Но самодержавие — дело другое. Не быть ему нельзя. Я всегда готов повторить слова Леонтьева: на что нам Россия не православная и не самодержавная! Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию — одно и то же. Я указывал, что самодержавие до такой степени является сущностью нашего строя, нашей жизни, что не только мы, но даже иностранцы иначе и не могут себе вообразить Россию, как самодержавной. А их свидетельствам в этом отношении нельзя не верить, как бы ни был глуп и невежественен тот или другой иностранец: они имеют перед нами преимущество, хоть и не имеют счастья быть русскими, — это преимущество общего взгляда на нашу жизнь. Я так и сравнивал моим слушателям: вы все видите, как я говорю, но не видите, как вы все слушаете; я вижу, как вы все слушаете, но не вижу, как я говорю; но общего представления у нас нет; а вот вообразите, что кто-нибудь с улицы в окошко сюда заглянул, он увидел бы то, чего никто из нас не может увидать, хотя бы был простым хулиганом, ничего не могущим понять в происходящем на докладе: он получил бы le coup d'oeil général, всю картину; он наше собрание увидел бы не изнутри, а извне, и это дало бы ему в награду за то, что он не в нашем обществе, то, до чего страшно трудно воображением дойти каждому из нас». — «Это очень хорошо и верно». — «Так вот, иностранцы, как никто из нас, указывают на стихийную связь самодержавия и России. Так, Норман во вступлении к «All the Russias», так особенно Green в описании войны 1877 года. Вы, ваше величество, может быть, изволите знать эту книгу?» — «Нет, не знаю». — «Грин — военный атташе Соединенных Штатов при нашей армии во время Балканской кампании. Тогда был полковником, теперь, кажется, генералом, после того, как кого-то резал на Филиппинских островах, — уж не помню, испанцев или туземцев, помню только, что кого-то там резал»... — «О, да, они это чисто сделали». — «Очень чисто, дай, господи, и нам теперь хоть бы вполовину так чисто (усмешка, очень добродушная; оборот моей мысли был совершенною неожиданностью и позабавил)... Так вот этот столь мало сентиментальный Грин описывает панихиду под Плевной и, изобразив, как император Александр II, преклонив колена и опустясь головою на рукоять сабли, окруженный целой дивизией солдат, также коленопреклоненных, держащих одною рукою ружья, другою крестящихся, пред лицом своих наследственных врагов в религии и политике, сбежавшихся толпами на дальних батареях поглазеть на удивительное зрелище, молился за павших товарищей, подпевая хору: «Со святыми упокой», а далекие залпы пушек отбивали им такт, — так вот, описав эту strangely impressive scene *), Грин прибавляет: «The Russians have no fewer daily sins to answer for than other people, but the feeling which binds the lower classe to their Tsar is one of purely religions enthusiasm and veneration which finds no counter part elsewhere in these latter days»**). Американцу, стало быть, думается, что нигде

*) «Удивительно трогательную сцену».

**) См. сноску на стр. 74.

в мире нет ничего подобного нашему монархическому чувству и особенно в простонародьи. Да так оно и есть. Вот приезжаешь к вашему величеству. Кто первый у входа? Часовой. Входишь в прихожую—часовые. Входишь в приемную—часовые. Кто они? Да простые мужики, взятые от сохи. А они вам вернейшая охрана. И они, простые мужики, они здесь, у царя во дворце—вполне дома. Они отлично знают все, что им делать, и как и когда. А вот наш брат «интеллигент»—ведь, увы, ваше величество, ведь и я имею несчастье принадлежать к этому незавидному сословию»...

Государь и Глазов опять от души рассмеялись.

«Да, несимпатичное слово. Никогда не пишу его без кавычек, только тем, как дворянин, и утешаюсь. Так вот, наш брат, интеллигент, он здесь чужой, он не находит себе места. Точно в церкви: что может быть глупей и беспомощнее положения «интеллигента», попавшего в церковь? Чем великолепней и богаче храм, тем более там чувствует себя народ д о м а, у с е б я; какая-нибудь убогая бабушка в великолепном соборе так же дома, так же хорошо знает, что и как и когда ей делать, как часовой у вашей двери. А «интеллигент»? Стесняется, старается быть развязным, оглядывается исподтишка, перекрестится, так некстати; священник возгласит «мир всем», а он крестится; начнут читать апостол, он увидит, что «батюшка сел», заключит, что прочие, значит, стоят из неинтеллигентного усердия, и тоже присядет отдохнуть; войдет в церковь, оглядывается: «Где здесь говеют?»

Снова добродушный смех, улыбка и киванье головою во все время этой тирады, как на метко замеченные знакомые мелочи.

«Вот отчего «интеллигенции» и чужда идея самодержавия, столь народная и столь непонятная иностранцам. Да им этого и не понять. Обыкновенно сопоставляют самодержавие с абсолютизмом. Да, да: у м н ы е люди сопоставляют его с просвещенным абсолютизмом, даже говорят — у нас ведь есть такие у м н ы е люди — говорят о п р о с в е щ е н н о м самодержавии»...

Опять смех, на этот раз немного хитрый, ч р е з в ы ч а й н о довольный и с оттенком — с одной стороны: так, так его, подлеца! а с другой: ага, не утерпел, вон в кого метишь! Государь смеясь обернулся на Глазова, но тот или не знал этой фразы Витте или не вник, куда я мечу, так что сделал понимающую улыбку только из почтительности...

«Говорят о просвещенном самодержавии, точно есть какое-то непросвещенное самодержавие, точно все наше просвещение не самодержавною властью насаждено и вырощено, часто вопреки «интеллигенции». Но и, кроме того, сопоставление совершенно невозможно: что общего между западным абсолютизмом, выросшим на почве феодально-сословной, и нашим самодержавием, порожденным высшим напряжением национального демократического и религиозного духа? Взять Людовика Святого и св. Александра Невского. Кто такой Людовик Святой? Феодал, добрый, честный, справедливый, доступный феодал, набожный крестоносец. А Александр? Конечно, он победитель при Неве, но он же и выборный всей земли русской; он у хана спасение вечное отложил, идолам и хану поклонился, только бы народ свой спасти от ужасов

**) «У русских не меньше, чем у других народов повседневных грехов, за которые они должны отвечать, но чувство, связывающее низшие классы с царем, основано на чисто религиозном энтузиазме и благоговении и нигде не находит себе подобного в последнее время».

нового нашествия! В полном смысле слова душу свою положил за други своя. Он был первою жертвою за свой народ, его первым предстателем и поборником. И вот этот взгляд на царя, как на выборного всей земли русской, и дает самодержавию высшее идейное содержание».— «Как же, ведь и наш дом был выбран народом!» — «А, нет, ваше величество, это совсем не то. Быть монархом par la volonté du peuple совсем не то, что быть самодержавным монархом. Вас никто не выбирал, но в идеальном смысле вашего значения вы все-таки выборный всей земли русской. Вы — первая жертва за Россию. Вы — первый предстатель за свой народ. Этим-то и объясняется особенное отношение к вам народа. Вы — монарх, вы — воплощение всего нашего отечества, а в то же время, хотя бы для вашего любого часового, вы только раб божий Николай, как он, часовой, раб божий Антип, Сидор, Кондратий»... — «Совершенно верно. Как это глубоко и верно!» — «Не выбирал он вас, а вы для него все-таки выборный всей земли русской»...

Вот, приблизительно, главное, что я сказал. Но это еще далеко не все. Я помню несколько отрывочных эпизодов, только не могу найти их места в общем ходе разговора. Не помню также, на чем я остановился, но когда остановился и замолчал, то государь опять улыбнулся, отпустил меня, два раза крепко пожал руку и сказал: «Благодарю. Благодарю. Продолжайте».

За завтраком Глазов передал мне, что впечатление осталось самое прекрасное. Царь сказал: «Какой умный, даровитый, образованный, красноречивый, а главное — убежденный молодой человек!» Глазов прибавил от себя несколько теплых слов (которых мне не передал), а царь опять сказал: «Да, конечно, но все-таки главное—убежденность. Это так редко встречаешь и потому это всего дороже».

Так, из эпизодов, которых место плохо помню, один был вначале разговора. Говоря о цели и смысле своего доклада, я сказал, что потому и считаю нужным разъяснять истинный смысл самодержавия, что теперь против него воздвигнут гнусный поход, в котором каждый мечтает что-нибудь урвать у самодержавия, по примеру тех, кто наверху занимается расхищением самодержавия. Это тоже вызвало сочувственное киванье и какое-то незначительное слово согласия и одобрения.— Помню, что еще что-то было, но запишу после, когда вспомню все.

По выходе от царя Фредерикс меня проинтервьюировал. Я говорил много, но постарался совершенно не дать понятия о разговоре. Когда я высказался о самодержавии очень резко и прямо, вдруг меня Фредерикс спрашивает: «Так вы как же, считаете, что выборные возможны при самодержавии или невозможны?» — «Как вам ответить!.. Я считаю, что если самодержавный монарх что-либо повелел, то его воля должна быть исполнена. Самодержавие согласуемо с какими угодно реформами, не только либеральными, но прямо радикальными. Согласуемо оно, стало быть, и с выборным началом, ибо собрание выборных, по воле самодержавного государя созванное, самодержавию не противоречит, если у царя находятся честные исполнители его воли. Но, конечно, если я стану рассуждать не как верноподданный самодержавного государя, а как ученый, по своей специальности, как историк права, то должен засвидетельствовать, что привлечение выборных к участию в управлении или законодательстве всегда являлось зародышем ограничения власти монаршей, зерном представительства и прямого народовластия. Повторится ли то же у нас? Неизбежным я этого не считаю. Быть может,

как преходящая попытка, оно будет даже благотворным для России, т. е. для самодержавия. Мы прививаем оспу: опухоль, лихорадка, но пройдет недолгий период, зарубцуется язва, и организм надолго иммунизован. Только белый рубчик в воспоминание. Может быть, и у нас найдутся искусные и честные люди, которые сумеют так осуществить царскую волю, что привлечение выборных иммунизирует Россию и от народного представительства и от народовластия». — После приема я приехал обратно в Большой дворец, где мы позавтракали втроем с Путятиным и Глазовым. Я рассказал содержание разговора. По всему видно, что представление вышло весьма удачно. Путятин, видимо, был чрезвычайно доволен.

Теперь вкратце свои события. В понедельник был у Глазова, где обо всем условились. Обедали у нас Кондратьев и мать; Цертелев надул. После обеда был Боровитинов, но рано ушел. Днем была Павлиха. Во вторник днем был у Платонова, с которым советовался по делу Верцелиуса и говорил о деле Левина и Троянского. Он отказался быть судьею. Жаль. Впрочем, я, может быть, уговорю его (хочу быть во вторник). — Потом у Муяки. У нее Сербулаева, Стремоухова, графиня Гейден, Турбина, Мурин, незнакомый мне старец, Аболь-Гассан (персидский секретарь). Довольно вяло, но ничего. Аболь-Гассан спросил меня, не я ли читал у Игнатьева во вторник и, узнав, что я, выразил крайнее сожаление, что не мог меня послушать. Очень, мол, много говорят. Вечером читал во 2-й артиллерийской бригаде. Слушали хорошо, были довольны. В среду были Янковский, Кандауров, Гапанович, но вначале Путятин, привезший мою записку с исправлениями. Кое-что объективно верно, кое-что неверно, а кое-что я смягчил потому, что относится к изложению, а не к мыслям. На этих же днях был Хрунов, по делу о Платуновском наследстве. Хорошо бы заручиться! — В четверг все с запискою возился и отнес таки ее для переписки Гапановичу. Вечером у Муяки. Антоний, Дмитрий Гурийский, 2 Губчиц, Сербулаева, Стремоухова, Бертенсониха, 2 Головиных, Майборода, Гейдены супруги, Мурин, мы с женой, какая-то еще дама или девица; вечер продолжительный. Мы с женою декламировали, Майборода пел. Я прочел Антонию письмо Полякова; привел его в восторг. Условились, что я познакомлю их, — приведу Полякова в субботу. От Муяки многие с нами хотят познакомиться: Гейдены назвались, Головина была, Бертенсониха хочет быть. Последних мне не очень хочется, но чорт их дери. Это знакомство жены. В пятницу был у Боровитинова по левинскому делу и с ним говорил о многом. Был в бане. Был у М. И. Д., с ангелом поздравил. Там много народу, но больше сволочь. Со Стюрлершею сцепился не на живот, а на смерть. Глупо было, но так как она сказала, что в университетах взятки берут, то меня взорвало. Я ответил, что про университеты можно говорить что угодно, но сказать, что в университетах взятки берут, никто ей не мог, кроме лжеца. Все дамы мне очень сочувствовали. Но было глупо. Меня взорвал подлый ругательный о России тон. Ненавижу. Вечером у Бобрищевой-Пушкиной. Антоний читал о благости божьей и вечных мучениях. Как всегда, умно и интересно. Там старая стерва Достоевская, Колбе, Бертенсониха, Муяка, Головина, даже Майборода, Мурин, мать, Гейденша и еще много. Но у Пушкиной даже от Антония спать хочется. В субботу была поездка в Царское и вечер у Антония. Ненадолго был Саблер по делу, а затем Лебедев (цензор), Знаменский А. Н., священник какой-то, товарищ Антония, и не-

сколько студентов, в их числе Алексей Ухтомский. Я рассказывал мою поездку. — О том, что было сегодня, запишу завтра.

5 апреля. Вторник.— Еще вспоминаю, но смутно, один эпизод из разговора с царем. Кажется, это все вместе с «расхищением самодержавия» составило один эпизод, но, повторяю, помню, его смутно, так что слова царя не могу воспроизвести точно. Смысл их был, во всяком случае, тот, что те, кто оспаривает самодержавие, в сущности, только сами тянутся за властью. Я подхватил и говорю, что под предлогом «бюрократии» они просто стараются подчинить себе правительство, сами хотят заслонить царя от народа и, главное, народ от царя, протянуть зыбкую, но непроницаемую кавалерийскую завесу между ними в парламентской болтовне.

Когда возвращался в субботу из Царского, от меня выходил генерал Ивашенцев, благодаривший за доклад у них в бригаде. Я его повернул и вкратце рассказал о своей поездке, но говорили и о другом.

В воскресенье не застал Зиновьеву и Брусилова, а потом Юзефовича; застал и был принят у Игнатьевой и Нидермиллерши. У Игнатьевой была какая-то баронесса или графиня Крузенштерн или что-то вроде, но скоро ушла, а когда приехали Сергей Филиппов и генерал Козен, то я ушел. Но просидел с полчаса. Говорили, конечно, о моем посещении. Впечатление на графиню самое благоприятное. Так как А. П. все мечтает быть обер-прокурором, то у них ликуют по случаю провала тройственного союза Витте—Саблера—Антония [14]) и говорят, что эта нелепая затея тем драгоценна, что бесповоротно раскрыла царю глаза на Саблера и Антония.

Касательно Антония я не спорил, но касательно Саблера удостоверил, что дело не совсем так, а кстати сообщил и то, что Ширинский гораздо более опасный (не этими, конечно, словами) соперник, чем Саблер. Это им было новостью, т. е. ей, но это все равно. Она сказала, что несомненно государь меня страшно стеснялся и робел, что он нестерпимо застенчив и теряется при каждом новом человеке, но что уже по второму разу гораздо спокойней. Она же сообщила мне, что Юзефович говорил обо мне царю. Должно быть, это что-нибудь совсем недавнее, так как от Юзефовича я не слыхал, чтоб он царю на этих днях представлялся. Еще графиня говорила, что царя должен был особенно стеснять мой фрак и мое ученое звание. Она даже прибавила вскользь, что если я это стеснение рассеял, то это важный показатель и большое завоевание (смысл; слова у нее были, конечно, другие). Очень благодарила за мой доклад: видимо, я действительно всем сильно угодил и наделал шуму в верхах.

Ну, у Нидермиллерши какой-то громадный волосатый черный господин и пустые разговоры; ничего интересного. — Утром в воскресенье был у меня Боровитинов по делу Левина, но больше всего, конечно, чтобы проинтервьюировать о субботе. Ему я, конечно, как и всем, рассказывал только кусочки, а не все. Вчера днем сначала Муяки, — в четверг зовет вечером слушать Дмитрия об их бакинских и прочих событиях. Сидела долго. При ней пришла к жене Савичиха. При Савичихе внезапно Грингмут. Ему я был очень рад. Поговорить было много о чем. Известие о моей поездке в Царское — потрясающее впечатление. Ему, по особому доверию, прочел мой дневник, с пропуском только некоторых ремарок. Грингмут так и просиял. «Всею душою радуюсь за вас, но еще более рад за царя. Это свидание — огромный успех вообще для рус-

ского дела. Все, что вы говорили, превосходно и интересно. И еще надо заметить, что, как ни хорошо все, что вы говорили, еще лучше то, чего вы не сказали». — «То-есть?» — «То-есть, вы его не учили, не давали никаких советов, не объявляли, что намерены «говорить всю правду» и т. д. Этим его одолевают, мучают. Все хотят «говорить всю правду» и непременно всех ругают. Вы никого не ругали. И когда царь видит, что его хотят учить, им руководить и т. д., то у него это так наболело, что он мгновенно прячется в себя и начинает думать: «Опять учитель! Опять советчик! Опять считает меня совершенным дураком!» — и нервная потребность отпихнуть непрошенного наставника, про себя утешаться тем, что он, в сущности, бесконечно лучше осведомлен обо всем, о чем ему говорят. Вы же говорили ему несомненно много нового, говорили смело, прямо, умно, интересно и не возбудили ни на минуту его недоверчивости. И это для вас огромный успех, а значит успех для дела».

Еще говорил о резолюции царя о необходимости строгих мер против революционного движения. Резолюция положена на журнале Комитета министров по поводу предложения Булыгина (поддержанного Коковцовым!?.) о разъяснении указа 18 февраля. Очень приятно. — Затем длинный разговор о тоне «Московских ведомостей» по поводу собора. Я передал мою беседу с Антонием. Грингмут горячо спорил, но, в сущности, понял, что слишком расходился и что надо немножко попридержать свои звоны малиновые. Я сказал ему, что Антоний будет вечером; он тоже обещал быть. Еще я читал ему письмо Полякова, приведшее его в восторг. — Читал ему отрывки моей записки о рескрипте. — Читал характеристику Ивановского (на редкость удалась: независимо от Ивановского она хороша литературно). Читал мое письмо Путятину о Витте. Тут Грингмут все время даже глаза закрывал и брови подымал от восторга и умиления. — При его уезде (он обедал у Муретихи) приехала Гейденша. Вечером были Антоний, Грингмут и Харламов. Последний так и скис при интересных гостях. Уходя, благодарил «за один из интереснейших вечеров в своей жизни». Вечер, точно, был интересен. Я прочел всю мою записку (Антоний не мог ее дослушать — слишком поздно приехал). Впечатление весьма большое. Грингмут несколько огорчил меня, указав, что моя мысль по существу не нова: оказывается, нечто в этом роде проектировал и Бисмарк, но, конечно, более робко и лишь в виде намека. Pereant, qui ante nos nostra dixerunt! *) Но, в общем, слушали, как роман. Стихи, удачные доклады не так слушали у меня, как вчера мою записку. Да и слушатели то были исключительные. Уехали поздно, — кажется, в 2 часа. Сегодня надо быть у Платонова по делам Верцелиуса и Левина, да смерть не хочется. Но надо ехать.

9 апреля. Суббота. — Во вторник был у Платонова, где получил удовлетворительные результаты по делу Верцелиуса и полный отказ по делу Левина — Троянского. Вечером пошел на собрание русских студентов, где протомился безвыходною скукою. В среду был на исторической выставке портретов, но при неудачном освещении; впечатления настоящего нет еще; слишком огромна выставка. На ней надо не менее пяти раз побывать. Я успел осмотреть залы Петра, Павла, Елизаветы и Анны. Вечером были Гапанович, Янковский, Кондратьев, Богословский, Орбели; кажется, был еще кто-то. — В четверг праздновали

*) «Пусть погибнут те, кто раньше нас наше сказал».

рождение Романа. Вечером были у Муяки, где преосвященный Дмитрий (Абашидзе) рассказывал о своем изгнании из Поти. Ничего особенно интересного. Слишком все это лично, поверхностно и узко. Он видит только врагов и интриги, не раскрывая их подкладки. Там были отец Семен, супруги Губчиц, супруги Головины, супруги Чайковские, супруги Долинские, Майборода с дочерью, графиня Гейден. Катя и я читали стихи, Майборода пел. В пятницу я был в Съезде по делам и позавтракал у Богдановича. Были Скрыдлов, Севастьянов, Бельгард, Чабовские мать и дочь, Лодыженские супруги (могилевский вице-губернатор), а после завтрака Jaconnet с дочерью. Со Скрыдловым и Бельгардом спор по поводу желания пажей потребовать от Кузьмина-Караваева не носить пажеского знака. Я — за пажей, эти — против. Но со Скрыдловым-то можно столковаться, а вот с дураком Бельгардом хоть плюнь. Богданович уверял меня, будто на докладе в «Русском собрании» готовится что-то чрезвычайное: будут-де сановники, будет какая-то неимоверная резолюция, председательствовать будет сам Голицын и т. д. Я видел ясно, что вздор, но все-таки пошел. Конечно, никого и ничего. Ни Голицына, ни даже Волконского. Дурак Булацель читал доклад Бородкина со скучнейшей отсебятиной. Народу к 9 часам едва собралось человек 70. К концу вечера было около 100. Доклад интересный, но и только. Для меня ничего нового. Председателем был Пуришкевич. Много новых членов — Харламов, Чачков, Юревич, Майков, Саблин, еще другие. Богданович меня в пятницу направил к некой Бузни по большому процессу. Поеду, хотя не очень-то мне верится. Надо брать, что можно. С деньгами мне совсем капут. Ниоткуда ничего. Хоть помирай! Господи, да будет ли конец этой каторге? — Состав Горемыкинской комиссии хорош по принципу: хорош ли по действительности — увидим [15]). Зиновей Петрович, отец-адмирал, выручай отечество!

15 апреля. Пятница. 9-го, не помню, что было. 10-го и 11-го изготовлял смесь. 11-го у нас никого не было. 12-го метался: по делу Левина у Боровитинова, посетил Верцелиуса в его заточении (смирился уже, а я его доканал и, кажется вразумил; во всяком случае, сильно тронул). Глупый мальчишка, но хороший и добрый. Авось ему нынешняя история пойдет в пользу. От него к Бузни. С этой взятки гладки. Но совет дал и еще дам. У ней барышня, — больше претензий, чем прав на претензии, по крайней мере, для тех, кому ее богатство не нужно, и женатых. Дело их нелепо поведено, но может быть оборочено весьма выгодно. — В среду с Вавой и женою на портретной выставке. Осмотрели XVII век и Петра почти до конца. — В четверг был опять у Верцелиуса. Но, кроме того, в четверг меня допрашивали на левинском суде. Мое показание, как я полагаю, доканало Троянского. Но подлый жид Левин, как кажется, намерен увильнуть от уплаты денег. Ну, это мы посмотрим! Я думаю, он просто тянет, а не увиливает. Я ему послал сегодня очень сериозное письмо. — Да, во вторник или в понедельник, а может быть и в среду, у меня был некий Лонг, корреспондент «Review of Reviews» и «New-York Journal». Получил из Америки телеграмму, что де приват-доцент Никольский был принят государем, который с ним советовался по политическим вопросам: интервьюируйте его немедленно. Я отперся, хотя было трудно это обставить дипломатически, но воспользовался случаем, чтобы высказать американцу свои взгляды и некоторые мысли моего доклада. (Кстати: я Грингмуту читал мое письмо Путятину о Витте — он мысли этого письма вот уже в трех статьях развивает;

даже цитату повторил, но переврал: у меня из Ламартина: «C'est lui, c'est toujours lui!», а он свое сочинил: «Toujours lui, lui toujours (?)»! Главным образом подхватил он то, что для Витте нужен мир постыдный, ибо мир победный ему крышка). Не знаю, сумеет ли сей Лонг воспользоваться, но доволен он был. Говорили мы с ним по-русски и по-английски, причем я говорил по-английски (sic!), а он по-русски: ибо я не понимал его английской речи, а он плохо понимал мою русскую. Хорошо. Итак, в левинском деле все налажено, и я надеюсь, что каналье Троянскому не сдобровать. Мое вчерашнее показание, несомненно, для него явилось жесточайшим ударом. Да и Эристов корчился при моих ледяных и учтиво ядовитых фразах. Я подчеркнул все, что нужно. — Умер и похоронен Кривский. Вот казался-то долговечен, а разом кончился! Я не поспел на похороны и жалею: было много знакомых членов Государственного совета и между ними—Булыгин. Очень жаль, что не поспел. Генерал-губернатором московским назначен Козлов. Вероятно, тут Булыгин содействовал. Булыгин сам безличен и обходителен и таких же и проводит.

Сколько эгоизма и опасности в этом политическом благообразии! — Сознаться ли вам по секрету? Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже чем бездарен! Он, — прости меня, боже, — полное ничтожество! Если так, то нескоро искупится его царствование. О, господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность была так безнадежна? Знаете ли вы, что я порою начинаю понимать Витте, — не в его заигрываниях, а в его предательстве. — Я мало верю в близкое будущее. Одного покушения теперь мало, чтоб очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское [16]). Конечно, мне первому погибать. Но мне жизни не жаль — мне России жаль.

26 апреля. Вторник. — Невозможно все записывать. Внесу хоть что-нибудь. Левина дело решено, хотя не совсем в его пользу. — Вчера был премилый вечер. У нас собрались Муретиха с сыном и дочерью, Головины, М. И. Д. с Матильдою, Харламовы, старик Верховский, адмирал Гильтебрандт, Эрфурт. — В четверг у Гейденов обед с митрополитом, Кириллом Гдовским, Антонием Волынским, Дмитрием Потийским. Будет Муяки, брат Гейденши и ее мать, мы с женой и еще кто-то. Едва ли интересны мирские гости, но митрополит меня давно интересует. В пятницу был литературный вечер в «Русском собрании». Выручали мы с женою. Сперва прочли «За кем» Пуришкевича по ролям, — из рук вон плохо читали; только я и вывез, да Харламов прочел недурно. Затем Голицын прочел свое стихотворение—ответ на «За кем». Затем Пуришкевич свой ответ на этот ответ. Затем Катя — попури из монологов из «Сна Услады» и «Кащея». После перерыва Пуришкевич — свое стихотворение, я — первую речь Цицерона против Катилины, называя его Сергием, — произвело фурор, ибо било не в бровь, а прямо в глаз, и Волконский — из летописных фельетонов о современных событиях. Вот, кажется, все главное. Еще важнее, конечно, что левинское дело кончилось, и я с него получил деньги. Без этого я погибал. Да и теперь, если не получу какого-нибудь аванса, не знаю, что делать. Господи, когда этому конец? Ужасно. Вечная лихорадка, вечный недохват, и ни отдыха, ни сроку.

О моей записке из Царского ни гу-гу. Да все равно! Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся царь, с его ничтожным, мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что

творит, губит Россию. Не будь я монархистом — о, господи! Но отчаяться в человеке для меня не значит отчаяться в принципе. Я понял давно, что играть роли в это царствование мне не придется; я думал, что события меня выдвинут; но вот и события,,— увы, все то же. Пора крест на все поставить. Блаженны почившие.

5 мая. Четверг. — Мне хочется кое-что записать. Завтра рожденье государя. Володя намерен отпраздновать это событие. На завтра назначил торжественную процессию. Сегодня была репетиция. Несколько часов мастерил хоругвь и украшения вроде балдахина к царскому портрету. Наконец усадил Анну, Романа, няньку с ее девочкой, сам стал на большой ящик и произнес пламенную политическую речь. «Завтра, мол, рождение государя, и мы будем праздновать этот день. Прежде мы не праздновали, а нынче непременно надо праздновать. Теперь война, и много злых людей, которые царя не хотят совсем, никого не слушаются, устраивают беспорядки. Но мы не изменники, и если эти злые люди не хотят, то мы царя хотим, и все-таки все вместе будем за царя и отпразднуем его рождение. Ура! Ну, хлопайте же!». Бурные аплодисменты. Я тоже пришел, поаплодировал. Потом приходит — я читаю: «Прости, милый папа, но, если можно, приди посмотреть». Пришел я. На пустом ящике два национальных флага, украшенный портрет государя, хоругвь и с двух сторон с подушками в руках Анна и Оля (нянькина дочь). У Анны на подушке книга, у Оли — лодочка. Сзади портрета Роман и няня. Володька дирижирует, втроем поют «Боже, царя храни» и потом всеобщее ура. Книга изображает биографию Петра Великого, а лодочка— дедушку русского флота. Уморительный мальчик. Дай ему, господи, не игру играть, а дело делать! Уж если я недостоин отстоять родину и обречен видеть одно горе и неудачи, пусть хоть они увидят лучшие дни. А такая страсть организовывать, изобретать, устраивать, как у него, редко у детей бывает. Притом терпение, настойчивость, прилежание прямо неимоверные.

Теперь о себе. Когда я в первый раз был вечером у Игнатьева, он дал мне прочесть проект Икскуля новых статей основных законов во исполнение п. 1 указа 12 декабря. Я жестоко раскритиковал первую статью, указав, что проект безграмотен, ибо составитель понятия не имеет о существе аутентического толкования закона. Игнатьев со свойственной ему быстротой схватил сущность дела. Но когда я ему произнес «аутентическое толкование», то в его глазах засветился испуг, да и Звегинцев как-то огорченно двинул усами и мотнул головой. «Конечно,— говорю я,— по словам Горбунова, вы за это ответите,— за это, за слово за ваше за нехорошее, — но что же делать: научный термин». Посмеялись старцы, что, конечно, за такое слово действительно можно ответить, но Игнатьев мою критику усвоил. Я ему на полях набросал ряд мыслей и замечаний. Тем дело и кончилось. Третьего дня получаю от него на прочтение проект журнала, — что же вижу? Все, что я Игнатьеву растолковал, все это по существу в журнале изображено. Ясно, что мой графчик говорил с огромным успехом, раскатал проект Икскуля начисто, — словом, явился львом или, по крайней мере, бегемотом заседания. Вот и моя копеечка не щербата! Всего забавнее было то, что слова «аутентическое толкование» повторяются несколько раз и, действительно, из страха ответить за такое слово, снабжены местами жирными скобками.

Воодушевясь этим успехом, я улучил несколько минут времени,

изучил журнал и его так раскатал, что, можно сказать, камня на камне не оставил. Поехал вчера утром к Игнатьеву и все ему объяснил (удивительно способный человек: мгновенно схватывает самые отвлеченные и трудные вещи). Воодушевился мой сановник до чрезвычайности. Это говорит очень серьезно. Этот журнал мало опротестовать: надо потребовать нового пересмотра дела. Словом, усмотрел возможность так отличиться перед Государственным советом, что любо-дорого. Я невольно почувствовал, что за его генеральскою спиною не хуже орудую, чем И. А. Хлестаков: Государственный совет-то как прижал! — Вот я и на государственные дела влияю, да еще по каким огромным вопросам... А нищ, несчастен и не знаю, чем буду за квартиру платить. Я не честолюбив, и совсем мне не лестно, что я лучше понимаю многое, чем это сонмище выживших из ума идиотов; пусть граф Алексей Павлович, даровитый, умный и живой человек, набравшись от меня ума, приносит пользу отечеству, удивляя своею тонкостью все департаменты Государственного совета, но — господи! Хоть бы год, хоть бы полгода прожить не в лихорадке, без мучительного страха за завтрашний день!

Золотарев предложил мне читать государственное и полицейское право на его статистических курсах[17]). Шесть часов в неделю, 1 200 р. в год. Я согласился. Прочесть эти курсы не трудно, а 1 200 р. на улице не подымешь, да и мне полезно пройти основательно два таких необходимых предмета, подумать над ними хорошенько. В среду мы с ним окончательно условились. Кружками я руководить уже не буду в новом году, а прочие лекции все сохраню. Это мне освободит немного вечера для репетиций на статистических курсах. — Во вторник я завтракал у Богдановича — Штюрмер, Арсеньев, М. Н. Кайгородов с женою, Плаксин, Дрю с женою, Маркова, Шауфусиха, еще кто-то. — Вечером было «Содружество»[18]) — последнее собрание, очень симпатичное. Председательствовал я и очень удачно говорил, сильно расшевелил мальчиков. Старших членов не было, а попы раньше ушли, до конца со мною только генерал Демьянов оставался. Словом, все благоприятствовало. — Днем был на суде по делу Зингер. Отложено на 14 июня. — Ну, словом, не стоит записывать, — всевозможные пустяки.

8 мая. Воскресенье. — В пятницу завтракал у Богдановича, где разные сплетни. Народу мало: Чабовский, Кутепов, потом Моллериус, еще кто-то. Вечером в «Русском собрании» — Энгельгардт: тоска смертная. Впрочем под конец человек 100 народу. Вчера писал письма; вечером был у Антония на всенощной и на дому. У него Лахостский с христианами[19]) — Верховский, Аникиев, Несмелов, Надеждин; брат Антония, дюжина или десяток духовных студентов, какой-то иеромонах. Подробно прослушали об инциденте с приставом на пастырском собрании. Антоний читал всеподданнейший адрес синода (им писан) и доклад, не доложенный по начальству. Я молчал, удрученный всем этим. По моему, Трепов сделал опасную и обидную ошибку, разогнав попов; Гринмут сделал не меньшую, напав на Антония митрополита. Две громадных ошибки. С духовенством следовало быть осторожнее. Чума политического беспокойства захватила и его; надо уладить, не раздражая, не отталкивая и не оскорбляя. Загадка для меня наш митрополит. Не могу я разобрать, глуп ли он политически и сам не ведает, что творит, — прихвостень ли он торжествующего хама, по злому умыслу? Горькое время, когда чистые сердцем и духом служат грязным вожделениям охваченного смутою Вавилона. Смешение языков в России. Надо завоевывать

наши границы изнутри. Громадность задач становится неимоверною, ибо завоевание внутри границ бесконечно усложняется трудностями внешней политики.

19 мая. Четверг.— В какое ужасное время мы живем! Чудовищные события в Тихом океане превосходят все вероятия. Что дальше будет, жутко и подумать. Когда я во вторник у Богдановича узнал истинное положение дел, еще до теперешних подробностей, то я сказал: конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии. На чудо рассчитывать нечего. Победа на суше едва ли что может изменить, ибо просто опрокинуть японцев мало, их надо истребить, а для этого у нас нет нужного перевеса, нет даже простого равенства сил, наличных сил, не говоря о расстояниях, обстановке и пр. И всего ужаснее ждать объяснений, как могли суда Небогатова сдаться в плен. Я высказал догадку, что тут измена и что взбунтовавшаяся команда попросту связала офицеров.

Когда я сказал, что — конец династии, меня спросили, что же делать. Я сказал: переменить династию. Но, конечно, если бы я верил в чудеса и в возможность вразумить глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека, то я предложил бы пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целость и наше отечество. Повесить, например, Алексея и Владимира Александровичей, Ламздорфа и Витте, запретить по закону великим князьям когда-бы то ни было занимать ответственные посты, расстричь Антония, разогнать всю эту шайку и пламенным манифестом воззвать к народу, заключив мир до боя на сухом пути. Тогда еще все могло бы быть спасено. Но это значит: распорядись, чтобы сейчас стала зима. Замени человека другим человеком. Вот это я приблизительно сказал.

Богданович мне потом говорит: «Напишите это царю». — Я говорю: «Бесполезно. Я не бог, чтобы из бабы делать мужчину, из Николая — Петра». Тогда старый плут говорит: «Ну, напишите это от моего имени,— я пошлю». Я повторяю: «Это бесполезно». — «Все равно: ведь вы как адвокат, берете дело, составляете бумагу, хотя не верите в успех? Составьте мне — я вам заплачу, как адвокату». Я рассмеялся невольно.— «Ну, что ж хорошо, я вам напишу». Старый подлец думал, что я с него чорт знает, что спрошу. Я говорю: «Мне денег не надо». — «Нет, это невозможно». — «Ну, хорошо, заплатите мне, как за выход, — 100 рублей». — «Нет, это мало: хотите 200?». — «Все равно, давайте двести».

Вчера написал и вечером с ним окончательно переработал редакцию. По его желанию, намечены трое: Алексей Александрович, Витте и Антоний. Не думаю, чтоб это было хорошо, ибо я писал без всякой надежды на вразумление. Династия — вот единственная жертва. Но где взять новую? Ведь придворный переворот безнадежен, ибо при нем — долой закон о престолонаследии, а тогда полная смута. Словом, конец, конец! Чудес не бывает. Конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил. Конец не навсегда, но мне уже не видать ее возрождения: надолго ночь. Агония может еще продлиться, но что пользы? Еще если бы можно было надеяться на его самоубийство, — это было бы все-таки шансом. Но где ему!.. До чего мы дожили! Что мы детям оставляем! Бог все видит и знает. Я могу спокойно сказать лишь одно: за меня моим детям стыдиться не приходится. Я побежден, ибо побеждено то дело, которому я служил, но я не изменник и не предатель. Я сам погибну, если придется, но проституцией убеждений не могу зани-

маться. Я даже надежды не теряю, но иначе бы нельзя было и жить. А пока мне настало время уйти в частную жизнь. На конституцию я не согласен, а без конституции выхода нет. Как пойдут события — кто может это знать? Но пойдут они по-новому. — Что же далее? Торжество католичества, в котором объединится мир христианской культуры против желтого мира? После Калки выросло самодержавие; после Цусимского боя вырастет ли единое стадо и единый пастырь? Но Христос обещал полное крушение, да претерпевый до конца един спасется. Значит — верь и не надейся? Верую, господи, помози моему неверию.

16 июня. Четверг. — После мытарства целого месяца сегодня впервые отдыхаю. За это время столько событий, что и не вспомнишь. В конце концов, мне начинает серьезно казаться, что внутреннюю политику с января по сие время в значительной степени ведут Трепов, Путятин, Богданович и я. Судьба меня ввела в царство политических интриг. Я теперь знаю столько подводных скал, о которых и не подозревают сановники, что любо дорого. Я все-таки думаю... *).

1907 год.

3 июля. Вторник. — Я вздумал записать кое-что и выбрал для начала предмет, который никому кроме меня полностью неизвестен, а между тем имеет большую историческую важность. Я расскажу, как начался Союз русского народа.

Дело было в октябре 1905 года. Приехав завтракать к Богдановичу, с которым я тогда еще не был особенно близок, я встретил у него в числе других гостей несколько москвичей в русском платье — хоругвеносцев, как мне объяснили хозяева. О хоругвеносцах[20]) я тогда почти ничего не слыхал и не представлял себе ничего политического в их организации. Их главой мне показался Стволов, — бойкий, ловкий, говорун, несколько театральный, но способный, оратор и по всем признакам большой плут. Кроме Стволова помню Минаева, Анофреева, Александрова, — еще нескольких. Оказалось, хоругвеносцы приехали депутацией к государю от стотысячной московской добровольной охраны, привезли прелестную икону работы Гурьянова в удивительно изящном окладе и адрес в ларце с десятками тысяч подписей. За иконой и адресом кто-то из них ездил на дом и вскоре, до завтрака, привез и то и другое. И адрес, и ларец, и икона мне чрезвычайно понравились, а хоругвеносцы заинтересовали. Еще более заинтересовала их добровольная охрана. Ничего тогда еще не зная в деле организаций, плохо различая, что правда, что ложь, я верил всему, ибо все мне было ново, все было необычайно, как детям, впервые слушающим сказку.

Хоругвеносцы врали, репетируя то, что должны были повторять везде. Рассказывали, как их много, как они сильны, как благодаря им все хорошо и крепко в Москве, как им прискорбна идущая из Петербурга смута и как они хотят ободрить царя, внушить ему твердость среди окружающей его крамолы. Для меня эти речи, московские мещанские ухватки рассказчиков, несомненно русский характер их приемов, единомыслие с нашими взглядами целой могучей народной организации, ее таинственность и бесшумность, — легко сказать: сорганизовать 100 000 человек, да так, что о них никто и не говорит и не слышит! —

*) В подлиннике фраза не дописана.

все это производило чарующее впечатление. Но самое главное для меня была их простонародность. В Петербурге я знал «своих». Это был сплошь интеллигентный круг, это были люди образованные, нередко глубоко просвещенные, убежденные, но бездейственные, не организаторы, даже не руководители, а больше наблюдатели, ищущие чего-то крупного, массового, к чему бы можно было примкнуть, но дрожжами быть неспособные. Для этого круга я сам был дрожжами и чувствовал, до какой степени в Петербурге только мной и сильна эта закваска. Спрос на меня был громадный, и мое влияние только начиналось. Но я все время не чувствовал под собою живой простонародной почвы. Что она есть, я в том не сомневался, но где она — не знал; соприкосновения не было. И вдруг — живое соприкосновение. Понятно, что я верил, как мальчишка. А хоругвеносцы, разом смекнув и то, что я — человек нужный, и то, чем мне всего более угодить, начали хвастать, ругать Петербург, рассказывать небылицы в лицах о Москве.

Увлекло все это меня и заинтересовало до крайности. Я был в тот же день у Игнатьева и рассказал ему о своем знакомстве. Игнатьеву страшно захотелось посмотреть и ларец, и адрес, и образ, и людей. А сами хоругвеносцы у Богдановича напросились быть у меня до обеда в тот же день со своим, как они выражались, «главным»—Полторацким, И точно, ко мне прискакали Стволов, Минаев, Полторацкий, помнится, только трое. Я передал им желание графа их видеть в тот же вечер, — они назавтра ехали к царю, — а кроме того, повел длинный разговор. Говорил Стволов, отчасти Минаев; Полторацкий молчал, как немой, только смотрел на меня своими умными, красивыми глазами гипнотизера, изредка опуская их или переглядываясь со своими. Те смотрели на него во все решительные минуты беседы, как бы следя за впечатлением или спрашивая указаний. Но и помимо этих переглядываний было ясно, что он их руководитель, а может быть и глава. Говорили мы долго. Я воодушевился, говорил горячо, долго, довел их всех до слез, и думаю, что слезы были не притворные.

Затем Стволов и Минаев ушли, а Полторацкий, хоть и заговоривший под конец, но все же очень бесцветно, остался. И вот он своим тихим голосом, тише чем вполголоса, со своею красивой и тихой улыбкою, со своими гипнотизирующими глазами, с удивительным даром заговорщичьего слова, начал говорить о добровольной охране, о необходимости учредить ее в Петербурге, а затем и в других городах, о необходимости всю Россию охватить сетью таких же союзов и о том, что все зависит от того, кто станет во главе этого дела. Он говорил, что народ тверд, что̀ бы ни говорили, что весь простой народ с нами заодно, но что интеллигентных независимых сил нехватает. Вся задача, по его словам, найти круг энергичных и твердых интеллигентных людей, которые создали бы тайный союз, стали во главе дела и повели народ за собою. Революционеры так и делают, но народу они чужие. Развратить народ они могут, но вести за собой — никогда. Наконец, он умолял меня стать в Петербурге во главе этого дела и объединить тех, кто сможет быть полезным. Москву, де, он берет на себя.

Я был в полном смысле очарован его речами. Столько было тут верного, сильного и умного, что слабое, странное и несколько неясное для меня тонуло в хорошем без остатка. Мне и в голову не пришло спросить его, кто он сам, чем занимается и т. д. Доверие хоругвеносцев казалось мне достаточным, так как я тогда понятия не имел, что̀ такое

хоругвеносцы на самом деле и как изумительно умеют они совмещать благочестие, набожность, делишки, благотворительность, попойки, патриотизм, митрополита и сыскное отделение, великого князя и мелкое ростовщичество, страх перед градоначальником — тогда еще обер-полицмейстером — и смелость перед царем и министрами. Теперь эта порода людей мне хорошо известна, но она уж отживает, сыграв свою роль, и получает новый характер в недрах Союза русского народа. Прежде они шли в церковные старосты и этим немного подкрепляли свои кассы, жертвуя притом, иногда не меньше, чем наворовали, только без той наживы и процентов, которые получили. Теперь они стали паразитами Союза, пропитав его насквозь денежною нечистоплотностью. Союз завшивел с самого начала и нелегко будет очистить его от этой пакости. Прав был Полторацкий, что всего важнее с самого начала стать во главе Союза чистым людям.

Но возвратимся к Полторацкому. Я восхитился им насквозь. Вот, думалось мне, самородок! Вот он, московский мещанин, скромный титан, вот та почва, на которой мы стоим, живем и строим! Даже ненавистные мне приемы заговорщика, манера говорить обиняками и недомолвками, страсть к загадочности, таинственности, клятвам и клятвенным союзам, рекламно-террористический слог, зловеще недосказанное хвастовство,— все, что мне так отвратительно было со дней студенчества в радикально-революционных кружках, что в моих глазах свидетельствовало о неделовом характере предприятия, о затеях в темную, без всякого плана и положительного расчета в основании, — все это мне казалось извинительным, невольными слабостями, приемами, бессознательно усвоенными от неприятеля. Словом, я был начисто обморочен и, так сказать, давал под векселя без справки о кредитоспособности. Однако положительно не понравилась мне та быстрота, с которой он в меня уверовал, и на манер Наполеона, желавшего делить вселенную с Александром, предлагал мне всю Россию, на себя оставляя только Москву... «Ему обещает полмира, а Францию только себе». Не понравился и тот клятвенный тайный союз, который он мне с ним предлагал. Все это я отклонил, объявив, что к роли руководителя не гожусь, что простонародья не знаю, говорить с ним не умею, что для этого нужны другие люди, а не я, и проч. Все это ему, видимо, понравилось, и он стал мне говорить, что у него есть уже кружки, — среди извозчиков на Калашниковской, на каком-то заводе на Выборгской и т. д., — но тут я уже сразу понял, что он все врет. Однако несомненный природный ум, талант гипнотизера, своеобразный, простонародный дар слова, блестящие способности агитатора, все это мне показалось слишком ценным, чтоб оставлять его без испытания. Я спросил его о деньгах; оказывается, деньги только будут, но зато дадут разом и сами собой. Однако у добровольной охраны, оказалось, нет ни гроша. Я спросил его о связях, о знакомствах — никого ни в какой среде, по крайней мере, такого, кого бы он мне мог назвать. Знает Трепова да был у Богдановича. Однако и это мне показалось объяснимым: он, де, должен быть в тени, должен быть известен только своим.

В результате я подумал: а пусть-ка попробует в Петербурге: может что-нибудь и выйдет у него. Еще весной, или даже осенью, был у меня несколько раз Майков с проектом каких-то бессмысленных народных дружин, безо всякой организации, но с уставом. Знал я, что все упование Майкова возложено на рыбника Баранова, мясника Андреева и

купца Аборина. Подумал я о Пурышеве. Вспомнил, наконец, синодального миссионера Арсения, дикого, даже вышивающего человека, но фанатика, сильно действующего на простой народ.

Направил я Полторацкого к Пурышеву, Баранову, Майкову и поручил разыскать миссионера иеромонаха Арсения. Со своей стороны обещал взять его в кружок русских студентов и в «Русское собрание». Собрание даст помещение, кружок даст сотрудников. У Полторацкого даже глаза загорелись: купцы, монах, студенты, — да это все! И точно, я убедился сразу, что человек он деловой. Был он у Пурышева, но успеха не имел. Не понравились друг другу. Зато от Баранова был в восторге. Майкова видел и сразу верно оценил: золотой, мол, человек, но ни к какому делу не годен. От Голицына залу получил, но тот пригласил в совет всех хоругвеносцев. Но самое главное — сыскал Арсения, который оказался уже целым архимандритом и со всею своею обителью вступил в союз с Полторацким. Этот успех решил все дело. Арсений немедленно явился в Петербург, повидался со своими друзьями и знакомыми и собрал первое зерно Союза. Полторацкий процвел. Что касается Голицына, то Полторацкий сразу верно оценил его, признав трусом и петербургским чиновником, которому, кроме своей карьеры, на все в мире наплевать. Однако на Голицына я повлиял, и помещение было предоставлено. И вот собрались в «Русском собрании» Полторацкий, Баранов со своими молодцами, Арсений со своими знакомыми, Майков с товарищами и все желающие из собрания. Собралось довольно много, был подъем духа. Полторацкий прошел, как в чаду, счастливый и гордый. Вы, мол, мне дали все: Майкова, Баранова, Арсения, помещение, теперь дайте студентов.

В четверг, помнится, повел я Полторацкого в кружок. Познакомил его, сам держался в стороне. Были там Пурышев, покойный Пахомов, Колесов, еще кто-то из купечества. Предоставили Полторацкому слово. Говорил он недурно о народной добровольной охране, одушевлял студентов очень горячо и привлекал их к пропаганде, но приемы его были слишком грубы для молодежи. Однако многие записались в его союз.

Вот тут-то и произошел эпизод, раскрывший мне глаза. Во время перерыва подходит ко мне Пахомов, — хохочет: «Ну, батюшка, поздравляю вас, нарвались!» — «Что такое?» — «Да ведь это сыщик, ваш Полторацкий!» — «Что за чепуха!» — «Помилуйте, сам сказал». — «Кому? Как?» — «Да вот Александру Васильевичу». Иду к Колесову. Сидят с Пурышевым и хохочут. Оказывается, что им, купцам, особенно Колесову, Полторацкий сразу показался подозрителен. Не свой, не купец. И вот Колесов скромнехонько к нему подсел, обещал содействовать пропаганде в купечестве, а потом и спрашивает: «А вы сами чем торгуете?» — «А я, — говорит, — ничем не торгую». — «А служите; что же, у большой фирмы какой-нибудь? Или приказчиком?» — «Нет, — говорит, — не приказчиком». — «Так конторщиком?». — «Нет, я на государственной службе». — «А где же именно?» — «Да в канцелярии генерал-губернатора».

Все стало ясно. Этот Полторацкий был просто сыщиком московской генерал-губернаторской канцелярии, обморочившим и меня и нескольких других людей, в частности опытного губернатора — И. Н. Соколовского. Ловок замечательно, московскую мелкую купеческую ухватку усвоил удивительно, способностей огромных, — ну, и смел. После оказалось, что он — отъявленный жулик и весьма на руку нечист по де-

нежной части. Проворовался по службе и был выгнан. А раньше подбил студента Лихача на растрату пожертвованных денег, Лихач застрелился, а Полторацкий только пострадал по службе.

Однако возвращаюсь к Союзу. Создание Полторацкого и Арсения было своевременно. Состоялось два или три собрания. Примыкало простонародье, рабочие, приказчики, извозчики, банщики. Скоро стало тесно в «Русском собрании». Послали телеграмму государю, где говорили о 1 500 собравшихся (было не более 350). Все отбросы «Русского собрания» ринулись в этот Союз. Тут оказался и некий доктор Дубровин — противное, грубое животное, на которого никто не обращал внимания. В Союзе он оказался единственным зажиточным интеллигентом. Помешанный на желании играть роль, он заискивал у всех, старался изо всех сил и был выбран председателем. Общий тон хвастливости, лжи, чего-то нравственно-ненадежного сразу оттолкнул от этой шайки все, что было почище умственно и нравственно. Но я все время говорил, что, раз мы сами не в состоянии собирать серую публику, то не должны другим мешать, а даже содействовать. Правда, гнусное животное Дубровина туда пускать не следовало; надо было с самого начала стать во главе дела. Но я думаю, что тогда Союз и не сделал бы своего дела. Историю в перчатках не делают. Дубровин, конечно, гнусный паразит, ничего никогда не делавший и ничего не умеющий сделать, но он зато никому не мешал. Союз рос до сих пор, как лавина; ему и нужны были Дубровины. Теперь чувствуется, что Дубровин уже ненужен. Мне кажется, что назревает время нам становиться во главе дела. Нужен дух инициативы. Прогулки со знаменами недостаточны. Нужна политическая деятельность. Конечно, не дураку Пуришкевичу ее вести, а и он в своем роде был полезен.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Едва ли письма Бориса Никольского были адресованы самому Николаю II; скорее это письма, обращенные к кн. М. С. Путятину, который показывал их царю.

2) 12 декабря 1904 г., под влиянием развивавшегося революционного движения, был издан указ Сенату «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Указ этот, предоставлявший земским и городским учреждениям «возможно широкое участие в заведывании различными сторонами местного благоустройства» и «необходимую, в законных пределах, самостоятельность», обещал в «ближайшем будущем» «ряд крупных внутренних преобразований». См. «Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г.». СПБ, 1905 г.

3) Речь идет о бульварной газете «Петербургский листок», издававшейся в Петербурге под редакцией (с 1884 г.) Н. А. Скроботова.

4) Под «общим врагом» Б. Никольский подразумевает С. Ю. Витте, который в черносотенных кругах считался либералом.

5) Алтари в часовнях на Рогожском кладбище в Москве были запечатаны по приказанию Александра II еще в 1856 г. в виде «предосторожности против раскола и его тайных лжесвященников заграничного постановления, с дозволением однако раскольникам посещать часовни и молиться про себя». Неоднократные ходатайства старообрядцев о распечатании оставлялись без удовлетворения. Одним из актов «либерального» порядка в период деятельности Святополк-Мирского было издание указа 12 декабря 1904 г. На основании этого указа Комитет министров отменил постановление 1856 г. См. «Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г.» СПБ, 1905, стр. 214—219.

6) Здесь, как и ниже, в записи 5 марта, имеется в виду «Особое совещание», образованное под председательством Д. Ф. Кобеко для составления нового устава о печати. Заседания этого Совещания продолжались с 10 февраля по 18 декабря 1905 г. В состав Совещания входили как представители правительства, так и деятели печати (большей частью правые, но с примесью умереннейших из буржуазных либералов —

А. Ф. Кони, Д. И. Пихно, К. К. Арсеньев, А. А. Голенищев-Кутузов, В. П. Мещерский, А. С. Суворин, В. К. Случевский, М. М. Стасюлевич, Э. Л. Радлов и др.). После первого заседания, по желанию Николая II, в состав Совещания был включен и монархист-черносотенец Б. М. Юзефович. См. «Протоколы высоч. учрежденного особого совещания для составления нового устава о печати под председательством д. т. сов. Кобеко», СПБ, 1913.

7) В записи от 27 февраля Б. Никольский упоминал о том, что Николай II потребовал от Глазова, чтобы ему «было оказано перед всеми видное отличие». Речь шла, повидимому, об обычной служебной награде — пожаловании ордена или производстве в следующий чин. И то и другое не могло удовлетворить широких аппетитов Никольского, имевшего малый чин колл. асессора и не имевшего вовсе ордена. Ввиду этого Б. Никольский предпочел «благородно» «отказаться от награды», о чем и писал свою докладную записку.

8) Перечисленные лица — студенты или бывшие студенты Петербургского университета, слушавшие лекции Б. Никольского или входившие в «Кружок русских студентов» при «Русском собрании», руководимый им, или, наконец, связанные с ним литературными интересами и собиравшиеся у него в приемные дни на дому. Б. Никольский, издавший в 1900 г. свой «Сборник стихотворений», в 1903 г. выпустил под своею редакцией «Литературно-художественный сборник стихотворений студентов Петербургского университета с иллюстрациями студентов Академии художеств». В сборник этот вошли стихотворения 34-х молодых поэтов; из перечисленных лиц в сборнике участвовали А. А. Кондратьев и В. Л. Поляков. В этом же сборнике появились впервые в печати три стихотворения молодого А. А. Блока, тогда еще студента, познакомившегося в 1902 г. с Б. Никольским.

9) 3 марта 1905 г. А. Н. Куропаткин был смещен с должности главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, и назначен командующим 1-й Манчжурской армией.

10) Никольский был женат на Ек. Серг. Шубинской, дочери С. Н. Шубинского, редактора «Исторического вестника». Для каждой книжки этого журнала он составлял из газет заметки для отделов «Смесь»: отчеты о деятельности ученых обществ, архивных комиссий, археологических съездов, об университетских диспутах, некрологи ученых, писателей и художников и т. п.

11) Под «Булыгинской комиссией» подразумевается Совещание, образованное согласно рескрипта 18 февраля 1905 г. для выработки проекта о законосовещательной думе. Выработанный Булыгинской комиссией законопроект рассматривался под председательством Николая II в так называемых Петергофских совещаниях, происходивших 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г. См. «Петергофские совещания о проекте Государственной думы». Пет., 1917.

12) «Шайкою 12 анархистов» Никольский называет отряд «боевой организации» партии с.-р., действовавший под руководством М. Швейцера (погиб при взрыве в гостинице «Бристоль» 26 февраля 1904 г.) и организовавший покушения на вел. кн. Владимира Александровича, министра юстиции Муравьева и петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова. Об одном из членов этого отряда — Т. А. Леонтьевой — Никольский говорит ниже.

13) Вопросы о «соборном начале» и о патриаршестве были в 1905 г. вопросами, разделившими православное духовенство на два лагеря. Во главе первого, сгруппировавшего так называемые «прогрессивные» церковные элементы, стоял Антоний, митрополит петербургский. Это течение, объединившее преимущественно белое духовенство, стремилось к освобождению церкви от слишком бдительного контроля светской власти в лице обер-прокуратуры синода. Выход из создавшегося положения эта партия видела в своеобразной церковной конституции — в воскрешении «соборного начала», в созыве поместного собора не только из епископов, но и из среднего духовенства и мирян. Другое течение, опиравшееся преимущественно на монашество, возглавлялось крупным черносотенцем Антонием, епископом волынским. Это крайне реакционное течение также стремилось к освобождению церкви от государственной опеки, но под лозунгом усиления власти епископата и восстановления патриаршества с его идеей примата власти «духовной» над светской.

14) Речь идет о совместных действиях Витте и митр. Антония (к ним Никольский присоединял — неизвестно, на каких основаниях — и Саблера) по вопросу о предстоявших церковных преобразованиях. В феврале 1905 г. в Особое совещание по церковным вопросам были внесены записка Витте «О современном положении православной церкви» и митр. Антония «Вопрос о желательности преобразования в постановке у нас православной церкви». В обеих записках, направленных против Победоносцева, проводилась идея о необходимости ослабления правительственного контроля над церковью и о введении в церковное управление принципа «соборного начала».

Благодаря стараниям Победоносцева в марте 1905 г. вопрос о церковных преобразованиях был изъят из Особого совещания под председательством Витте и передан на рассмотрение синода, т. е. самого Победоносцева.

15) Под «Горемыкинской комиссией» подразумевается Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения, образованное в начале апреля 1905 г. под председательством И. Л. Горемыкина. Оно было образовано взамен упраздненного 30 марта 1905 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, возглавлявшегося Витте и существовавшего с 11 января 1902 г.

16) Под «чем-нибудь сербским» Никольский подразумевает заговор офицеров белградского гарнизона в 1903 г. против сербского короля Александра I (Обреновича) и его жены королевы Драги, убитых заговорщиками 29 мая 1903 г.

17) Статистические курсы м-ва внутр. дел, имевшие целью подготовку работников по административной статистике в учреждениях м-ва внутр. дел; руководил ими директор Центрального статистического ком-та ген.-м. Ал. Мих. Золотарев.

18) «Христианское содружество» учащейся молодежи — клерикально-черносотенная организация, состоявшая в Петербурге при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви.

19) «Христиане» — члены указанного выше «Христианского содружества», в котором свящ. Лахостский играл руководящую роль.

20) Общество хоругвеносцев — одна из ранних московских черносотенно-клерикальных организаций; открытие его состоялось 30 января 1905 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абамелек-Лазарев, Семен Семенович (1857—1916), князь, шталмейстер, ярый монархист, крупный землевладелец и горнозаводчик, располагавший многомиллионным состоянием, как лично, так и по жене — Марии Павловне, урожденной Демидовой (Сан-Донато).

Авéлан, Федор Карлович (1839—1916), ген.-адъют. вице-адмирал, управляющий морским министерством и член Госуд. совета.

Александр Михайлович, вел. князь (1866—1933), состоял членом Госуд. совета.

Андреев, Василий Андреевич, крупный петербургский мясоторговец, владелец лавки на Сенном рынке.

Аникиев, Павел Петрович, студент Петербургского ун-та, впоследствии преподаватель женского Педагогич. ин-та и Константиновской гимназии в Петербурге.

Антоний (Александр Васильевич Вадковский) (1846—1912), митрополит петербургский и ладожский, духовный писатель и проповедник. Считался представителем «прогрессивного» течения в духовенстве.

Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) (р. 1863), архиепископ волынский, духовный писатель и проповедник, крайне правый церковный и политический деятель. В 1906 г. был избран от черного духовенства в члены Госуд. совета; в янв. 1907 г. звание это сложил с себя. После Октябрьской революции в эмиграции. См. его переписку с Б. В. Никольским, напечатанную в журнале «Былое» кн. XXI (1923), стр. 156—171.

Агаповы, Иван Андреевич (р. 1845), ген.-майор, член совета мин-ра земледелия и госуд. имуществ и жена его Александра Петровна, урожд. Ланская.

Арсений (ум. 1914 г.), настоятель Воскресенского монастыря в Новгородской губ., один из организаторов Союза русского народа.

«Афанасий» — см. Васильев, Афан. Вас.

Баранов, Иван Иванович, крупный купец, петербургский рыбопромышленник, один из основателей Союза русского народа.

Басков, Илья Владимирович, штабс-капитан 2-ой артилл. бригады.

Бельгард, Александр Карлович (1854—1916), камергер, бывший полтавский губернатор.

Бенкендорф, Павел Константинович (1853—1921), граф, ген.-адъют., гофмаршал.

Бенуа (Benoît) — Никольский ошибочно приводит эту фамилию; в это время французским морским атташе был лейтенант de Belloy de St.-Liénard.

Бертенсон, Ольга Аполлоновна (урожд. Скальковская), жена лейб-медика Льва Бернардовича Бертенсона.

Бобрищева-Пушкина, Елизавета Рейнгартовна, жена прис. повер. Ал-дра Владим. Бобрищева-Пушкина.

Богданович, Евгений Васильевич (1829—1914), ген. от-инфантерии, член совета мин-ра внутр. дел. Староста Исаакиевского собора в Петербурге и издатель по-

пулярных брошюр и листовок крайне правого и клерикального направления. Пользовался до самой смерти услугами Б. Никольского, состоявшего при нем в качестве личного секретаря и составителя верноподданнических «патриотических писем к царю». Был женат на Александре Викторовне Бутовской, оставившей дневник, изданный в 1924 г. под заглавием: «Три самодержца», вскрывающий многие закулисные стороны жизни придворной и чиновной аристократии последних трех царствований.

Боровитинов, Михаил Михайлович (р. 1874), приват-доцент Петербургского университета, чиновник особых поручений при мин-ре юстиции.

Бородкин, Михаил Михайлович (р. 1852), ген.-майор, состоявший в распоряжении военного мин-ра для особых поручений, член совета «Русского собрания»; с 1909 г. помощник начальника главного военно-судн. управления и главного воен. прокурора; с 1911 г.— начальник Военно-юридической академии; с 1916 г.— член Госуд. совета. Писал статьи по финляндскому вопросу крайне шовинистского направления.

Будберг, Александр Андреевич (р. 1854), граф, статс-секретарь, шталмейстер, член Госуд. совета, главноуправляющий канцелярией е. и. в. по принятию прошений.

Булацель, Павел Федорович (1867—1919), прис. поверенный, один из основателей Союза русского народа, член его совета, постоянно выступавший в судах защитником погромщиков.

Булыгин, Александр Григорьевич (1851—1919), крупный помещик Рязанской и Саратовской губ.; московский губернатор с 1893 г., а с 1902 г. помощник московского генерал-губернатора в. кн. Сергея Александровича, которым и был выдвинут в министры внутр. дел (с 20 янв. 1905 г.). Согласно рескрипту на его имя от 18 февраля 1905 г. было образовано совещание, в результате работ которого последовал манифест 6 августа 1905 г. о законосовещательной, так наз. «Булыгинской думе». 22 октября 1905 г. Булыгин был уволен от должности мин-ра с оставлением членом Госуд. совета.

«Вава» — брат Б. Никольского.

Васильев, Афанасий Васильевич (1851—1933), служил в Госуд. контроле, где с 1904 г. был назначен членом совета, руководитель повременного издания «Благовест» — славянофильского направления; с 1905 г. состоял председателем основанного им общества «Соборная Россия», где он призывал к созданию «соборного строя земли русской и свободного на ней труда».

Векки, Фердинанд Викентьевич, инженер, архитектор, редактор (с 1886 г.) «Судебной газеты», издававшейся в Петербурге с 1882 г.

Величко, Василий Львович (1860—1903), писатель, поэт. С 1901 г. деятельный член «Русского собрания» и редактор «Русского вестника», где помещал ежемесячные политические обозрения, проникнутые духом крайнего национализма и нетерпимости к «инородцам».

Верховской, Владимир Михайлович (р. 1835), инженер путей сообщения, член совета мин-ва путей сообщения по железнодорожным делам.

Верховской, Павел Владимирович, сын предыдущего (р. 1879), студент Петерб. университета, впоследствии приват-доцент того же ун-та и профессор Юрьевского университета.

Ветвеницкие, Константин Иванович, протоиерей церкви главного управления уделов, тов. председателя Об-ва распространения религиозно-нравственного просвещения в духе правосл. церкви, и его брат—Петр Иванович — инспектор классов в Александровском институте и преподаватель в женских учебных заведениях.

Виппер, Оскар Юрьевич (1870—1920). С 1903 по 1908 г.— тов. прокурора Петербургского окружного суда; в 1912 г. командирован был в Киев обвинителем по делу Бейлиса.

Волконский, Михаил Николаевич (р. 1860), князь, член «Русского собрания», писатель, сотрудник «Нового времени», «Русского знамени» и черносотенных сатирических журналов.

Володя — сын Б. Никольского.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1837—1916), граф, ген.-адъют., с 1881 г. по 1897 г.— министр имп. двора и уделов, член Госуд. совета; с 1905 г.— наместник на Кавказе.

Вязигин, Андрей Сергеевич (1867—1919), писатель и политический деятель крайне правого направления, и. д. экстраорд. профессора Харьковского ун-та по кафедре всеобщей истории; председатель харьковского отдела «Русского собрания», член Госуд. думы III созыва и председатель думской фракции правых.

Гадкин-Врасской, Михаил Николаевич (1834—1916), статс-секретарь, член Госуд. совета.

Гапанович, Софроний Бонифатиевич, журналист Госуд. канцелярии, делопроизводитель Юридическ. об-ва при Петербургском ун-те.

Гейден, Николай Федорович (р. 1866), граф, ген.-майор для особых поручений при военном мин-ре, член совета и казначей «Русского собрания».

Гендриков, Василий Александрович (1857—1912), граф, обер-церемониймейстер, состоявший при имп. Александре Федоровне.

Гессе, Петр Павлович (1846—1905), ген.-адъют., дворцовый комендант.

Гильтебрант, Яков Аполлонович, вице-адмирал, начальник Главного гидрографического управления.

Глазов, Владимир Гаврилович (1848—1916), ген.-лейт., член «Русского собрания»; 10 апреля 1904 г. был назначен министром нар. просв. 17 октября 1905 г. уволен с назначением помощником командующего войсками Московского военного округа. Обстоятельства, сопровождавшие его назначение министром нар. просв., рассказаны им самим в «Дневнике», опубликованном в журнале «Дела и дни», кн. I, СПБ, 1920, стр. 209—215.

Голенищев-Кутузов, Арсений Аркадьевич (1848—1913), граф, гофмейстер, заведывающий канцелярией и секретарь имп. Марии Федоровны; монархист, поэт, был избран в 1900 г. в почетные Академики наук по разряду изящной словесности.

Голицын, Дмитрий Петрович (р. 1860), князь, с 1903 г.— член совета мин-ра нар. просв., в 1906 г. — тов. главноуправляющего, а затем главноуправляющий главной канцелярией е. и. в. по учрежд. имп. Марии и член Госуд. совета; председатель совета «Русского собрания» со времени его образования; романист (псевдоним «Муравлин»).

Горбунов, Иван Федорович (1831—1895), артист, известный рассказчик сцен из народного быта, беллетрист.

Грингмут, Владимир Андреевич (1851—1907), редактор «Московских ведомостей» (с 1897 г. до смерти). Видный представитель крайней монархической и клерикальной реакции. В 1905 г.— один из главных организаторов черной сотни.

Гродеков, Николай Иванович (1843—1915), ген.-от-инфантерии; с 1902 г. постоянный член Совета госуд. обороны; в 1906 г. назначен был командующим войсками на Дальнем Востоке вместо ген. Линевича.

Губчиц, Григорий Иванович, отставн. ген.-лейтенант.

Деларов, Павел Викторович (см. 1913), член совета мин-ра путей сообщения, крупный коллекционер картин, занимавшийся их перепродажею.

Дмитрий, (Давид Абашидзе) (р. 1867), с ноября 1903 г. епископ гурийско-мингрельский; впоследствии епископ таврический.

Доливо-Добровольский, Николай Александрович, чиновник собств. е. и. в. канцелярии по учрежд. имп. Марии.

Достоевская, Анна Григорьевна (1846—1918) (урожд. Сниткина), вдова Фед. Мих. Достоевского.

Друцкой, Сергей Александрович (р. 1869), князь, полковник, экстраорд. профессор Военно-юридической академии.

Дубровин, Александр Иванович (1875—1922), врач, один из основателей Союза русского народа, редактор газеты «Русское знамя», крупнейший черносотенец.

Дурново, Мария Васильевна (рожд. княжна Кочубей) (1848—1896), жена Петра Павловича Дурново, ген.-адъют. и впоследствии члена Госуд. совета.

Ермолов, Алексей Сергеевич (1846—1917), министр земледелия и госуд. имуществ (1893—1905), писатель по сельскохозяйственным вопросам; принадлежал к так наз. «либеральной бюрократии».

Жаконе (Jaconnet), Луи, петербургский корреспондент французских газет.

Жедринский, Александр Александрович (1861—1918), вице-директор II депта м-ва юстиции, позднее управляющий сенатской типографией и сенатор.

Желобовский, Александр Алексеевич, протопресвитер военного и морского ведомства; видный деятель церковной бюрократии.

Звегинцев. Николай Иванович (1878), поручик л.-гв. гусарского полка.

«Зиновий Петрович» — см. Рожественский, З. П.

Зиновьев, Николай Александрович (1840—1917), с 1904 г. член Госуд. совета, до того тов. мин-ра внутр. дел.

Золотарев, Аким Михайлович (1853—1912), ген.-лейт., член «Русского собрания», директор Центр. статистического комитета м-ва внутр. дел.

Иванов-Луцевин, Николай Федорович (р. 1839), ген.-лейт., сост. при командующем войсками Московского воен. округа, позднее почетный опекун.

Ивашинцов, Сергей Васильевич, ген.-майор, командир л.-тв. 2-й артиллерийской бригады.

Игнатьев, Алексей Павлович (1842—1906), граф, ген.-адъют., член Госуд. совета; 18 мая 1905 г. назначен был председателем Особого совещания для пересмотра исключительных законоположений об охране государственного порядка и по вопросам

веротерпимости и в том же году членом других совещаний, связанных с рескриптом 18 февраля. Один из крупнейших представителей крайней дворянско-бюрократической реакции. В 1906 г. убит соц.-рев. Ильинским в г. Твери во время губ. земск. собрания.

Икскуль, фон-Гильдебрант, Юлий Александрович (р. 1852), барон, статс-секретарь; с 1904 г. госуд. секретарь.

Кайгородовы, Михаил Никифорович, ген.-майор, ньюландский губернатор и жена его Александра Ивановна.

Кирилл (Константин Смирнов) (р. 1863), епископ гдовский.

Клейнмихель, Мария Эдуардовна (рожд. графиня Келлер) (р. 1846, ум. в эмиграции), графиня собирала у себя великосветское общество, преимущественно иностранных дипломатов. В эмиграции выпустила свои воспоминания «Из потонувшего мира», переизданные ГИЗ'ом.

Кобеко, Дмитрий Фомич (1837—1918), член Госуд. совета, директор Публичной библиотеки. При его участии, после манифеста 17 октября, изданы были 24 ноября 1905 г. «Временные правила о печати».

Козен, Александр Федорович, ген.-от-инфантерии, почетный опекун ведомства учрежд. имп. Марии.

Козлов, Александр Александрович (1837—1906), ген.-адъют., бывш. московск. обер-полицеймейстер; с 15 апр. 1905 г.—московск. ген.-губернатор.

Коковцов, Владимир Николаевич, с февраля 1904 г. по 20 октября 1905 г. министр финансов, затем член Госуд. совета; с 1906 г. по 1914 г. вновь министр финансов; с 1911 г. председатель совета министров.

Колесов, Александр Васильевич, доверенный торгового дома «Братья Балакины».

Кондратьев, Александр Алексеевич, мало известный поэт, беллетрист, после революции в эмиграции.

Кривский, Павел Александрович (1836—1905), саратовский губ., предводитель дворянства, член Госуд. совета.

Крузенштерн, Антонина Феликсовна (урожденная Жуковская), баронесса, вдова камер-юнкера А. А. Крузенштерна.

Крыжановский, Сергей Ефимович (р. 1861), помощн. начальника главн. управления по делам местного хозяйства; в 1906 г.— товарищ мин-ра внутр. дел; в 1911—госуд. секретарь и в 1917 г.—член Госуд. совета. В молодости отличался «либеральными» взглядами и в 1888 г. был приговорен в админ. порядке к двухнедельному тюремному заключению по делу В. В. Водовозова.

Кузминский, Александр Михайлович (1843—1917), с окт. 1900 г. сенатор уголовн. кассац. деп-та Сената. В 1905 г. производил ревизии Баку и Бакинской губ. и Одесского градоначальства.

Кузьмин-Караваев, Владимир Дмитриевич (р. 1859), ген.-майор, профессор Военно-юридической академии; в 1905 г. вышел в отставку со званием заслуж. орд. профессора; в 1906 г. один из основателей партии демократических реформ; член Госуд. думы I и II созывов; с 1908 г. приват-доцент Петербургского университета и с 1909 г. присяжн. поверенный; выступал в качестве защитника по многим политическим процессам.

Куракин, Анатолий Александрович (р. 1845), князь, шталмейстер, почетный опекун, позднее член Госуд. совета.

Кутайсов, Павел Ипполитович (1839—1911), граф, иркутский ген.-губернатор, член Госуд. совета.

Кутепов, Николай Иванович, ген.-майор, завед. хозяйством имп. охоты.

Лахостский, Павел Николаевич, священник, законоучитель 7-ой гимназии в Петербурге.

Леонтьев, Константин Николаевич (1831—1891), публицист и идеолог крайне консервативного направления.

Леонтьева, Татьяна Александровна, дочь А-дра Ник. Леонтьева, который в 1905 г. был якутским вице-губернатором (не «камергер»). Участница «боевой организации» партии с.-р'ов; входила в отряд, организовавший в начале 1905 г. покушение на петербургского ген.-губ-ра Д. Ф. Трепова (Швейцер, Моисеенко, Дулебов, Ивановская-Волошенко и др.). Арестована в Петербурге 16 марта 1905 г. Дело о ней, ввиду признания ее душевно-больной, в окт. 1905 г. было прекращено. Позднее, уехав за границу и вступив в группу максималистов, убила в Швейцарии француза Мюллера, приняв его за бывш. м-ра внутр. дел Дурново.

Линевич, Николай Петрович (1837—1908), ген.-адъют., ген.-от-инфантерии, командовавший 1-ой Манчжурской армией; после Мукденского поражения 3 марта

1905 г. назначен был на место Куропаткина главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии.

Литвинов, Яков Яковлевич (р. 1852), управляющий земским отделом мин-ва внутр. дел, член «Русского собрания»; позднее сенатор.

Лихач, Евгений Александрович, студент историко-филологического фак-та Петербургского ун-та, сотрудник «Русского биографического словаря». Застрелился в 1906 г.

Лодыженские, Александр Александрович (р. 1854), бывш. рязанский вице-губернатор (1905 г.) и затем вологодский губернатор (1906 г.); позднее почетный опекун, член Госуд. думы III и IV созывов (октябрист); жена его Александра Федоровна, урожд. Павлова.

Лыщинский, Владимир Анзельмович (р. 1861), камергер и помощник статс-секретаря Госуд. совета в 1905 г.; член «Русского собрания»; с 1907 г. гофмейстер и статс-секретарь Госуд. совета.

Любимов, Дмитрий Николаевич (р. 1864), камергер, правитель канцелярии мин-ра внутр. дел; затем тов. главноуправляющего канцелярией по принятию прошений, помощн. варшавского ген.-губернатора.

Майборода, Владимир Яковлевич (р. 1854), известный артист русской оперы.

Майков, Аполлон Аполлонович (р. 1866), художник, сын известного поэта, один из основателей и член главного совета Союза русского народа, организатор черносотенной боевой дружины.

Макаров, Александр Александрович (1857—1919), выдвинут Столыпиным; с 18 мая 1906 г. по 1 янв. 1909 г. тов. мин-ра внутр. дел, заведующий д-том полиции; с 1 янв. 1909 г.—госуд. секретарь, позднее министр внутр. дел (1911—1912), член Госуд. совета (с 1912) и министр юстиции (1916).

Макшеевы, Федор Андреевич (р. 1855), ген.-от-инфантерии, и его жена Эмма Карловна, урожд. Буркевич.

Манухин, Сергей Сергеевич (1856—1921), министр юстиции и член Госуд. совета, примыкавший к партии центра; в 1912 г. производил расследование о расстреле рабочих на Ленских приисках.

Мейендорф, Александр Феликсович (р. 1868), барон, приват-доцент Петербургского ун-та; впоследствии член и тов. председателя Госуд. думы III созыва (октябрист); близкий товарищ Б. Никольского.

Мещерский, Владимир Петрович (1838—1914), князь, с 1872 г. редактор-издатель реакционного журнала «Граждании». Был очень близок к Александру III и первое время к Николаю II.

Мордвинов, Николай Львович (1860—1907), с 1902 г. по 1907 г. директор канцелярии мин-ра внутр. дел по дворянским делам; тов. председателя совета «Русского собрания».

Мурин, Андрей Григорьевич, кандидат богословия, причисленный к канцелярии синода.

Муяки, Екатерина Федоровна (урожд. Трушинская) (ум. 9 июня 1906 г.), вдова полковника, крупная домовладелица; собирала у себя общество высшего духовенства и клерикально настроенной бюрократии и интеллигенции.

Нидермиллер, Екатерина Карловна (рожд. Буркевич), жена ген.-от-инфантерии Н. Е. Нидермиллера.

Никольский, Владимир Васильевич (1836—1883), сын священника, отец Б. В. Никольского. Окончил Петербургскую духовную академию; был профессором русской словесности в Александровском лицее и Петербургской духовной академии.

Нольде, Эммануил Юльевич (1858—1909), барон, статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров, впоследствии член Госуд. совета.

Оболенский, Алексей Дмитриевич (1855—1933), князь, шталмейстер, тов. министра финансов; в апреле 1905 г. член Госуд. совета; в октябре 1905 г. — обер-прокурор синода.

Орбели, Рубен Абгарович (р. 1880), причисленный к мин-ву юстиции и откомандированный в канцелярию гражданского кассационн. деп-та Сената; позднее обер-секретарь того же деп-та.

Орбели, Левон (Лев) Абгарович (р. 1882), студент Военно-медиц. академии, впоследствии известный физиолог.

Ососов, Андрей Васильевич, чиновник Главного управления торгового мореплавания и портов.

Павлов, Николай Александрович, дворянин и крупный землевладелец Саратовской губ., женат вторым браком на Елене Павловне Демидовой (Сан-Донато), по первому мужу граф. Шуваловой, родной сестре кн. Марии Павл. Абамелек-Лазаревой.

Видный деятель «Совета объединенного дворянства» и политических кружков крайне правого направления; публицист и сотрудник «Моск. ведомостей» и «Гражданина», подписывавший свои статьи: «Дворянин Павлов».

Пальчиков, Семен Николаевич, чиновник особых поручений при главноуправляющем землеустройством и земледелием.

Папков, Александр Александрович, таврический губернатор, сотрудник реакционного «Нового времени», писавший главным образом по финляндскому вопросу; тов. председателя Исаакиевского православного братства.

Пассеки, Алексей Помпеевич, доктор медицины, и его сестры Александра и Екатерина Помпеевны.

Платонов, Флорентий Николаевич, ген.-лейт., начальник Военно-юридической академии, затем сенатор.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор синода в 1880—1905 г., статс-секретарь и член Госуд. совета; был очень близок к Александру III и Николаю II.

Поливанов, Митрофан Андреевич, инженер-полковник, архитектор придворно-конюшенной части м-ва двора и член совещательного комитета по строительной части кабинета е. в., член «Русского собрания».

Полторацкий, один из основателей Союза русского народа; служил в канцелярии московского ген.-губернатора; сыщик.

Поляков, В. Л. (1882—1906), поэт, автор «Стихотворений» (СПБ., 1910). О нем см. статью А. А. Блока «Противоречия» в газ. «Речь», 1910, № 31 от 1 февр.

Пуришкевич, Владимир Митрофанович (1870—1920), внук протоиерея и члена Кишиневской духовной консистории, бессарабский крупный помещик. По окончании истор.-филолог. фак-та Новороссийского ун-та служил в м-ве внутр. дел: в хозяйственном деп-те и в главном управлении по делам печати; в 1904—1906 гг. чиновником особых поручений при м-ре внутр. дел. Член совета «Русского собрания», один из основателей и тов. председателя Союза русского народа. В 1906 г. вследствие разногласий с председателем Союза Дубровиным вышел из Союза и основал монархическую организацию «Палату Михаила Архангела». Член II, III и IV созывов Госуд. думы. В 1916 г. принял участие в организации убийства Гр. Распутина. После Окт. революции умер в эмиграции.

Пурышев, Аркадий Константинович, купец, владелец конторы строительных материалов, член Общества для содействия русской промышленности.

Путятин, Михаил Сергеевич (р. 1861), князь, штаб-офицер для поручений при управлении гофмаршальской части мин-ва имп. двора; с 1911 г. начальник Царскосельского дворцового управления.

Рачковский, Петр Иванович (1853—1911), руководитель политического розыска, заведывавший заграничной агентурой департамента полиции с 1885 г. по 1902 г., когда, за сообщение отрицательных сведений о Филиппе, пользовавшемся большим расположением у Николая II и Александры Федоровны и вследствие отрицательного отношения к нему нового мин-ра внутр. дел Плеве, вынужден был выйти в отставку. До 1905 г. не у дел; в бытность тов. мин-ра внутр. дел Д. Ф. Трепова был привлечен к заведыванию всею политическою частью деп-та полиции. В 1906 г., с назначением Столыпина, вновь вышел в отставку.

Рожественский, Зиновий Петрович (1848—1909), ген.-адъют., вице-адмирал, начальник эскадры, погибшей при Цусиме.

Руднев, Всеволод Федорович, флигель-адъютант, капитан I ранга.

Сабанеев, Владимир Васильевич, старший чиновник при мин-ве иностранных дел, директор-распорядитель Госуд. телеграфн. агентства.

Саблер, Владимир Карлович (1845—1929), сенатор и тов. обер-прокурора синода (1892—1905), затем член Госуд. совета и обер-прокурор синода (1911—1915). В 1915 г. переменил «с высоч. соизволения» свою фамилию на вторую фамилию своей жены Заблоцкой-Десятовской. О Саблере и его приемах управления синодом см. в опубликованном в «Красном архиве» (т. XXXIX—XL) дневнике А. Н. Львова «Князья церкви», где он выведен под фамилией «Притычкина».

Саломон, Александр Петрович (1855—1908), шталмейстер, директор Александровского лицея, затем член Госуд. совета.

Саломон, Евгения Владимировна, сестра Б. Никольского и жена А. П. Саломона.

Саломон, Петр Иванович (1819—1905), член Госуд. совета, сенатор; отец А. П. Саломона.

Самарины, сыновья славянофила Дм. Ф. Самарина — Александр Дмитриевич, московский предводитель дворянства, и Федор Дмитриевич, крупный землевладелец, впоследствии член Госуд. совета (группа правых).

Сахаров, Виктор Викторович (1848—1905), ген.-адъют., военный министр и член Госуд. совета; убит 22 ноября 1905 г. в Саратове, куда был послан для борьбы с аграрным движением.

Севастьяновы, Михаил Петрович, начальник Главного управления почт и телеграфов, с 1913 г. сенатор, и жена его Варвара Васильевна, урожд. Керзелли.

Семен, единоверческий священник — см. С. И. Шлеев.

Семенов, Петр Николаевич (1858—1912), камергер, член совета министра нар. просв., позднее гофмейстер и сенатор д-та герольдии.

Сербулова (не Сербулаева), Евгения Александровна, жена действ. ст. сов. Григ. Ив. Сербулова.

Сергей Юльевич — гр. С. Ю. Витте.

Сергий (Иоани Страгородский), (р. 1867), с 1901 г. — епископ ямбургский, с 1903 г. — первый викарий Петербур. епархии; с 1905 г. — архиепископ финляндский.

Сидамон-Эристов, Георгий Дмитриевич, князь, присяжный поверенный, защитник во многих политических процессах 1900-х гг.; после революции в эмиграции.

Скальковский, Константин Аполлонович (1843—1906), горный инженер по образованию и б. директор горного департамента (1891—1896), сотрудник реакционной газеты «Новое время».

Скворцов, Василий Михайлович, чиновник особых поручений при обер-прокуроре синода, издатель журналов «Миссионерское обозрение», «Голос истины» и черносотенной газеты «Колокол».

Скрыдов, Николай Илларионович, вице-адм., член Адмиралтейств. совета.

Соколовский, Иван Николаевич, ген.-лейт., астраханский губернатор и наказный атаман Астраханского казачьего войска с 1906 г.; бывш. уфимский губернатор (1903—1905).

Сольский, Дмитрий Мартынович (1833—1910), граф, статс-секретарь, член Госуд. совета.

Стахович, Михаил Александрович (р. 1861), камергер, орловский губ. предводитель дворянства; с 1909 г. член Госуд. совета; при Временном правительстве посол в Мадриде; умер в эмиграции.

Стеткевичи, Александр Стецанович, отст. ген.-майор, и жена его Александра Васильевна.

Столыпаков, Алексей Николаевич, член совета мин-ра путей сообщения.

Стремоухова, Екатерина Николаевна, жена А. М. Стремоухова, нач-ка Главного тюремного управления.

Струков, Ананий Петрович, сост. при мин-ре внутр. дел, впоследствии член Госуд. совета.

Стюрлер, Анна Владимировна (урожд. Вестман), вдова ген.-адъют. А. Н. фон-Стюрлера.

Суворин, Алексей Алексеевич, старший сын известного издателя реакционной газеты «Новое время» А. С. Суворина. Отколовшись от предприятия отца, основал собственную газету «Русь», издававшуюся в Петербурге с 1902 г. После революции в эмиграции.

Сухомлинов, Владимир Александрович (1848—1926), ген.-адъют., ген.-от-кавалерии, член Госуд. совета; с 1909 г. по 1915 г. военный министр, от этой должности был уволен с преданием суду по обвинению в государственной измене. В 1905—1909 гг. командовал войсками Киевского военного округа.

Толь, Сергей Александрович (р. 1848), граф, член Госуд. совета, до того петербургский губернатор.

Трепов, Дмитрий Федорович (1855—1906), ген.-майор; до 1905 г. — московский обер-полицеймейстер; в январе 1905 г. был назначен петербургским ген-губернатором и в мае т. г. — тов. м-ра внутр. дел, заведующим полицией. Уволен 26 октября 1905 г. с назначением дворцовым комендантом.

Трепов, Федор Федорович, ген.-лейт., сенатор и член Госуд. совета, впоследствии ген.-адъют., киевский, волынский и подольский ген.-губернатор.

Турбина, Анна Николаевна, учительница начального городского училища.

Туткевич, Дмитрий Васильевич, член Киевской судебной палаты.

Ухтомский, Алексей Алексеевич, князь, студент Петербургской дух. академии, впоследствии кандидат богословия и приват-доцент Петербургского ун-та.

Филиппов, Сергей Тертиевич (р. 1871), сын госуд. контролера Тертия Ив. Филиппова, камер-юнкер.

Фредерикс, барон, с 1913 г. граф, Владимир Борисович (1838 — ум. после революции), ген.-адъют.; с 1897 по 1917 г. министр имп. двора и уделов, член Госуд. совета.

Харламов, Николай Петрович, служил по судебному ведомству, затем чиновником особых поручений при мин-ре внутр. дел, исп. об. вице-директора деп-та полиции (1908—1910), позднее директор деп-та духовн. дел иностр. исповед. (1916).

Хомяков, Дмитрий Алексеевич, председатель Славянского общества, сын известного славянофила А. С. Хомякова, брат Н. А. Хомякова, председателя III Госуд. думы.

Цертелев, Дмитрий Николаевич, князь, публицист правого направления, переводчик «Фауста» Гете, редактор «Русского вестника» и «Русского обозрения».

Цертелев, Петр Николаевич, князь, помещик Полтавской губ., служил в мин-ве внутр. дел.

Чабовские, Анна Александровна, жена тов. председателя Петербургского окружного суда Влад. Павл. Чабовского, и их дочь Надежда Владимировна.

Шамшин, Григорий Иванович, сенатор высш. дисципл. присутствия Сената; менее вероятно — Иван Иванович (1837—1911), также сенатор и член Госуд. совета.

Шеин, Василий Павлович, преподаватель гражданского права в Училище правоведения, делопроизводитель Госуд. канцелярии, позднее начальник законодательного отдела канцелярии Госуд. думы и член думы IV созыва (националист).

Шереметев, Сергей Дмитриевич (1844—1919), граф, член Госуд. совета, крупнейший землевладелец, председатель Археографической комиссии Общ-ва любителей древней письменности и др.

Ширинский-Шихматов, Алексей Александрович (р. 1862), князь, сенатор; с 1905 г. тов. обер-прокурора синода и обер-прокурор с 26 апреля по 9 июля 1906 г., член Госуд. совета (правой группы с ярко выраженным национальным и клерикальным уклоном). В эмиграции.

Шлеев, Семен Иванович, священник единоверческой церкви Николая чудотворца в Петербурге.

Шлиппе, Владимир Карлович, тульский губернатор.

Штюрмер, Борис Владимирович (1848—1918), член Госуд. совета. Выдвинулся в роли председателя Тверской губ. земской управы по назначению от правительства (1892), затем новгородский (1894) и ярославский (1896) губернатор; с 1904 г. член Госуд. совета (примыкал к правому крылу). Позднее в 1916 г. председатель Совета министров, управлявший одновременно: сначала м-вом внутренних дел (май—июнь), а затем м-вом иностранных дел (июль—октябрь).

Юзефович, Борис Михайлович, с 1891 г. — киевский отдельный цензор по иностр. цензуре; в августе 1895 г. причислен к м-ву внутр. дел. Сотрудник черносотен. газеты «Киевлянин»; организатор и председатель Киевской русской монархической партии.

Юсупов-Сумароков-Эльстон, Феликс Феликсович, князь, командир Кавалергардского полка, внук внебрачного сына в. кн. Михаила Павловича от венгерской граф. Форгач, рожд. граф. Андраши, получившего фамилию Эльстон и присоединившего к ней титул и фамилию графа С. П. Сумарокова, после брака на его дочери; сын их Феликс Феликсович, женившийся на последней представительнице князей Юсуповых, княжне Зинаиде Николаевне, получил разрешение именоваться князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон. Один из самых богатых вельмож царской России, имевший годового дохода около 1½ млн. рублей. В 1915 г., будучи главноначальствующим Москвы, явился организатором известного «немецкого погрома». Сын его Феликс Феликсович (р. 1887) женат на дочери в. кн. Александра Михайловича — Ирине Александровне, участник убийства Распутина.

Яворская, Лидия Борисовна (урожд. Гюббенет) (1872—1920), во втором браке за кн. Влад. Влад. Барятинским, известная драматическая актриса в Петербурге.

Энгельгард, Николай Александрович, писатель и журналист, постоянный сотрудник «Нового времени». Принимал ближайшее участие в деятельности «Русского собрания».

Эристов — Сидамон-Эристов, Г. Д.

Эрштрем, Эдуард Андреевич, тов. м-ра статс-секретаря вел. княжества Финляндского.

Некоторые даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова.

По документам Архива революции за 1885—1915 гг.

Исполнилось пятнадцать лет со дня смерти Якова Михайловича Свердлова, одного из крупнейших строителей большевистской партии в годы подполья, ближайшего соратника Ленина и Сталина в период Октябрьской революции, нашего незабвенного боевого товарища, которому — по словам Ленина — «довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции».

Умер Свердлов молодым, ему было всего 34 года. Но он рано вошел в революционное движение и успел пройти длинный и весьма суровый путь пролетарского революционера. Сжато, но чрезвычайно ярко очерчен этот путь Лениным в речи, посвященной памяти Свердлова:

«Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, то увидим сразу, что его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы, что этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, пережив и испытавши различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера. В первый период своей деятельности, еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции. В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера, — человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком и беззаветно отдался революции и в долгие годы, даже десятилетия, переходя из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, выковавшего в себе те свойства, которые закаляли революционеров на долгие и долгие годы...

Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию, которую никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов, — только через эту практическую школу, только таким путем мог он притти к посту первого человека в первой социалистической советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс». (Сочинения, т. XXIV, стр. 80 и 81).

Нужно ли доказывать, что биография такого выдающегося представителя большевистской старой гвардии, каким был Свердлов, может и должна иметь громадное политически-воспитательное значение для работников младших поколений?

Больше того, по такой биографии Свердлова, которая давала бы конкретное и по возможности полное описание его жизни и деятельности на различных этапах революционной борьбы, многому могли бы научиться и работники наших братских компартий за границей, проходящие ныне суровую школу подпольной деятельности в условиях фашистского режима. А между тем у нас до сих пор нет сколько-нибудь удовлетворительного жизнеописания Якова Михайловича. Пятнадцатая годовщина его смерти снова напоминает его соратникам старым большевикам и историкам нашей партии об этой важной невыполненной задаче.

Здесь мы даем лишь перечень документов, хранящихся в Архиве революции и относящихся к подпольному периоду работы Свердлова (1885—1915). Не подлежит сомнению, что в результате дальнейшей разработки наших архивов, особенно местных, этот перечень может быть значительно дополнен документами, содержащими ценный биографический материал. Еще более богатый материал, относящийся к последним годам жизни Свердлова (1917—1919), содержат документы Архива Октябрьской революции и Архива Красной армии, а также архивы истпартов. Все эти материалы ждут-не дождутся своей обработки.

Приводимый краткий перечень ярко отмечает ряд важнейших вех на жизненном пути Свердлова. Разумеется, царские жандармы, следившие за ним по пятам с его ранней молодости, знали далеко не все о его разносторонней деятельности, а все, что ими записано, требует основательной проверки и критического изучения. Но уже один этот голый и неполный перечень является весьма наглядной иллюстрацией к словам Ленина, в которых Я. М. Свердлов охарактеризован как «наиболее отчеканенный тип профессионального революционера».

Славный путь прошел Яков Михайлович Свердлов. Этот путь, равно как и жизненный путь других виднейших строителей нашей партии, нуждается в подробном изучении и возможно всестороннем освещении.

Я. Б.

1885 г.

Май. Нижний-Новгород. Я. М. Свердлов родился в Нижнем-Новгороде.
(Копия метрического свидетельства и протокол показаний Я. М. от 18 февраля 1913 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, лл. 79, 68.)

1895 г.

Август. Поступление в Нижегородскую гимназию.

(Там же).

1900 г.

Выход из 5 класса гимназии по собственному желанию.

(Там же).

1901 г.

Начало декабря. (3—5). Арест на два дня за участие в демонстрации при проводах А. М. Горького 7 ноября 1901 г.
(Письмо по адресу Жебровской в Москву от 7 декабря 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2, лит. Б, л. 1.)

1902 г.

22 апреля. Участие в демонстративных похоронах студента Б. И. Рюрикова [1]).
(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, от 29 апреля 1902 г., № 1001.— ДП, III, 1902 г., д. № 2873, л. 3.)

[1]) Б. И. Рюриков, студент Казанского университета, арестован был за участие в с.-д. демонстрации в Казани в феврале 1901 г. и после семимесячного заключения

Я. М. Свердлов.
(Рос. цирк. деп. пол. от 18/II 1913 г. № 87013/236).

5 мая. Арест на 14 дней за участие в демонстрации на похоронах Б. И. Рюрикова.
(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, от 7 мая 1902 г., № 1068.— Там же, л. 10.)

13 ноября. Участие в демонстративных проводах арестованных и приговоренных в ссылку по делу о майской демонстрации 1902 г. в Сормове и в Нижнем-Новгороде. (Донесение Нижегородского розыскного отделения в департамент полиции, от 15 ноября 1902 г., № 68. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2. лит. Б, л. 34.)

1903 г.

— Я. М. — активный член Нижегородской социал-демократической организации, пропагандист, «близко стоит к рабочим кружкам».

5 января. Участие на собрании в квартире Н. Кислова [1]) по вопросу о помощи высланным участникам первомайской демонстрации.
(Донесение Нижегородского розыскного отделения в департамент полиции, от 18 февраля 1903 г., № 204. — ДП, о. о., 1893 г., д. № 5, ч 4, лит. Б, л. 68—90.)

Январь (2-я половина). Распространение нелегальной литературы среди учащихся речного училища.
(Там же.)

30 января. Участие на собрании в квартире Сысиной по вопросу о перепечатке с.-д. изданий других комитетов.
(Там же.)

7—8 февраля. Участие на собрании у С. Г. Сомова по вопросу об организации кружка среди семинаристов.
(Там же.)

14 апреля. Арест; при обыске взяты листовки Нижегородского комитета РСДРП; помещен в 1-й корпус Нижегородской тюрьмы.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 19 февраля 1903 г., № 1403.— ДП, VII, 1903 г., д. № 811, л. 4.)

11 августа. Освобождение из-под ареста и подчинение особому надзору полиции в Нижнем-Новгороде.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 14 августа 1903 г., № 3233.— ДП, VII, 1903 г., д. № 811, ч. 5, л. 3.)

18 сентября. Арест в связи с привлечением к делу об убийстве провокатора Пятницкого.

жил под гласным надзором полиции в Нижнем-Новгороде; 16 февраля 1902 г. совсем больным был снова арестован на 2 недели. (ДП, Летучий листок № 40 Нижегородской с.-д. организации с призывом к демонстрации. Инв. № 22130).

[1]) Анна Кислова была арестована как участница первомайской демонстрации в Нижнем-Новгороде в 1902 г.

(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, от 22 сентября 1903 г., № 976. — ДП, о. о., 1903 г., д. № 1451, л. 6.)

20 сентября. Обвинение в принадлежности к с.-д. организации с предложением выслать под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на 3 года.
(Заключение прокурора Московской судебной палаты по делу арестованных 14 апреля 1903 г., от 20 сентября 1903 г.— МЮ, вр. канц., 1903 г., д. № 16613, л. 24.)

12 ноября. Предложение министра юстиции подчинить Я. М. Свердлова гласному надзору полиции на 2 года в месте жительства родителей.
(Заключение министра юстиции в министерство внутренних дел по тому же делу, от 12 ноября 1903 г., № 7144. — Там же, л. 10.)

24 ноября. Участие в демонстративных похоронах А. В. Яровицкого, быв. студента Московского университета, состоявшего под надзором полиции в Нижнем-Новгороде.
(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, со списком участвовавших в демонстрации, от 27 ноября 1903 г., № 1158.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2, лит. Б, л. 55.)

7 декабря. Участие на демонстративных похоронах А. В. Панова, состоявшего под надзором полиции в Нижнем-Новгороде.
(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, от 10 декабря 1903 г., № 5251. — ДП, о. о., 1901 г., д. № 882, л. 22.)

1904 г.

11 февраля. «Высочайшее повеление» о подчинении гласному надзору полиции в месте жительства отца, сроком на 2 года.
(ДП, III, 1904 г., д. № 2764, л. 3.)

26 февраля. Обыск в связи с массовыми обысками и арестами представителей революционных организаций в Нижнем-Новгороде.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 28 февраля 1904 г., № 855.— ДП, VII, 1904 г., д. № 699, л. 19.)

10 марта. Объявление «высочайшего повеления» о подчинении гласному надзору полиции в месте жительства отца, сроком на 2 года.
(Личная расписка на отношении департамента полиции, от 18 февраля 1904 г., № 2744. — ДП, III, 1904 г., № 2764, л. 3.)

4 мая. Письмо к С. П. Мироныченой в Москву о майских днях в Сормове.
(ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 22, л. 164.)

11 августа. Освобождение от гласного надзора полиции на основании манифеста от 11 августа 1904 г.
(Справка департамента полиции. — ДП, III, 1904 г., д. № 2764, л. 7.)

Ноябрь. Выезд из Нижнего-Новгорода.
(ДП, о., 1905 г., д. № 1276, л. 5.).

Ноябрь. Посещение Москвы и Ярославля.
(Из письма Я. М. по адресу N в Фридберг (Гессен), Вахерштрассе, 13.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 1276, л. 4.) [1]).

Ноябрь—декабрь. Кострома. Работа в Костроме по поручению Северного комитета РСДРП.
(Там же.)

1905 г.

15 февраля. Казань. Выезд из Костромы в Казань.
(Донесение Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 18 февраля 1905 г., № 464.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 1276, л. 9.)

18 февраля. Нижний-Новгород. Возвращение в Нижний-Новгород.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 21 февраля 1905 г., № 248. — Там же, л. 7.)

21 марта. Ярославль. Участие в демонстрации во время похорон застрелившегося гимназиста Панова в Ярославле.
(Донесение Ярославского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 23 марта 1905 г., № 58. — ДП, о. о., 1905 г., № 3, ч. 122, л. 21.)

3 апреля. Нижний-Новгород. Участие в демонстративных похоронах застрелившегося Н. И. Девяткова, состоявшего под надзором полиции в Нижнем-Новгороде.
(Протокол помощника нижегородского полицмейстера, от 3 апреля 1905 г.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 1261, л. 5.)

---

[1]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12).

22 апреля. Ярославль. Участие в подготовке первомайской демонстрации в Ярославле.
(Донесение Ярославского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 22 апреля. 1905 г., № 1618.— ДП, о. о., 1905 г., № 5, ч. 21 лит. А, 25 мая. Нижний-Новгород. Выезд в Москву.
(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, от 27 мая 1905 г., № 703.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 80, лит. Ю, л. 38.)

17 июня. Выступление в собрании приказчиков в помещении Всесословного клуба в Нижнем-Новгороде с призывом добиваться удовлетворения требований «силой и оружием».
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 22 июня 1905 г., № 2712.— ДП, VII, 1905 г., № 3367, л 2.)

9 июля. Участие в демонстрации в Нижнем-Новгороде.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 15/VII 1905 г., № 94. — См. сборник «Материалы к ист. рев. движ.», т. II, Н.-Новг., 1922 г., стр. 55.)

17—18 июля. Пермь. Посещение Перми.
(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, от 5 ноября 1905 г., № 1674.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 13, лит. А, лл. 17—18 и д. № 1276, л. 14.)

Август — сентябрь. Казань. О деятельности Я. М. Свердлова в Казанской соц.-дем. организации: проведении им в августе забастовки столяров, участии в большевистской прессе — нелегальном органе Казанского к-та «Рабочий» и т. д. см. статью Лившица в журнале «Пролетарская революция» 1923 г., № 2(14), стр. 216.

Сентябрь. Нижний-Новгород. Привлечен к дознанию при Нижегородском губернском жандармском управлении по делу ареста подпольной типографии 8 сентября 1905 г. и по делу арестованных 12 августа членов «Крестьянской группы», но не был розыскан.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в Московское охранное отделение, от 20 сентября 1905 г., № 1400.—Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 2.)

Октябрь—декабрь. Екатеринбург. Революционная работа в Екатеринбурге.
(Донесение Пермского охранного отделения в департамент полиции, от 27 марта 1907 г., № 505.— ДП, о. о., 1907 г., д. № 9, ч. 42, л. 63.)

8 ноября. Письмо к Е. Ф. Шмидт об отношении к Государственной думе и тактике большевиков.
(ДП, о. о., 1905 г., д. № 2246, л. 115.)

1906 г.

Январь. Пермь. Приезд в Пермь и работа по организации Пермского комитета после арестов 11 января 1906 г., постановка военной типографии и военной техники и присоединение к комитету Боевой организации.
(Донесение Пермского охранного отделения в департамент полиции, от 27 марта 1907 г., № 505. — ДП, о. о., 1907 г., д. № 9, ч. 42, лл. 63—70.)

10 июня. Арест на улице с паспортом Л. С. Герца после разгрома Боевой организации и ареста типографии.
(Донесение Пермского губернского жандармского управления в Петербургское губернское жандармское управление, от 22 декабря 1910 г., № 6409.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 78 и ДП, о. о., 1907 г., д. № 9, ч. 42, л. 63.)

1907 г.

22 и 23 сентября. Осуждение на 2 года крепости по приговору Казанской судебной палаты.
(Сообщение прокурора Казанской судебной палаты в министерство юстиции, от 30 января 1907 г., № 14.— ДП, V, 1908 г., д. № 454, лл. 2—3 и ДП, V, 1910 г., д. № 96, ч. 1, прил., л. 171.) [1]).

1908 г.

Заключение в крепости.

---

[1]) Копия обвинит. акта по этому делу опубликована в сборнике Пермского окр. истпарта. «Борьба за власть», т. II, ч. I, изд. 1924 г., стр. 157—175.

1909 г.

23 сентября. Окончание заключения в крепости.

Ноябрь. Москва. Приезд в Москву.
(Протокол показаний С. М. Свердловой, от 26 января 1910 г. — ДП, V, 1910 г., д. № 96, ч. I, прил., л. 118.)

Декабрь. Я. М. Свердлов производит ревизию Московского окружного комитета большевиков как представитель ЦК.
(Из письма секретаря Московского окружного комитета в ЦК, от 19 декабря 1909 г. — ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 34, прод., л. 256.)

13 декабря. Арест на собрании Исполнительной комиссии Московского комитета большевиков под фамилией И. И. Смирнова.
(Справка Московского охранного отделения.—Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 5.)

13 декабря. Обыск на квартире И. И. Смирнова (Я. М. Свердлова).
(Протокол обыска — Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 10.)

22 декабря. Допрос в Московском губернском жандармском управлении.
(Протокол допроса. — Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 20.)

1910 г.

13 января. Отказ от показаний на допросе в Московском губернском жандармском управлении.
(Протокол допроса.— ДП, V, 1910 г., д. № 96, ч. I, прил., л. 92.)

4 февраля. Прошение в Московское губернское жандармское управление о замене высылки выездом за границу.
(Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 23.)

11 марта. Постановление министерства внутренних дел о высылке в Нарымский край на 3 года, с 11 марта, под гласный надзор полиции за принадлежность к Московской организации большевиков.
(Отношение Московского охранного отделения в Московское губернское жандармское управление, от 23 декабря 1910 г., № 260876. — Моск. губ. жанд. управл., 1910 г., д. № 13, т. 3, л. 922.)

11 марта. Прошение московскому градоначальнику из тюрьмы об увеличении времени прогулки на 30 минут для всех заключенных.
(Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 27.)

17 марта. Медицинский осмотр врачом Арбатской части.
(Акт осмотра. — ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 8.)

17 марта. Прошение в департамент полиции о замене высылки в Сибирь выездом за границу.
(ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 7.)

31 марта. Высылка из Москвы по этапу в Томскую губернию вместе с сопроцессниками (Голощекин и др.).
(Отношение Московского губернского тюремного инспектора в Московское охранное отделение, от 3 мая 1910 г., № 12523.—Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 31.)

27 июля. Нарымский край. Побег из места ссылки (Кетской волости, Томской губернии.) Рапорт томского уездного исправника томскому губернатору, от 6 ноября 1900 г., № 1892.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 16.)

Сентябрь. Петербург. Приезд в Петербург и работа по поручению ЦК партии по восстановлению партийной организации и постановке большевистской легальной печати.
(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 14 ноября 1910 г., № 15942.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 190.)

9 ноября. Выступление на заседании социал-демократического общества «Источник света и знания», в присутствии 100 человек, с речью о необходимости забастовки в день обсуждения Государственной думой вносимого с.-д. фракцией законопроекта об отмене смертной казни.
(Доклад Петербургского охранного отделения товарищу мин. внутр. дел, 10 ноября 1910 г., № 15706.— ДП, IV, 1910 г., д. № 338, ч. I., л. 170.)

10 ноября. Я. М. Свердлов пишет листовку, изданную Выборгским районом, в связи со смертью Толстого за подписью «Группа социал-демократов».
(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 29 ноября 1910 г., № 16828, с копией указанной листовки. — ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, лл. 198—201.)

Ноябрь. Письмо в Заграничный центр большевиков по поводу предполагавшейся к изданию в Петербурге большевистской легальной газеты. (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, ч. 57, лит. А, л. 226) [1].

14 ноября. Арест Я. М. Свердлова в Петербурге, как агента ЦК большевиков.
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 14 ноября 1910 г., № 15942. — ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 190. [2]).

1911 г.

14 апреля. Постановление Петербургского губернского совещания о прекращении дознания о Я. М. Свердлове «за недостаточностью улик».
(Донесение Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 20 апреля 1911 г., № 6595. — ДП, VII, 1910 г., д. № 2753, л. 19.)

30 апреля. Постановление Особого совещания о высылке Я. М. Свердлова в Нарымский край на 4 года.
(Доклад департамента полиции Особому совещанию, от 30 апреля 1911 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 34.)

18 июня. Нарымский край. Попытка бежать и арест на пароходе.
(Рапорт томского уездного исправника томскому губернатору, от 21 июня 1911 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 39.)

3 июля. Перевод в с. Максимоярское (отдаленная местность края) под надзором 2 приставов.
(Рапорт томского уездного исправника томскому губернатору, от 17 июля 1911 г., № 1392. — Там же, л. 42.)

1912 г.

29 мая. Арест в связи с первомайской демонстрацией политических ссыльных в Нарыме (18 апреля) как члена Объединенного бюро политических ссыльных.
(Агентурная сводка Томского губернского жандармского управления, от 14 июля 1912 г., № 2076. — ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 81, лит. Б, л. 55.)

31 мая. Обыск в квартире Я. М. Свердлова в селе Колпашевском Нарымского края.
(Донесение Томского губернского жандармского управления в Московское охранное отделение, от 7 июня 1912 г., № 1658.—Моск. охр. отд., 1912 г., д. № 20, л. 302.)

Осень. Попытка Я. М. Свердлова восстановить Колпашевскую организацию политических ссыльных.
(Донесение Томского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 27 марта 1913 г., № 966.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 57.)

Начало сентября. Побег из Нарыма.
(Донесение Томского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 22 сентября 1912 г., № 2946.— ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 82, лит. Б, л. 42.)

12 сентября. Арест и перевод в с. Парабель Нарымского края.
(ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 57.)

7 декабря. Побег из с. Парабель.
(Розыскная ведомость томского губернатора на Свердлова в департамент полиции № 254. — ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 46 и ДП, VII, 1913 г., д. № 297, л. 5.)

Декабрь. Кооптация в Русское бюро ЦК. (Доклад директора деп. пол. министру внутр. дел от 2 марта 1913 г.— ДП, о. о., 1913 г., д. № 307, лл. 381—387.)

1913 г.

22 января. Петербург. Избрание в редакцию «Правды» на собрании членов ЦК у Г. И. Петровского.
(Отношение департамента полиции в Петербургское охранное отделение, от 6 февраля 1913 г., № 94532. — ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 57, л. 41.)

23 января. Участие в собрании членов Русского бюро ЦК по вопросу о постановке типографии и сформировании Областных бюро на Урале и в Харькове и командировка на Урал для этой цели вместе с И. В. Сталиным и Г. И. Петровским.
(Там же.)

10 февраля. Арест на квартире Г. И. Петровского в Петербурге и заключение в Петербургскую одиночную тюрьму.
(Доклад департамента полиции министру внутренних дел, от 2 марта 1903 г.— ДП, о. о., 1913 г., д. № 307, л. 381.)

---

[1]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12), стр. 179.
[2]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12), стр. 178.

18 февраля. Отказ от показаний на допросе в Петербургском губернском жандармском управлении.
(Протокол допроса. — ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 68.)

4 апреля. Постановление Особого совещания о высылке Я. М. Свердлова на 5 лет в Туруханский край.
(Доклад департамента полиции Особому совещанию, от 4 апреля 1913 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 89.)

30 апреля. Перевод в пересыльную тюрьму.
(Донесение начальника Петербургской тюрьмы в Петербургское охранное отделение, от 30 апреля 1913 г. (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 110.)

6 мая. Высылка по этапу в Туруханский край.
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 15 мая 1913 г., № 10952.— Там же, л. 108).

23 июня. Туруханский край. Приезд на станок Селивановский Туруханского края, назначенный для отбывания ссылки.
(Донесение енисейского губернатора в департамент полиции, от 26 июня 1913 г., № 3592.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 121-а.)

3 сентября. Письмо к В. С. Мицкевичу по поводу издания адресатом сборника о жизни политкаторжан с припиской к Г. И. Петровскому об оказании содействия Мицкевичу.
(ДП, о. о., 1913 г., д. № 20, ч. 25, лит. Б, л. 12.)

1914 г.

9 февраля. Письмо к С. М. Свердловой с сообщением о переводе, вместе с И. В. Сталиным, на крайний север (с. Курейка).
(ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 25, лит. Б, л. 27 [1]).

Апрель. Решение ЦК устроить побег Я. М. Свердлова для участия его в подготовке партийного съезда.
(Донесение Московского охранного отделения, от 27 апреля 1914 г., № 291815.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, прил. 1, лл. 296—302.)

1915 г.

27 февраля. Письмо к С. М. Авербах с выражением удовлетворения переменой в отношении к войне в широких кругах населения.
(ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 25, лит. Б, л. 79 [2]).

20 марта. Письмо к Л. Н. Дилевской по поводу судебного процесса думской с.-д. фракции большевиков и с отзывом о журнале «Восточное обозрение» [3]) в Иркутске.
(Там же, л. 91.)

---

[1]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12), стр. 181.

[2]) Опубликовано в «Красной летописи» 1924 г., № 1(10), стр. 179.

[3]) Я. М. Свердлов ошибочно называет журнал «Восточным обозрением» — журнал назывался «Сибирским обозрением», № 1 которого вышел в январе 1915 г., в Иркутске — см. «Красный архив» 1922 г., № 2, стр. 212.

Обзор архивных материалов по истории фабрики «Красный Перекоп».

(1722 — 1929)

Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. перед историческим фронтом была поставлена задача составления «Истории заводов». В архивах СССР хранится огромное количество важнейших документов по истории промышленности и истории отдельных предприятий царской России и СССР. Весь этот документальный материал должен быть учтен, изучен и использован бригадами заводских предприятий, историками и литераторами, включившимися в работу по «Истории заводов». На архивных органах СССР лежит исключительно ответственная задача — в кратчайший срок предоставить все эти материалы в распоряжение исследователей.

Одной из разновидностей работы архивных органов (в первую очередь — центральных государственных архивохранилищ в Москве и Ленинграде), направленной к ознакомлению составителей истории тех или иных определенных предприятий с документами, имеющими отношение к истории этих предприятий, является составление тематических обзоров архивных материалов по истории этих предприятий. За время с середины 1932 г. по начало 1934 г. центральными архивами было составлено и передано главному секретариату «Истории заводов» более 80 таких обзоров (свыше 50 печатных листов).

В этих обзорах даны основные сведения о наличии документов, освещающих те или другие стороны деятельности описываемых предприятий. В настоящем томе «Красного архива» мы печатаем обзор, относящийся к истории фабрики «Красный Перекоп».

Фабрика «Красный Перекоп» (бывш. Большая Ярославская мануфактура) — одна из старейших фабрик XVIII века. Основание ее относится к 1722 году. В настоящее время это крупнейшее текстильное предприятие Ивановской промышленной области. «Красный Перекоп» включен в число предприятий, история которых должна быть написана в первую очередь. В связи с этим Центральным архивным управлением СССР произведено тематическое описание архивных документов, имеющих отношение к этой фабрике. Описаны документы важнейших фондов центральных архивохранилищ Москвы и Ленинграда. Сведения о материалах, имеющихся в Ярославле, как в архиве самой фабрики, так и в архивах местных правительственных учреждений, в публикуемый ниже обзор не включены. Основная масса документов приходится на XVIII век, вторую половину XIX века и начало XX века. Значительное количество описанных документов относится к пооктябрьскому периоду, главным образом по фонду ЦК профсоюзов текстильщиков.

Документы XVIII века, как это видно из обзора, дают довольно обширный материал о возникновении Ярославской мануфактуры, взаимоотношениях перво-

начальных владельцев фабрики с правительственными учреждениями и, в особенности, о комплектовании рабочих на это предприятие и положении их. Имеются документы о техническом оборудовании и финансовом положении фабрики. Много документов зарегистрировано о рабочем движении на Ярославской мануфактуре начиная с 80-х годов и кончая январем 1917 г. Документы 1918 года освещают историю национализации фабрики, ее состояние и количество рабочих в этот момент. Материалы 1918—1927 гг. отражают состояние фабрики в условиях гражданской войны, восстановительный и реконструктивный периоды. Наибольшее количество документов относится к работе профсоюзных организаций на этой фабрике за этот период времени.

I.

XVIII век

1. «1722. 06. 18». Иностранцу Ивану Тамесу и «ярославцу гостиной сотни» Ивану Затрапезному предоставлен в Ярославле пустой деревянный двор, на котором они, пользуясь трудом «шведских арестантов», изготовляли широкие полотна. (Из прошений и заявлений владельцев фабрики и ведомостей о состоянии мануфактур и фабрик.)

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 182—193.
» ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218.
» Портфели Миллера, д. № 385, л. 37.
» Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 14—15, 68—69).

2. «1725. 06. 01». Раздел Ярославской мануфактуры между директором Тамесом и компаньоном Затрапезным (копия контракта о разделе и сведения о разделе из отдельных документов).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 7—9.
» ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 186—193.
» Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 14—15, 68—69).

3. «1727». Передача Затрапезному казенных коломанковой и полотняной фабрики и масляной мельницы в Петербурге с рабочими и инструментами (прошение Затрапезного и из экстракта Сената со справками).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 55/737, л. л. 206—212.
» ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218).

4. «1731. 09. 07». Указ Максиму Затрапезному с детьми о содержании ими полотняной и других мануфактур.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/934, л. л. 4—7.
» ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 186—193).

5. «1732». Жалоба И. Затрапезного на подполковника Караулова, препятствующего ему в срок представить в Криге-комиссариат палатки и рабочие кафтаны.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 13/917, л. л. 60—66).

6. «1735». Нарушение фабрикантом Свешниковым контракта, заключенного в 1735 году, по которому Затрапезный вступил в управление полотняной фабрикой Свешникова в Москве и значительно ее улучшил.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. 406).

7. «1736». Прошение И. Затрапезного с братьями с перечислением их заслуг на пользу государства и с просьбой упомянуть их фамилию в готовящемся указе.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 232—233).

8. «1738». Пожалование И. Затрапезного званием директора его фабрики в чине коллежского ассесора (дело о пожаловании и определении Сената).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 22/927, л. л. 39—107.
» ф. Сената, кн. 235/2116, л. 41).

9. «1740». Производство И. Затрапезного в чин коллежского советника (дело и определение Сената о пожаловании).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 28/932, л. л. 74—145.
» ф. Сената, кн. 256/2137, л. л. 128—164).

10. «1752». Переход Ярославской мануфактуры после И. М. Затрапезного в управление майору А. П. Лакостову ввиду несовершеннолетия А. И. Затрапезного; прошение последнего о передаче ему этого предприятия, как законному наследнику И. М. Затрапезного (дело).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 218/2701, л. л. 493—503).

11. «1762». Производство А. И. Затрапезного в статские советники (дело).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 898/3381, л. л. 854—861).

12. «1764». Прошение Земских, племянника и племянницы Затрапезного о выделении им их части из Ярославской мануфактуры.
(ГАФКЭ, Гос. арх. XIX, д. № 377. л. л. 50—64).

13. «1764. 12. 20». Продажа мануфактуры А. И. Затрапезным Савве Яковлеву за 600 000 рублей — рапорт Мануфактур-коллегии Сенату. Новому владельцу вменено в обязанность вложить в дело до 300 000 рублей.
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 41/3612, л. 231).

14. «1773». Упоминание о принадлежности Ярославской мануфактуры в 1773 году коллежскому ассесору Савве Яковлеву.
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 500/4071, л. л. 94—95).

15. «1727». Ведомость о состоянии фабрик с указанием количества мастеровых людей на полотняной мануфактуре Тамеса и Затрапезного в Ярославле.
(ГАФКЭ, Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 68—69).

16. «1729». Возвращение М. Затрапезному бежавших с его мануфактуры и принятых Адмиралтейств-коллегией и Военной коллегией «художников»-ткачей (дело о возвращении Затрапезному бежавших с его мануфактуры ткачей; в этом деле сведения:

а) о передаче в 1727 году Петербургской казенной полотняной и коломянковой фабрики со всеми мастерами и учениками М. Затрапезному, который перевез мастеров в Ярославль;

б) о бегстве в 1728 году нескольких ткачей обратно в Петербург, где они были приняты Военной коллегией и Адмиралтейств-коллегией, затребовавшей оставшихся в Ярославле ткачей;

в) просьба М. Затрапезного в Сенат о возвращении ему бежавших ткачей, и запрещение Адмиралтейств-коллегии требовать от него оставшихся в Ярославле ткачей, без которых мануфактуру придется остановить;

г) определение Сената от 1729. 10. 15 о возвращении М. Затрапезному бежавших ткачей и запрещении требовать от него оставшихся).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 55/737, л. л. 206—212.
» ф. Сената, кп. 114/1995, л. л. 45—46).

17. «1731. 11.23». Прошение Максима Затрапезного от 23 ноября 1731 года об оставлении при мануфактуре мастеровыми помещичьих крестьян с обязательством уплаты за них по окончании учения оброка помещикам и об отдаче на Ярославскую мануфактуру «мотающихся нищих и приписных, которых велено указом в Сибирь посылать».
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218).

18. «1731—1736». Перепись людей на фабриках и мануфактурах по прошению фабрикантов.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 1—281, 438—446).

19. «1732. 10». Возбуждение рядом фабрикантов (в том числе и Затрапезным) вопроса о закреплении за фабрикантами имеющихся на их мануфактурах «художников и работных людей», происходящих из помещичьих людей и других сословий.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 24—29).

20. «1732. 11. 10». Определение Сената о производстве на фабриках, по прошению фабрикантов, переписи мастеровых людей, учеников, работников обоего пола и их детей.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 49—54).

21. «1732». Перечень рабочих Ярославской мануфактуры И. Затрапезного с распределением их по социальным группам (дворцовые, помещичьи, синодальные, заводские и т. д.).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 68—72).

22. «1733. 06. 10». Просьба Затрапезного исключить из списков бежавших и умерших рабочих, а взамен их включить вновь принятых (приложены именной список бежавших и умерших и книга записи вновь принятых рабочих с женами и детьми; в книге указаны происхождение, возраст, семейный состав, предшествующая работа мастеров и членов их семьи и специальность).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 79—96).

23. «1733. 06». Закрепление за фабрикантами «художников» обоего пола и их детей, попавших в перепись 1732 года, и определение порядка перехода на фабричную работу лиц, принадлежащих к разным общественным группам.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 97—99).

24. «1733. 06. 26». Правила вознаграждения фабрикантами помещиков за крестьян, закрепленных за фабриками в качестве рабочих (копия определения Сената).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 97—99).

25. «1733». Подлинные «допросные речи» мастеровых и работных людей Ярославской полотняной мануфактуры Затрапезных.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 1/1503).

26. «1734». Просьба фабрикантов (И. Затрапезного и содержателей Большой суконной мануфактуры П. Щеголина и С. Болотина) урегулировать вопрос о приеме на фабрики помещичьих крестьян, посадских людей и т. п.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 100—101).

27. «1734—1735». Списки вновь купленных и принятых с обязательствами «шатающихся и разных чинов людей», с указанием возраста, членов семьи, звания.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 178—185).

28. «1735». Просьбы фабрикантов (в том числе И. Затрапезного) относительно порядка приема работных людей на фабрики, запрещения полиции незаконно наряжать рабочих в разные службы и освободить фабрикантов от ответственности за поведение рабочих, живущих самостоятельно.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. 186).

29. «1735». Положение о фабричных мастерах, подмастерьях, учениках и работных людях — определение Сената от 21 декабря 1735 года, изданное по прошению содержателя Ярославской полотняной мануфактуры Ивана Затрапезного и др. полотняных фабрикантов.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 206/2087, л. л. 159—162).

30. «1736.03.15». Перепись учеников и работников обоего пола на мануфактурах и фабриках Затрапезных и посылка в Коммерц-коллегию ведомостей о

тех учениках и работниках, которые приняты на мануфактуру после переписей 1732—1735 гг. (определение Сената о производстве переписи).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 209/2090, л. 105).

31. «1742. 11. 03». Удержание А. И. Затрапезным заработных денег у ткачей Ярославской мануфактуры (протокол Сената):

а) жалоба выборных ткачей Ярославской мануфактуры на А. И. Затрапезного, управителя фабрики М. Балашова и мастера Колесова о недодаче удержанных отцом Затрапезного у рабочих денег;

б) просьба ткачей передать дело из Коммерц-коллегии в Сенат, так как Коммерц-коллегия ведет дело в пользу Балашова и Колесова;

в) просьба Затрапезного не верить жалобам его беглых рабочих;

г) передача дела в Мануфактур-коллегию.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 328/2209, л. л. 83—84).

32. «1744». Уплата Затрапезным денег за крепостных крестьян, работающих на его мануфактурах — дело об уплате денег. (Указом 1736 года было предписано обученных мастерству оставить при фабриках и исключить из подушного оклада, чернорабочих отпустить на прежние жилища, а за дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян заплатить владельцам деньги. Затрапезный должен был внести за них 5 380 р. 33 к.).

(ГАФКЭ, ф. Сената, д. 36/940, л. л. 291—306).

33. «1745». Взыскание с содержателей Ярославской мануфактуры Ивана и Дмитрия Затрапезных денег за мастеровых людей, происходящих из крестьян,— доношение из Ярославской провинциальной канцелярии в Сенат (в приложенной ведомости перечислены мастеровые люди, за которых взяты деньги — 20 р. за мужчину, 5 р. за женщину и указаны их специальность, возраст, название места происхождения и семейный состав).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 37/941, л. л. 458—485).

34. «1747». Взыскание с Затрапезного 7 424 р. за пришлых и беглых мастеровых людей на его мануфактуре со сведениями об их числе и распределением их по социальным группам для определения, за кого должно быть уплочено (рапорт Ярославской провинциальной канцелярии).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 43/947, л. л. 11—13).

35. «[После 1771 г.]». Сведения о числе работных людей, приписных и купленных у кол. асс. Яковлева в Ярославле и в Москве (общее число).

(ГАФКЭ, Портфели Миллера, д. № 385, л. л. 8—37).

36. «1726». Прошение И. Затрапезного о выдаче ему образцового скатертного стана с набором.

(ГАФКЭ, Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 77, л. 1297).

37. «1726». Прошение И. Затрапезного о приеме у него на денежные дворы в передел серебра и о даче ему взаймы денег на 5 лет без процентов.

(ГАФКЭ, Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 84, л. л 404—407).

38. «1726. 03. 22». Разрешение Максиму Затрапезному с детьми покупать для фабрики различные материалы и сделанное продавать беспошлинно втечение 5 лет.

(ГАФКЭ, Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 80, л. 255).

39. «1727». Ведомости о состоянии лентовой фабрики и полотняной мануфактуры Ивана Тамеса и Ивана Затрапезного в Ярославле с указанием количества станков, размера и стоимости продукции, денежной помощи от казны и количества земли.

(ГАФКЭ, Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 14—15, 68—69).

40. «1729». Остановка мануфактуры, залежи товаров на фабрике и прекращение экспорта вследствие боязни приказчиков Затрапезного ездить в Петер-

бург после случая взятия их хозяина во время пребывания в Петербурге под стражу (из дела по доношению И. Затрапезного о возвращении ему бежавших ткачей).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 55/737, л. л. 207—208).

41. «1731». Изыскание средств для содержания мануфактуры путем передела на монеты серебра, закупки в Сибири ревеня для перепродажи за границу и уплаты казенного долга в 5 000 рублей бумагой с фабрики (дело по прошению И. Затрапезного 1731 года о разрешении произвести указанные операции). Отказ Затрапезному в разрешении отдать в передел серебро и купить ревень и разрешение уплатить долг бумагой с его фабрики (протокол Сената от 7 февраля 1732 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 182—197; кн. 154/2035, л. л. 31—32).

42. «1731. 09.03». Освобождение Затрапезного от платежа пошлин на 5 лет (указ из Камер-коллегии; имеется копия).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 934—935).

43. «1720—1730 гг.». Вывоз за границу изделий Ярославской мануфактуры — «разных полотен, скатертей и салфеток высокой работы» (упоминание о вывозе за границу в прошении Максима Затрапезного от 23 ноября 1731 года — см. п.п. 3 и 17 наст. обзора).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218).

44. «1734». Выдача Затрапезному ссуды (20 000 р.) на содержание мануфактуры с уплатой долга бумагой с его фабрики по 4 000 руб. в год.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 857—929; кн. 100/2071, л. л. 184—185).

45. «1734». Доношение Затрапезного в Сенат от 1734 года с приложением образцов бумаги немецкой и с его фабрики.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 858—903).

46. «1734. 08. 8—14». Освобождение Затрапезного от платежа внутренних пошлин еще на 5 лет и отвод ему монастырской земли (копия указа Сенату от 8 августа 1734 года и протокола Сената от 14 августа 1734 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. 930).

47. «1735». Сводка ведомостей о полотняных и парусинных фабриках в России за 1732—1755 гг. с указанием количества станков на мануфактуре Затрапезного в 1735 году.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. 407).

48. «1735. 10. 28». Прием от Затрапезного ежегодно писчей бумаги на 4 000 рублей и уплата ему за принятую от него бумагу сверх того денег на содержание фабрики (определение Сената).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 204/2085, л. 267).

49. «1736». Освобождение Затрапезных от платежа пошлин на 5 лет (определение Сената 15 марта 1736 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 930—942.
» ф. Сената, кн. 209/2090, л. 104).

50. «1736». Количество и стоимоость продукции Ярославской мануфактуры — церковных наметов, барабанных наметов, шляпных пирамид, ревсидуковых палаток и шерстяных чулок; сведения о качестве различных сортов льна и выделываемых из этого льна тканей (из письма М. М. Затрапезного).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. 405).

51. «1736». Выдача Затрапезному выписанной им из Амстердама крепкой водки для крашения тканей в алый цвет и разрешение фабрикантам выписывать крепкую водку из-за границы или покупать в аптеке, с условием употреблять ее

исключительно для технических целей (дело о выдаче Затрапезному крепкой водки, копия доношения Медицинской канцелярии в Кабинет по тому же вопросу и определение Сената от 9 июля 1736 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 575—583,
» ф. Сената, кн. 213/2094, л. л. 96—98).

52. «1736—1737». Сдача подряда на солдатские палатки фабрикантам Овощникову и Затрапезному.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. л. 400—412).

53. «1738». Сложение с Затрапезных недоимки в 499 р. 69 к. за отданные им с Петербургской полотняной коломянковой мануфактуры и бумажной мельницы инструменты.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 4/908, л. л. 490—491).

54. «1738.05.05». Прием с заводов Затрапезного бумаги в возмещение казенного долга и продление срока платежей еще на 6 лет (определение Сената).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 235/2116, л. 41).

55. «1744». Уплата Затрапезным 5 880 р. 33 к. за крепостных крестьян, работающих на его мануфактурах.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 36/940, л. л. 291—306).

56. «1745». Взыскание с содержателей Ярославской мануфактуры Ивана и Дмитрия Затрапезных денег за мастеровых людей, происходящих из крестьян (доношение из Ярославской провинциальной канцелярии в Сенат от 1745 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 37/941, л. л. 458—485).

57. «1746». Освобождение Д. М. Затрапезного на 10 лет от платежа пошлин, с условием завести до 30 станков для тканья тонкого полотна и ввести в купленных им деревнях самопрядочное мастерство (копия указа 1746 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 44/548, л. л. 290—299).

58. «1747». Взыскание с Затрапезного 7 424 р. за пришлых и беглых людей на его мануфактурах (рапорт Ярославской провинциальной канцелярии от 1747 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 43/947, л. л. 11—13).

59. «1747—1748». Просьба об освобождении от платежа пошлин на 10 лет майора Н. А. Лакостова, управляющего Ярославской суконной мануфактурой за несовершеннолетием его шурина А. И. Затрапезного.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 44/948, л. л. 272—344).

60. «1748». Оштрафование членов Мануфактур-коллегии за незаконное освобождение Д. М. Затрапезного от платежа пошлин (копия определения Сената); к делу приложена ведомость таможенных пошлин, сложенных с фабрикантов (в том числе и с Затрапезного) с 1 января 1735 года по 1 октября 1747 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 44/948, л. л. 302—305, 317—324).

61. «1753». Ведомость о фабрикантах, освобожденных от платежа внутренних пошлин. Даются сведения о времени освобождения от платежа пошлин Максима Затрапезного с детьми, с подсчетом, сколько следовало взять в 1735—1742 гг.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 42/946, л. 1401).

62. «После 1771 г.» Сведения о количестве станков на Ярославской мануфактуре (ведомость Мануфактур-коллегии).

(ГАФКЭ, Портфели Миллера, д. № 385, л. 37).

63. «1773». Ведомость с указанием видов выделываемого полотна, количества станков, количества и стоимости продукции и размера проданного и оставшегося товара на Ярославской мануфактуре в 1773 г.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 500/4071, л. л. 66, 94—95).

II.

Вторая половина XIX и начало XX века.

64. «1887. 12. 18». Устав торгово-промышленного товарищества Ярославской большой мануфактуры, утвержденный 18 декабря 1887 года.
(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).

65. «1883. 10. 25—27». Забастовка 700 рабочих ткачей, вызванная придирками к рабочим и штрафами за плохую выработку:
а) снятие ткачами с работы второй смены рабочих;
б) вызов на фабрику двух рот пехотного полка;
в) арест рабочих-инициаторов забастовки;
г) окончание забастовки.
(АР и ВП, ф. Д. П. Ш, 1883 г., д. № 185, ч. 15).

66. «1890». Продолжительность рабочего дня на фабрике Ярославской большой мануфактуры для мужчин, женщин и детей.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 115).

67. «1895. 04». Снижение расценок на Ярославской мануфактуре, вызвавшее волнения среди рабочих и забастовку (донесения фабричных инспекторов, докладные записки о причинах стачки, протоколы общего собрания владельцев, доклад директора правления общему собранию пайщиков).
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. №№ 20, 21.
АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 184).

68. «1895». Выдача рабочим Ярославской мануфактуры, не пользующимся бесплатным помещением, квартирных денег в размере 1 р. 50 к. мужчинам, 1 р.— женщинам и 75 к.— подросткам.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. 42).

69. «1895». Табели задельной платы рабочих Ярославской мануфактуры.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 20).

70. «1895». Взаимоотношения фабричной инспекции с администрацией и рабочими.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. л. 17—18).

71. «1896.04». Число рабочих на Ярославской мануфактуре в апреле 1896 года.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. 28).

72. «1896. 04». Количество котлов на Ярославской мануфактуре в апреле 1896 г.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. 28).

73. «1890.08». Забастовка рабочих Ярославской большой мануфактуры 2 августа 1890 года:
а) требование рабочих об удалении помощника директора;
б) разгром рабочими продовольственного фабричного магазина;
в) избиение полиции;
г) сформирование унтер-офицером дружины из рабочих, живших в казармах при фабрике для противодействия бастовавшим;
д) вызов на фабрику батальона пехоты и роты местного резервного батальона;
е) арест 23 рабочих;
ж) окончание забастовки;
з) сведения о судебном разбирательстве дела.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, 1890 г., д. № 115).

74. «1895.04». Забастовка рабочих прядильщиков 26 апреля 1895 года в связи с понижением расценки на пряжу:

а) недовольство рабочих директором фабрики Щаповым;
б) вызов на фабрику трех рот пехоты;
в) снятие забастовавшими с работы небастовавших рабочих;
г) требование рабочих об освобождении арестованных товарищей;
д) объявление администрации фабрики о расчете 28 апреля бастовавших рабочих;
е) расстрел рабочих солдатами;
ж) забастовка рабочих всех отделений фабрики;
з) расчет рабочих 3 и 4 мая и прием вновь на работу.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 184.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. №№ 20 и 21).

75. «1900». Революционная агитация и пропаганда и распространение нелегальной литературы среди рабочих Мануфактуры.
(АР и ВП, ф. Д. П. Ш, 1901 г., д. № 1, ч. 41, л. А).

76. «1901». Организация на Мануфактуре кружка рабочих, ведущего революционную пропаганду.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 279).

77. «1902.01.20». Разбрасывание членами кружка рабочих во дворе Мануфактуры воззваний и арест 13 рабочих.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 279.
ф. Д. П. VI, 1902 г., д. № 17, ч. I).

78. «1903». Привлечение к дознанию Потехина С. Л. за принадлежность к двум нелегальным кружкам рабочих Мануфактуры.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 280).

79. «1905». Сходки социал-демократического кружка рабочих, на которых произносились революционные речи и распространялась нелегальная литература.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 435).

80. «1905.10». Сведения о требовании ярославским губернатором от командования Московского военного округа присылки в г. Ярославль казаков для борьбы с революционным движением.
(ВИА, ф. Шт. МВО, 1905 г., в. 125, д. 7).

81. «1905.11». Митинги рабочих Мануфактуры в ноябре 1905 года (рабочие были привлечены к дознанию Ярославским ГЖУ 6 января 1906 г.).
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 496).

82. Сведения о захвате Ярославской мануфактуры рабочими 2 декабря 1905 г., деятельности боевой дружины и борьбе правительства с восстанием.
(ВИА, ф. Шт. МВО, 1905 г., в. 124, д. I, т. II; в. 125, д. 7 и
ф. Гл. шт., 2 отд., 3 ст., 1905 г., д. 15, ч. 15-б).

83. «1905.12.08». Демонстративное шествие рабочих ст. «Ярославль» и Ярославской большой мануфактуры к городской тюрьме с целью освобождения арестованных рабочих ст. «Ярославль».
(АР и ВП, ф. Д. П. О. О., 1905 г., д. № 1350, ч. 28).

84. «1905.12.12». Демонстрация рабочих Мануфактуры и студентов лицея и снятие ими с работы служащих правительственных учреждений; перестрелка боевой дружины рабочих с казаками.
(АР и ВП, ф. Д. П. О. О., 1905 г., д. № 1350, ч. 28).

85. «1905». Привлечение к дознанию Ярославским ГЖУ рабочих Мануфактуры по делу о боевой дружине рабочих Мануфактуры.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 495).

86. «1907». Агентурные сведения о предполагаемом прекращении работ рабочими Мануфактуры в день открытия Государственной думы и о молебне, на котором ораторы должны были произнести речь о требованиях рабочих.

Демонстрация рабочей молодежи Мануфактуры (20 февраля); демонстрация была рассеяна нарядом полиции.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 676).

87. «1907». Сильное движение среди рабочих Мануфактуры за экономическую стачку; вызов на фабрику полиции и казаков («Биржевые ведомости» от 6 июля 1907 года).

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1907 г., д. № 90, ч. 2).

88. «1908. 10. 13». Привлечение в порядке положения о государственной охране Ярославским ГЖУ рабочего Мануфактуры за принадлежность к РСДРП и агитацию среди рабочих.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 1415).

89. «1908». Правила внутреннего распорядка на фабрике, штрафы и порядок расходования штрафного капитала (журналы Ярославского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия и доклады фабричных инспекторов).

(ЛОЦИА, 1 Экон. отд., ф. мин. торг. и пром., Главн. по фабр. и горнозаводским д. прис., 1 стол, 1908 г., № 43/42).

90. «1910. 05. 01». Разбрасывание воззваний РСДРП во дворе Мануфактуры.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 882).

91. «1910». Сведения Ярославского охранного отделения о рабочих Мануфактуры — членах РСДРП.

(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1910 г., д. № 58).

92. «1910». Обыск у рабочих Мануфактуры, известных охранному отделению пропагандистской деятельностью и распространением нелегальной литературы (обыск произведен в предупреждение майских выступлений).

(АР и ВП, ф. Д. П. О. О., 1910 г., д. № 113).

93. «1911». Правила внутреннего распорядка на фабрике, штрафы и порядок расходования штрафного капитала — журналы Ярославского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия и доклады фабричных инспекторов.

(ЛОЦИА, 1 Экон. отд., ф. мин. торг. и пром., Главн. по фабр. и горнозавод. д. прис., 1911 г., д. № 3).

94. «1913. 03. 04». Недовольство рабочих в связи с уменьшением на Мануфактуре количества рабочих дней в неделю.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 1015.
» ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 7.
» ф. Д. П., IV, 1913 г., д. № 90, ч. 2).

95. «1914. 01». Введение в действие закона 23 июня 1912 года о страховании рабочих и тайные совещания и летучки рабочих Мануфактуры в связи с этим.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1914 г., д. № 108, ч. 90).

96. «1913». Число прядильных веретен и количество выработанной пряжи за 1913 год.

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, в. 455, д. № 227).

97. «1913». Отчет правления Мануфактуры за 1913 год. (ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).

98. «1911.02.19» и 1911.12.09». Вывешивание на крыше зданий Мануфактуры красных флагов с революционными надписями.

(АР и ВП, ф. Яросл ГЖУ, д. № 930 и ф. Д. П. IV, 1911 г., д. № 90, ч. 7).

99. «1912. 03. 13». Ликвидация Ярославским ГЖУ организации РСДРП на Мануфактуре.

(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1912 г., д. № 21).

100. «1912». Агентурные сведения о предполагаемом собрании рабочих Мануфактуры за Волгой в память Ленских событий.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 954).
101. «1912. 05». Наблюдение охранного отделения за посещением рабочих Мануфактуры бастующими рабочими табачной фабрики Вахромеева.
(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1912 г., д. № 29).
102. «1912. 05. 23—24». Агитация прядильщиков за забастовку сочувствия рабочим Романовской и Норской мануфактур.
(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1912 г., д. № 29).
103. «1912. 06». Агитация за забастовку среди рабочих Мануфактуры и предъявление рабочими к администрации ряда требований.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 954).
104. «1912. 06». Забастовка работниц ватерщиц «старой» и «новой» фабрик Ярославской большой мануфактуры 12—20 июня 1912 года:
а) предъявление администрации ватерщицами «новой» фабрики требований об увеличении расценок (5—11 июня);
б) забастовка 800 работниц ватерного отделения «новой» фабрики (12 июня);
в) забастовка 50 работниц крутильных ватеров «новой» фабрики (13 июня);
г) забастовка работниц прядильных ватеров, катушечниц и сновальщиц «старой» фабрики (14—18 июня);
д) остановка всего предприятия из-за недостатка материала, вследствие забастовки ватерщиц (15 июня);
е) закрытие «новой» фабрики с 18 по 26 июня и выдача расчета рабочим (20-и 21 июня).
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1912 г., д. № 90, ч. 2.
» ф. Яросл. ГЖУ, д. № 954).
105. «1913». Недовольство рабочих распоряжением правления товарищества Мануфактуры об уменьшении с 4 марта количества рабочих дней в неделю ввиду застоя в текстильной промышленности.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, № 1015.
» ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 7).
» ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 2).
106. «1913». Предъявление рабочими Мануфактуры требования о прибавке по 10 копеек в день на каждый рабочий номер (требование отклонено).
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1909 г., д. № 108, ч. 90).
107. «1913». Коллективное требование рабочих ткачей «новой» и «старой» фабрик Мануфактуры об устройстве лекций для ознакомления их с уставом о новом страховании рабочих.
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 2).
108. «1914. 01». Летучки и тайные совещания рабочих Мануфактуры в январе 1914 года в связи с введением в действие закона 23 июня 1912 года о страховании рабочих.
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1914 г., д. № 108, ч. 90).
109. «1914». Список членов правления товарищества Ярославской большой мануфактуры.
(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).
110. «1916». Взаимоотношения рабочих с администрацией.
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. 90, ч. 2).
111. «1914—1915». Отчеты правления товарищества за 1914 и 1915 гг.
(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).
112. «1914—1916». Список пайщиков товарищества с указанием количества паев за 1914, 1915 и 1916 гг.

(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).

113. «1914—1916». Список военных заказов и перечисление предметов, изготовляемых на нужды войны.

(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95. ВИА, ф. Гл. воен.-техн. упр., оп. 20, в. 24, д. № 20).

114. «1915». Волнения среди рабочих Мануфактуры в связи со слухами о замене части постоянных рабочих военно-пленными.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1915 г., д. № 108, ч. 90).

115. «1915. 12. 09». Забастовка 300 рабочих прядильного отделения с предъявлением требования об удалении мастера за грубое обращение с рабочими (требование удовлетворено).

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1915 г., д. № 108, ч. 90).

116. «1916. 06. 04». Предъявление требования 10-ю рабочими об увеличении заработной платы.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1915 г. д. № 108, ч. 90).

117. «1916. 07—08». Предъявление требований рабочими льнопрядильного отделения об увеличении расценок и забастовка отделения (8—10 августа) ввиду неудовлетворения требований.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. № 108, ч. 90).

118. «1916. 09. 16». Забастовка 700 рабочих мюльнопрядильного отделения с предъявлением требования об освобождении арестованных руководителей забастовки льнопрядильщиков.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. № 108, ч. 90).

119. «1917. 01». Предъявление 60-ю рабочими первой смены «старой» фабрики требований о прибавке 20 коп. на каждый рабочий номер, о лучшем обслуживании рабочих фабричным магазином и приеме на работу рабочего Н. Л. Абрамова, отбывавшего заключение в тюрьме за забастовку:

а) присоединение рабочих второй смены к требованиям рабочих первой смены (3 января 1917 года);

б) объявление администрации фабрики от 14 января 1917 года об увеличении зарплаты на каждый рабочий номер;

в) предъявление рабочими требования о прибавке 30 коп. на каждый рабочий номер;

г) объявление администрации фабрики от 23 января 1917 года об увеличении зарплаты рабочих с 1 февраля еще на 10 коп., кроме указанных в объявлении от 14 января.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1917 г., д. № 90, ч. 2).

120. «1916». Бытовые условия рабочих фабрики Ярославской большой мануфактуры.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. № 90, ч. 2).

III.

Послеоктябрьский период.

121. «1918. 11. 05». Национализация Большой Ярославской мануфактуры и передача ее в ведение «Центротекстиля» (выписка из протокола заседания президиума Высшего совета народного хозяйства от 5 ноября 1918 года и докладная записка по вопросу о национализации предприятия).

(ЦАОР, ф. Президиум ВСНХ, оп. 1, вяз. 9, д. № 146.

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 24, л. 64).

122. «1918». Количество рабочих Мануфактуры (из таблицы заводов по обработке волокнистых веществ).

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 12.

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. 191).

123. «1919». Анкета с статистическими сведениями о состоянии рабочей силы на фабрике.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текстильщиков, д. № 345/а).

124. «1919». Ликвидация трений между фабкомом и членами правления (протокол общего собрания фабкома и правления Ярославской мануфактуры).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., вяз. 5, д. № 303).

125. «1920». Статистические сведения о количестве рабочих и служащих предприятия и о движении рабочей силы за 1920 год.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 314.

ЦАОР, ф. НКТруд, оп. 02, вяз. 264, д. № 63, л. л. 3—4).

126. «1918». Капитал, оборудование, месячная производительность, годовая выработка, стоимость имущества, потребность топлива, фабричные расходы и т. п. по мануфактуре к моменту национализации (таблицы заводов по обработке волокнистых веществ и докладная записка о национализации фабрик).

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 24, л. 64).

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 12.

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

127. «1918». Опись земель, принадлежащих товариществу фабрики Большой Ярославской мануфактуры.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

128. «1918. 08. 01». Опись строений и товаров Мануфактуры на 1 августа 1918 года.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

129. «1918». Счет покупателей Большой Ярославской мануфактуры от 23 августа 1918 года.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

130. «1918. 10. 15». Добавочные предприятия Большой Ярославской мануфактуры, находящиеся в Средней Азии и в Новгородской губернии, письмо в Московский областной совнархоз от 15 октября 1918 года со сведениями о добавочных предприятиях.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

131. «1919». Анкета с статистическими сведениями о состоянии производства.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 345/а).

132. «1919». Участие рабочих фабрики в работах по восстановлению разрушенного мятежом города Ярославля (протокол общего собрания рабочих фабрики с обсуждением вопроса об участии рабочих в восстановительных работах).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 77).

133. «1919. 08. 29». Забастовка рабочих фабрики и дознание следственной комиссии по поводу забастовки (доклад инструктора орготдела союза текстильщиков о забастовке и протокол дознания следственной комиссии).

К материалам следственной комиссии приложен опрос ряда рабочих-участников забастовки, указывающий на влияние, которое имели в то время контрреволюционные элементы на отсталые группы рабочих фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 481 и 1018).

134. «1920». Доклад о годовщине 9 января 1905 года и о «неделе фронта» на общем собрании рабочих и служащих фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 62, № 3681).

135. «1920». План проведения дня воспоминаний о расстреле рабочих Ярославской мануфактуры в 1895 году.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 41).

136. «1920». Отчет о деятельности отделов фабкома: отдела труда, организационного, культурно-просветительного, жилищного и медицинского.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 159).

137. «1920». Организация чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемией сыпного тифа на фабрике (протоколы фабкома об организации комиссии).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 111).

138. «1920». Проводка электрического освещения в рабочие жилые корпуса (протокол с постановлением о проводке).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 005/109а).

139. «1920». Закрытие фабричного лабаза и организация с 1 января 1920 года потребительских обществ.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., арх. № 82—111, дело № 109а).

140. «1922». Статистические сведения о рабочей силе на фабрике за 1922 год.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 030).

141. «1923». Цифровые сведения о количестве рабочих на фабрике с 1 ноября 1923 года.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 021).

142. «1923». Рабочая сила на фабрике (сведения для подкомиссии Центрального производственного управления ВСНХ по пересмотру трестов).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, вяз. 455, д. № 227).

143. «1924. 04. 01». Сводка о числе рабочих и членов союза по 1 апреля 1924 года.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 021).

144. «1924». Статистические таблицы по учету зарплаты.

(ЦА проф., Ц.К. текст., д. № 033).

145. «1924». Протокол общего собрания рабочих с обсуждением прогулов и опозданий на заводе (приложена статистическая сводка прогулов за 1920—1924 гг.).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 005).

146. «1925.11.01». Сведения на 1 ноября 1925 года о количестве рабочих фабрики в возрасте от 50 лет и старше.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 130).

147. «1925». Проект по распределению нивеллированного фонда (по зарплате).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 222).

148. «1925». Статистические таблицы по учету несчастных случаев, имевших место на производстве.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 037).

149. «1925». Статистические сведения об уплотнении рабочего дня в связи с переходом на трехстанную работу.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 3-а и 314).

150. «1925». Таблица процентного соотношения разного рода прогулов к общему количеству рабочих фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 022).

151. «1925». Организация труда, нормирование труда, система оплаты, специализация труда, условия труда, женский труд, санитарно-технические ус-

ловия труда, прогулы (доклад отдела труда НКРКИ по обследованию фабрики «Красный Перекоп» и материалы к докладу).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. №№ 16, 17, 18, 19)

152. «1925». Сведения о молодежи от 14 до 23-х лет по фабрике и о рабочих по специальности с указанием среднего заработка.

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. № 19).

153. «1925». Статистические сведения по учету труда и зарплаты.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 3-а, 29).

154. «1927». Карточки выборочного обследования фабрики со сведениями о количестве рабочих часов, зарплате и т. д.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 031).

155. «1927». Статистическая таблица прогулов по ряду цехов.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 028).

156. «1927». Статистическая сводка по учету зарплаты.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).

157. «1922». Число прядильных веретен и количество выработанной пряжи (сравнительные данные за 1913 и 1922 гг., сведения для подкомиссии Центрального производственного управления ВСНХ по пересмотру трестов в 1923 году).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, вяз. 455, д. № 227).

158. «1923». Таблицы норм уроков выработки на тюльных машинах.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 224).

159. «1923». Расход топлива и сырья по фабрике (сведения для подкомиссии Центрального производственного управления ВСНХ по пересмотру трестов в 1923 году).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, вяз. 455, д. № 227).

160. «1923». Сообщение директора фабрики в отдел труда ЦК текстильщиков о договорах на закупленный хлопок.

(ЦА проф., ф. ЦК. текст, д. № 305).

161. «1924». Цифровые данные о производстве фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 314).

162. «1925». Статистические сведения о переходе на трехстанную работу.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 3-а и 314).

163. «1925». Сравнительная отчетная калькуляция продукции фабрики в процентах.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 313).

164. «1925». Организация и производственная политика фабрики, исчисление капитала и прибыли; структура треста, амортизация и восстановление основного капитала; баланс производительности отдельных машин и станков, производительность труда; влияние общественной жизни на производительность труда, РКК (доклад отдела труда ЦКРКИ по обследованию фабрики «Красный Перекоп» и материалы к докладу).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. №№ 16, 17, 18, 19).

165. «1926». Заключение ревиз. комиссии ВСНХ по балансу Ярославского хлопчатобумажного треста с данными по фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 310).

166. «1926». Данные об общем состоянии производства фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 13).

167. «1926». Статистические сведения о проценте переработки по фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).

168. «1926». Анкета по выявлению результатов работ на двух и четырех станках за квартал 1926 года.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).
169. «1923». Ведомость конфликтов, разбиравшихся в РКК.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 038).
170. «1924». Сводка карточек фабзавкома.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. 023).
171. «1924». Статистические таблицы по учету колдоговоров.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 032).
172. «1925». Работа по сбору членских взносов (докладная записка по обследованию работы фабзавкома о проведении сбора членских взносов по марочной системе и протокол общего собрания профсборщиков о ходе профсбора среди членов союза).
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 141 и 130).
173. «1925». Протокол общего собрания членов кассы взаимопомощи при фабзавкоме.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 17).
174. «1925». Акт ревизионной комиссии от ВЦСПС по обследованию работы фабзавкома.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 133).
175. «1925». Отчеты и протоколы по работе РКК.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 230 и 230/038).
176. «1925». Статистические материалы по учету колдоговоров и тарифных соглашений.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 032 и 033).
177. «1926». Акт обследования работы ФЗК уполномоченным Яросл. губернского отдела союза текстильщиков и статистическая сводка о численности членов союза.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 130).
178. «1926». Протоколы заседаний фабричной РКК, акты обследования работы РКК и отдела охраны труда и разъяснения тарифно-экономического отдела Ц. К. по работе конфликтной комиссии.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 046).
179. «1926». Дополнение к колдоговору правления губ. отдела союза текстильщиков с заводоуправлением.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., вяз. 5, д. № 200).
180. «1926». Разъяснение зав. тарифно-эконом. отделом и члена президиума Ц. К. Яросл. губ. отдела союза текстильщиков о сверхурочных работах на фабрике.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).
181. «1927». Письмо орготдела Ц. К. о нецелесообразности организации цехбюро в дворовом отделе.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 110).
182. «1927». Колдоговор между Ярославским губотделом и Ярославским хлопчатобумажным трестом по фабрике «Красный Перекоп».
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 210).
183. «1927». Протоколы заседания РКК по вопросам утверждения расценок и сверхурочных работ.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 230).
184. «1925». Карточки обследования профтехкурсов на фабрике (с указанием даты их основания — 1922 год); процент брони обучаемых в ФЗУ и процент бригадно-индивидуального ученичества на фабрике.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 026/454).

185. «1926». Статистические сведения на 1 ноября о профтехкурсах на «Красном Перекопе».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 025).

186. «1926». Сведения по индивидуальному и бригадному ученичеству на 1 октября и информация Ярославского губ. отдела в Ц. К. союза по работе общеобразовательных курсов на «Красном Перекопе».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 443).

187. «1926—1927». Статистические сведения о школах ФЗУ на фабрике в 1926—1927 гг.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 454).

188. «1924». Протокол общего собрания рабочих в присутствии наркомфина т. Сокольникова с перечнем вопросов, заданных рабочими т. Сокольникову после его доклада о международном положении.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 005).

189. «1925». Работа среди женщин работниц фабрики с указанием на увеличение количества цехделегаток.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

190. «1926». Отчет и статистические сведения о проведении Международного дня работниц.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

191. «1927». Информационная сводка о проведении празднования Международного женского дня.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

192. «1925». Культработа среди женщин.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

193. «1925». Работа фабричного клуба и красного уголка — описание работы клуба, присланное правлением клуба в Ц. К. (по докладной записке о постройке рабочего клуба); карточки статистического обследования красного уголка и материалы культкома о клубной работе.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., № 420).

194. «1925». Отчет о культурной работе, проделанной фабкомом в летний период.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 400).

195. «1925». Акт ревизионной комиссии от ВЦСПС с перечислением видов культработы и указанием сумм, затраченных на кино, газеты, музыкальные и драматические кружки и пр.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 133).

196. «1926». Протокол широкого культсовещания Яросл. губ. отдела союза с данными о культурной работе на фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА, проф., ф. Ц. К. текст., д. № 400).

197. «1926». Отчет фабкома о летней культработе.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 411).

198. «1926». План работы по физкультуре на «Красном Перекопе».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 426).

199. «1927». Акт обследования культработы фабкома и отчет культкомиссии Ф. З. К. за период с 2 апреля 1927 года по 1 января 1928 года.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 420).

200. «1925» План работы юридической консультации при фабрике.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 256).

201. «1925». Акт отдела охраны труда по поводу работы амбулатории и сведения фабричной больницы о движении больных.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 242).

202. «1925». Заключение ревизионной комиссии ВЦСПС о порядке использования жилплощади рабочими и служащими фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 316).

203. «1925». «Улучшение бытовых условий рабочих фабрики «Красный Перекоп»— баня, прачечная, кооператив, столовая, ясли, детский очаг и т. п.»— доклад по обследованию фабрики «Красный Перекоп» и материалы к докладу.

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. № 16, 17, 18, 19).

204. «1926» Фонд улучшения быта рабочих («ФУБР») (таблица расходов по содержанию квартир рабочих и служащих фабрики, выписка из протокола заседания Ярославского губернского отдела союза по вопросу снесения за счет «ФУБР» убытка от снабжения молоком рабочих и перерасхода на больницы, ясли и диспансер, общие данные по движению ФУБР'а с момента его возникновения).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 251/313, 255, 26/52).

205. «1926». Санаторная помощь рабочим — выделение 4 000 рублей из фонда улучшения быта для организации санатория для рабочих подростков.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 344).

206. «1926». Отчет о деятельности яслей.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 344).

207. «1926». Протокол совещания тарифно-экономического отдела Ярославского губ. союза о кредитовании рабочих с указанием разделения процента кредитования между центральным рабочим кооперативом и правлением фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 332/046).

208. «1926». Сведения о наводнении 28/IV—5/V, во время которого был затоплен ряд жилых помещений, занимаемых рабочими.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 530).

209. «1927». Письмо Ярославского губ. отдела Ц. К. о процентных отчислениях со счета прибылей треста в фонд улучшения быта рабочих для жилкооператива «Красный Текстильщик».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 255).

210. «1928» Информационный доклад о переходе фабрики на трехсменную работу.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 141).

211. «1929». Остановка работ на фабрике «Красный Перекоп» из-за несвоевременного выполнения Сормовским заводом заказа на запасные части.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 314).

212. «1929». Прорыв в снабжении хлопком, результатом чего явилось сокращение числа рабочих.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. 55/314).

213. «1928». Заседание рабочей конференции с отчетом Ц. К. союза текстильщиков; выборы на 8 съезд профсоюзов.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст, д. № 400).

214. «1928». Информационные сводки о перевыборах фабкомов.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 111).

215. «1928». Проведение дня 8 марта.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

216. «1929». Отчет в Ц. К. союза о состоянии культпросветработы на фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 400).

Из записной книжки архивиста.

Николай Романов об англо-бурской войне.

Из публикуемого интимного письма последнего Романова к сестре его Ксении Александровне [1]) мы узнаем, что в 1899 г. он одно время серьезно обдумывал вопрос о войне с Англией. Случай представлялся для этого удобный: Англия была втянута в войну с бурами.

Помешала неподготовленность царской армии к «серьезным действиям». При отсутствии прямой железнодорожной связи с Туркестаном Николай Романов не решился двинуть войска к английской границе. Он должен был отложить осуществление «излюбленной мечты» своей,— но только отложить.

Вражда к Англии лежала в основе внешней политики царизма в течение всей второй половины XIX века и в начале XX. Сложились в этом отношении прочные традиции, которые Николай Романов унаследовал от своего отца и деда. Основания у этой наследственной вражды были по-своему очень солидные. Английский капитализм был главным соперником русского царизма в Азии. Все попытки царских правительств осуществить «историческую миссию» Романовых и пробиться к южному выходу в океан разбивались о сопротивление Англии, стоящей зорко на страже своих захватов в Азии. Англия стояла на пути царизма в Константинополь. Англия мешала движению на Балканы. Англия не давала возможности превратить Персию в персидское генерал-губернаторство с русскими исправниками и урядниками. Захватывая средне-азиатские ханства, царская Россия с тревогой смотрела на английские штыки. Покуда Англия по-хозяйски распоряжалась в Афганистане, царизм не чувствовал себя полным хозяином награбленной добычи.

Витте говорит в своих «Воспоминаниях» о ненависти Николая к англичанам: «...Его величество относился к англичанам весьма недружелюбно: так, мне неоднократно приходилось слышать выражения, при которых между жидами и англичанами и англичанами и жидами не делалось никакой разницы» [1]). Дальше этого в ненависти некуда было итти!

Английская буржуазия платила царизму относительно той же монетой, и выражалось это между прочим в том, что английская полиция не выполняла пожеланий русской охранки с такой готовностью, с какой, например, служила ей французская республиканская полиция. Это был дополнительный и весьма существенный источник раздражения последних Романовых против английского правительства.

Конечно, обе стороны свои истинные чувства скрывали и официально обменивались, как полагается, дипломатическими любезностями. Незадолго до публикуемого здесь письма, в котором Николай Романов мечтает о внезапном нападении на тыл Англии, он делал дружеский визит английскому королю. Интереснее другое обстоятельство, придающее этому старому письму характер некоторой злободневности и даже актуальности.

Письмо написано 21 октября 1899 г. А всего за два слишком месяца до этого закончилась в Гааге так называемая «мирная конференция», созванная по инициативе Николая Романова. Капиталистическая печать всего мира еще не отшумела по поводу этой конференции, и хотя все газеты относились скептически к ее возможностям и результатам, но море слащавых слов было излито о миролюбии русского царя, причем особенно старалась, конечно, русская печать (не только реакционная, но и либеральная) и французская всех направлений. О Николае писали тогда снисходительно, как о наивном идеалисте на троне. Считали, что это благородный с его стороны жест,

---

[1]) Особый отдел Центр. историч. архива.

[1]) Витте, Воспоминания, т. II, стр. 406.

свидетельствующий, во всяком случае, о добрых и мирных намерениях.

В ноте, которая в 1898 г. была разослана от имени русского царя всем иностранным державам, сделан был призыв «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства для предотвращения угрожающих всему миру несчастий». Это был тот же язык, которым говорят и теперь все империалистические правительства в Женеве. Николай Романов в своем «пацифизме» не уступал самым слащавым нынешним дипломатам. Он 35 лет назад предлагал ограничить вооружения и заменить вооруженные столкновения третейским разбирательством в Гааге.

Мы знаем теперь мотивы этого «миролюбия». Царское правительство предлагало на время прекратить вооружения, потому что само оно в это время занималось деятельным перевооружением своей армии и хотело выиграть время для того, чтобы подтянуть к современному уровню военной техники сильно отставшую артиллерию. А теперь из интимного письма царя к сестре мы узнаем, что в то самое время, как официально Николай Романов на виду у всего мира предавался сентиментальным мечтам о всеобщем мире и об ограничении вооружений, в действительности он тешил себя «излюбленными мечтами» о нападении на Англию и прикидывал все для этого возможности.

Капиталистический мир не изменился за эти 35 лет,— пожалуй, только еще больше усовершенствовал искусство дипломатического лицемерия. Мы и теперь слышим речи о всеобщем мире, об ограничении вооружений, и одна конференция по разоружению расходится только для того, чтобы уступить место новой, для повторения тех же речей. Империалистические правительства соперничают между собой в пацифистской болтливости. О своих подлинных «излюбленных мечтах» они говорят только в таких интимных документах, которые станут достоянием широких кругов трудящихся лишь после того, как и архивы капиталистических правительств станут по примеру царских архивов достоянием рабочего класса.

З.

Jagdschloss Wolfsgarten. Post Egelsbach.

21 октября 1899 г.

Дорогая моя Ксения,

От души благодарю тебя за твое длинное и занимательное письмо, которое меня очень обрадовало. Из последних твоих телеграмм я с удовольствием узнал, что у вас погода снова теплая. Досадно жить на юге, когда погода дурная, как у вас было до сих пор. В этом отношении нам особенно повезло тут в этом году. Я никогда не думал, чтобы в конце октября здесь в средней Германии можно было играть в lawn tennis и каждый день пить чай на воздухе; сегодня, например, в тени было 16° — благодать господня! Вот настоящий о т д ы х для меня, с пребыванием в лесу и с полнейшей свободой действий! И Аликс [1]) и я мы наслаждаемся тут во-всю с нашими детками. От адешней спокойной жизни боли у нее совсем прошли, слава богу! Лишь бы они не возобновились опять зимою от стояний при разных случаях и приемах!

Как и ты и Сандро [2]), я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки и затем делюсь с другими за столом своими впечатлениями. Я рад, что Аликс во всем думает, как мы; разумеется, она в ужасе от потерь англичан офицерами, но что ж делать — у них в их войнах всегда так бывало!

Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен!

Вот что называется влопались и полезли в воду, не зная броду! Этим способом буры сразу уменьшили гарнизон Ледисмита в 10 тысяч человек на одну пятую, забрав около 2 000 в плен.

Недаром старик Крюгер [3]), кажется, в своем ультиматуме к Англии,— сказал, что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир своею удалью и стойкостью. Его слова положительно уже начинают сказываться. Я уверен, что мы еще не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южно-африканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами; этого количества будет далеко недостаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмет свои подкрепления — не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне п р и я т н о с о з н а н и е, что т о л ь к о в м о и х р у к а х находится средство наконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое —

---

[1]) Александра Федоровна, жена Николая Романова.

[2]) Александр Михайлович, вел. кн., муж Ксении Александровны, сестры Николая Романова.

[3]) Крюгер (1825—1904), президент Южно-Африканской республики (Трансвааля).

отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там в наиболее уязвимом для нее месте.

Но время для этого еще не приспело; мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией.

Однако я увлекся, но ты поймешь, что при случае невольно иногда самые излюбленные мечты вырываются наружу, и невозможно удержаться, чтобы не поделиться ими.

Даже тут в мирном Дармштадте большое возбуждение, как и везде, против Англии, и самое горячее участие принимается в судьбе африканских голландцев!

Когда это письмо дойдет до тебя, мы уже будем в Скерневицах. По пути придется остановиться почти на целый день в Потсдаме, где я намерен всячески натравливать императора [1]) на англичан, напоминая ему о его известной телеграмме Крюгеру!

На-днях мы были в Бадене, старики — великий герцог и великая герцогиня — приняли нас самым радушным образом. Сегодня они приехали сюда отдать визит вместе с дядей Мишей [1]) и Charles Alexandre [2]).

Так приятно, что наша церковь в Дармштадте готова, мы пользуемся каждым праздником, чтобы ездить к службе. Янышев [3]) живет здесь с диаконом и семью большими певчими; службы в этом составе так напоминают ливадскую церковь.

Недавно мы были в Rumpenheim'e; я был рад увидеть старый дом, о котором столько приходилось слышать. Fischy и Mossy [4]) живут там.

Теперь мне, право, следует кончить.

Прощай, моя дорогая Ксения. Крепко обнимаю тебя, Сандро и милых деток, четвертого будущего также!

Когда вы думаете быть в Питере?

Христос с тобой!

Сердечно тебя любящий

старый Н и к и.

К БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

(1901—1902 гг.).

Публикуемые ниже архивные материалы, хотя и не прибавляют ничего нового ни к характеристике Л. Н. Толстого, ни к характеристике русского самодержавия, все же представляют определенный интерес, поскольку дают некоторые новые факты, касающиеся отношений царского правительства к яснополянскому мудрецу.

Несмотря на резкие и страстные нападки Л. Н. Толстого на самодержавно-бюрократический строй, — несмотря на то, что он, как еретик, был отлучен от православной церкви и предан анафеме, церберы у трона, в жандармских мундирах и церковных ризах, не осмеливались довести своего замысла, своей расправы до конца. Их злобе и ненависти не было пределов, но в своей трусости они не решались ни сгноить великого писателя в тюрьме, ни замучить его где-нибудь за полярным кругом в Сибири, ни выслать за границу, так велик был его моральный авторитет внутри страны и во всем мире.

Но зато царские министры и жандармы с неослабным и злобным вниманием следили за жизнью Толстого, за каждым его шагом, опасаясь, как бы влияние писателя не вызвало каких-либо волнений внутри страны, тем более, что Толстой умел держаться в известных пределах незави-

симо и порою возвышал свой негодующий голос.

В начале лета 1901 г. Толстой стал прихварывать. Чтобы поддержать свои силы, он уехал в Крым, но и здесь, несмотря на солнечную, теплую осень, здоровье его то улучшалось, то ухудшалось, причиняя большое беспокойство властям. Царские холопы Толстого боялись живого, не менее боялись и мертвого. Боялись, как бы в глазах широких масс писатель не вырос в мученика и страдальца, умершего с проклятием царской и духовной власти. Они принимали меры к тому, чтобы представить писателя умершим с покаянием, примиренного с государством и церковью. Они старались не только осквернить великое имя, но и поддержать при этом свой авторитет.

И вот, когда пошли слухи об опасном состоянии здоровья Льва Николаевича, о его приближающейся смерти, поднялась невообразимая суматоха, которая нача-

---

[1]) Т. е. Вильгельма II, имп. германского.

[1]) Михаил Николаевич, вел. князь.

[2]) Charles Alexandre — Карл-Александр-Август, вел. герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский.

[3]) Янышев И. Л., протопресвитер придворных соборов, духовник царской семьи.

[4]) Повид., принц Гессенский Фридрих-Карл и его жена Маргарита-Беатриса-Феодора, урожд. принцесса Прусская.

лась с пресловутого князя Святополк-Мирского, тогда товарища министра внутренних дел, самого министра вн. дел Сипягина и захватила губернаторов, полицеймейстеров, исправников, приставов, просто шпиков, синод и попов, а также инженеров службы железнодорожного движения. Начались полицейские и железнодорожные приготовления к смерти Толстого. Посыпались шифрованные телеграммы, рапорты, донесения, распоряжения, в которых предусматривались все детали перевозки врага после его смерти,— вплоть до того, как приготовить траурный вагон, как сократить стоянки на крупных станциях, чтобы избежать манифестаций, соответствующие распоряжения даны были цензуре и т. д.

Полицейское «дело», содержащее документы об этой административной суматохе, началось 6 июля 1901 г., а кончилось 25 июня 1902 г. Состоит оно из 40 листов и помечено: «Совершенно секретно».

Лев Николаевич однако поправился и через Севастополь вернулся в Ясную Поляну. Намерения властей потерпели крах.

Публикуемые документы хранятся в Центрархиве Крымской АССР; они подготовлены к печати М. П. Михайловым.

Валерьян Полянский.

---

1. Шифр. телеграмма тов. министра вн. дел кн. Святополк-Мирского таврическому губернатору от 6 июля 1901 г.[1]).

В случае кончины находящегося в крайне болезненном состоянии писателя графа Льва Толстого могут возникнуть ходатайства о чествовании его памяти и устройстве посему разных собраний и вечеров. Необходимо отнестись к разрешению таковых крайне осмотрительно: давать разрешения лишь известным, благонадежным лицам; следить за неуклонным выполнением программ в пределах разрешенного и не допускать никаких демонстративных речей, действий и манифестаций.

За министра товарищ министра
Князь Святополк-Мирский.

2. Секретный циркуляр таврического губернатора всем начальникам полиции Таврической губернии от 7 июля 1901 г.

За министра внутренних дел, товарищ министра кн. Святополк-Мирский сообщил мне, что в случае кончины находящегося в крайне болезненном состоянии писателя графа Льва Толстого могут возникнуть ходатайства о чествовании его памяти или об устройстве по этому поводу различных собраний. В подобных случаях необходимо отнестись к разрешениям крайне осмотрительно: давать таковые разрешения лишь известным, благонадежным лицам; следить за неуклонным выполнением программ в пределах разрешенного и не допускать никаких демонстративных речей, действий и манифестаций.

Губернатор шталмейстер двора его величества Лазарев.
Управляющий канцелярией Терлецкий.

3. Телеграмма харьковского губернатора таврическому губернатору от 17 ноября 1901 г.

Благоволите телеграфировать, правда ли, что умер граф Лев Толстой. Здесь ходит слух; опасность демонстрации.

Губернатор Тобизен.

4. Служебная записка таврического губернатора 18 ноября 1901 г.

Зашифруйте, пожалуйста, телеграмму ялтинскому исправнику следующего содержания.

«Случае ухудшения здоровья или смерти графа Льва Толстого немедленно телеграфируйте. Сообщите телеграммой, как его здоровье теперь.

Лазарев».

18. XI. 1901.

5. Телеграмма ялтинского исправника таврическому губернатору от 18 ноября 1901 г.

Немного хворает. Опасности нет.

Исправник Греков.

6. Телеграмма и. д. ялтинского исправника таврическому губернатору от 12 декабря 1901 г.

Девятого декабря граф Толстой прибыл в Ялту на дачу Иловайского к дочери княгине Оболенской. Заболел, лежит в постели.

За исправника Фрейганг.

7. Шифр. телеграмма таврического губернатора товарищу министра внутренних дел князю Святополк-Мирскому от 13 декабря 1901 г.

Граф Лев Толстой переехал из Гаспры в Ялту к своей дочери княгине Оболенской, заболел, лежит в постели.

Губернатор Лазарев.

---

[1]) См. док. № 10.

8. Телеграмма ялтинского исправника таврическому губернатору от 28 января 1902 г.

Граф Толстой опасно болен.

Исправник Греков.

9. Телеграмма директора департамента полиции и. д. таврического губернатора от 29 января 1902 г.

В случае кончины графа Льва Толстого и возбуждения просьбы о перевозке тела, разрешение может быть дано только на перевозку в Ясную Поляну. Сообщая о сем по приказанию министра, прошу, в случае выдачи разрешения, немедленно уведомить меня по телеграфу также о дне выезда, для необходимых распоряжений.

Директор Зволянский.

10. Телеграмма министра внутренних дел таврическому губернатору от 30 января 1902 г.

Ввиду распоряжения святейшего синода в случае кончины графа Льва Толстого не служить по нем панихид, прошу распоряжения, чтобы в местных изданиях не разрешалось печатание каких-либо объявлений о панихидах, а равно принять меры к устранению всяких демонстративных требований о службе панихид. Подтверждаю также указания, сообщенные телеграммой товарища министра 4 июля [1]).

Министр внутренних дел
Сипягин.

11. Предписание таврического губернатора ялтинскому исправнику от 30 января 1902 г., № 508. [2]).

Совершенно секретно.

Г. министр внутренних дел телеграммой сообщает, что в случае кончины графа Л. Толстого, ввиду распоряжения святейшего синода, не должно быть допускаемо служений по нем панихид. Поэтому не должно быть также допускаемо печатания в местных органах печати объявлений о производстве панихид, о чем мною вместе с сим делается распоряжение по цензуре. Вместе с тем должны быть приняты энергичные меры к устранению всяких демонстративных требований о службе панихид, а равно должен быть в точности исполнен циркуляр мой от 7 июля 1901 г., № 4306. Кроме того предлагаю вам, в случае разрешения перевоза тела графа Льва Толстого в Ясную Поляну, немедленно телеграфировать мне о дне вывоза тела и пути, которым таковое будет направлено.

12. Предписание и. д. таврического губернатора цензору от 30 января 1902 г., № 507. [1]).

Совершенно секретно.

Циркулярно.

Предлагаю вам в случае кончины графа Льва Толстого, ввиду распоряжения святейшего синода, не допускать в цензируемой вами газете печатания каких-либо объявлений о панихидах по нем.

Временно управляющий губернией
вице-губернатор [подпись].

13. Телеграмма министра внутренних дел таврическому губернатору от 30 января 1902 г.

В случае кончины графа Льва Толстого, не препятствуя помещению в изданиях некрологов, обзоров литературной деятельности, при соблюдении объективности и осторожности, предлагаю не допускать сведений и рассуждений, имеющих отношение к постановлению синода.

Министр внутренних дел Сипягин.

14. Циркуляр и. д. таврического губернатора цензорам от 31 января 1902 г., № 520.

Совершенно секретно.

В случае кончины графа Льва Толстого предлагаю вам, не препятствуя помещению в цензируемой вами газете некрологов и обзоров литературной деятельности этого писателя, при соблюдении объективности и осторожности, ни под каким видом не допускать печатания сведений и рассуждений, имеющих отношение к постановлению святейшего синода.

Временно управляющий губернией
вице-губернатор [подпись].

Управляющий канцелярией
Терлецкий.

15. Телеграмма севастопольского градоначальника таврическому губернатору от 3 февраля 1902 г.

Граф Толстой обратился ко мне за получением заграничных паспортов себе, Сухотину и Щуровскому. По телеграфу донеся министру внутренних дел об этом, я вместе с сим телеграммой предложил графу обратиться к вам по месту жительства.

Градоначальник контр-адмирал
Феодосьев.

---

[1]) Так в подлиннике. См. док. № 1.

[2]) Воспроизводится с отпуска.

[1]) Воспроизводится с отпуска.

16. Телеграмма севастопольского градоначальника таврическому губернатору от 3 февраля 1902 г.

В дополнение к телеграмме от 3 сего февраля сообщаю, что директор департамента полиции телеграммой уведомил меня о неимении препятствий к выдаче заграничных паспортов в случае надобности графу Толстому и лицам сопровождающим.

Градоначальник контр-адмирал Феодосьев.

17. Телеграмма таврического губернатора ялтинскому исправнику от 6 февраля 1902 г.

Севастопольский градоначальник телеграфирует, что директор департамента полиции уведомил о неимении препятствий к выдаче заграничных паспортов графу Толстому, лицам сопровождающим. Сообщите по принадлежности.

18. Телеграмма директора департамента полиции таврическому губернатору от 8 февраля 1902 г.

На случай кончины графа Толстого и ходатайства о перевозке тела, не откажите сообразовать ваши распоряжения с указаниями, которые управляющий дороги получил от министерства путей сообщений относительно поезда, с которым может быть отправлено тело.

Директор Зволянский.

19. Отношение таврического губернатора на имя начальника Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги от 9 февраля 1902 г., № 667. [1]).

Совершенно секретно.

Директор департамента полиции просит меня, на случай кончины находящегося ныне в Кореизе, Таврической губернии, графа Льва Толстого и перевозки его тела, согласовать мои распоряжения с указаниями, которые вы имеете получить от министерства путей сообщений относительно поезда, в коем может быть отправлено тело.

Ввиду этого имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне о тех указаниях, которые вы получите по этому поводу, а также не откажите сделать распоряжение, чтобы местные железнодорожные агенты уведомили меня и симферопольского полицеймейстера о времени и № поезда, с которым будет отправлено тело, причем желательно, чтобы поезд с телом не имел значительных остановок в более населенных пунктах.

20. Отношение начальника Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги на имя таврического губернатора от 12 февраля 1902 г., № 2.

Совершенно секретно.

Вследствие отношения от 9 февраля, за № 667, имею честь препроводить вашему превосходительству:

1. Копию секретной депеши, полученной мною от управления железных дорог.

2. Копию предписания, за № 22 от 10 февраля, посланного начальнику I отделения службы движения г. Махову, живущему в Севастополе.

К сему считаю долгом присовокупить, что, если бы ваше превосходительство сочли почему-либо нужным изменить распоряжение мое относительно способа уведомления вашего превосходительства о времени проследования тела, то благоволите от себя дать соответствующие указания начальнику отделения г. Махову, и таковые будут им исполнены в точности, о чем ему вместе с сим сделано распоряжение.

За начальника дороги инженер Кузьменко.

Начальник службы движения инженер [подпись].

21. Копия секретной телеграммы управления железных дорог на имя начальника Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги, № 233.

Ввиду вероятной вскоре кончины в Крыму писателя графа Толстого последует необходимость перевозки его тела до ст. Ясенки. Предлагается озаботиться приготовлением траурного вагона, вагона для семейства. В случае обращения семейства графа с требованием на перевозку предложите два маршрута: по первому оба вагона последуют от Севастополя до Ясенок почтовым поездом; при этом для сокращения стоянки в Харькове, по соглашению с министром внутренних дел, предлагается почтовый поезд привести в Харьков с опозданием до сорока минут, для сокращения стоянки до 15 минут, и отправить из Харькова своевременно, невзирая на задержку почты. По второму маршруту вагон с телом отправляется из Севастополя скорым до Синельникова, где прицепляется к воинскому № 24 до Белгорода, откуда прицепляется к почтовому, с которым от Севастополя следует вагон семейства графа. Стоянка поезда № 24 в Харькове путем опоздания прибы-

[1]) Воспроизводится с отпуска.

тия сокращается до 20 минут. Об избранном маршруте телеграфируйте управлению железных дорог и губернаторам таврическому и харьковскому.

С подлинным верно. Начальник службы движения инженер [подпись].

22. Копия предписания начальника движения Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги начальнику I отделения от 10 февраля 1902 г., № 22.

Совершенно секретно.

Весьма вероятно, что вскоре может последовать в Крыму кончина писателя графа Л. Н. Толстого и потребуется перевозка его тела от Севастополя до ст. Ясенки Московско-Курской железной дороги.

Ввиду этого прошу вас принять к непременному исполнению следующее:

1. Для перевозки тела графа должен быть предоставлен траурный вагон, для чего следует взять багажный вагон и обить его внутри траурной материей (черным коленкором с белыми отводами), вагон должен быть в полном порядке и чистоте и иметь вполне приличный и соответствующий обстоятельствам вид. Приспособление вагона должно быть сделано согласно вышеизложенному начальником дею Севастополь, для чего вы дадите прочесть настоящий пункт этого распоряжения, о чем ему будет сообщено депешей начальником службы тяги.

2. Для проезда семьи графа должен быть предоставлен особый вагон соответствующего билетам класса.

23. Отношение таврического губернатора на имя начальника I отделения службы движения Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги (в Севастополе) от 27 февраля 1902 г., № 910 [1]).

Совершенно секретно.

В случае невозможности почему-либо исполнить данное вам начальником дороги предписание за № 22, имею честь покорнейше просить вас, м. г., вместо присылки ко мне нарочного с докладом о проходе известного вам поезда, уведомить меня телеграммой следующего содержания: «Срочная посылка высылается... числа».

24. Донесение начальника I отделения службы движения таврическому губернатору от 22 июня 1902 г., № 1202 [2]).

Имею честь почтительнейше доложить вашему превосходительству, что граф Лев Толстой выезжает из Севастополя 24 сего июня с курьерским поездом № 2.

Начальник I отделения службы движения Махов.

25. Телеграмма и. д. ялтинского исправника таврическому губернатору от 25 июня 1902 г.

Граф Толстой [выехал] сегодня пароходом в Севастополь.

За исправника Фрейганг.

26. Рапорт и. д. ялтинского исправника таврическому губернатору от 25 июня 1902 г., № 4277 [3]).

Имею честь донести вашему превосходительству, что сего числа из имения графини Паниной выехал граф Лев Толстой в свое имение Ясную Поляну Тульской губернии.

Фрейганг.

Из резолюций Николая Романова.

Если бы собрать все резолюции Николая Романова, положенные им на докладах за двадцать три года его царствования, картина получилась бы весьма любопытная. Она явилась бы, с одной стороны, ярким подтверждением интеллектуального ничтожества последнего русского царя, с другой стороны, опровержением мнения тех, кто видел в Николае лишь тупую, безвольную пешку. Резолюции бывшего царя указывают, что это был человек весьма твердых и определенных убеждений. Правда, эти убеждения в сфере, например, многих вопросов внутренней политики не шли дальше знаменитой формулы: «Тащить и не пущать». Этой формуле неизменно следовал венценосный Мымрецов и в своей политике по отношению к средней и высшей школе.

В 1901 г., после убийства Боголепова, министром народного просвещения был назначен тен. П. С. Ванновский. В рескрипте на его имя Николай возлагал на нового министра проведение начал «сердечного попечения в школе». Однако эта «диктатура сердца» в области народ-

---

[1]) Воспроизводится с отпуска.

[2]) На подлиннике помета: «Сделано лично распоряжение. 25/VI».

[3]) На подлиннике помета: «К сведению».

ного образования жестоко обманула тех, кто ей поверил.

Печатаемые ниже документы с резолюциями Николая еще раз говорят о том, что инициатива самой реакционной политики по отношению к школе исходила от самого царя. Его жестокая, последовательная реакционность подчас смущала даже такого, весьма далекого от «бессмысленных мечтаний» человека, каким был Ванновский.

Документы эти хранятся в архиве гр. И. И. Толстого [1]), находящемся в Рукописном отделении государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

Один из них, это — «всеподданнейшая» записка министра народного просвещения П. С. Ванновского:

«Не соизволите ли ваше императорское величество высочайше мне повелеть пригласить к себе министров, в ведении коих имеются высшие учебные заведения, для совещания по поводу увеличения числа учебных заведений, в которых вследствие беспорядков приостановлены учебные занятия, и о мерах противодействия беспорядкам.

Генерал-адъютант Ванновский.
11 февраля 1902 г.».

На записке Николай положил следующую резолюцию:

«Согласен. Настаиваю самым энергичным образом, чтобы меры были приняты крутые, действительные и безусловно однообразные» [2].

В бумагах И. И. Толстого к этой записке приложен листок, написанный почерком неизвестного лица и являющийся комментарием к упоминаемым событиям.

Текст его таков:

«В начале 1902 г. волнения в высших учебных заведениях достигли крайних пределов: всюду практиковалась химическая обструкция, профессоров стаскивали с кафедры, умеренных студентов избивали. Министр народного просвещения генерал Ванновский применял уже местами чрезвычайные репрессивные меры: исключались целые курсы без определения степени виновности отдельных лиц. Но движение продолжало расти: оно распространилось на заведения различных ведомств. Тогда П. С. Ванновский испросил полномочий образовать под своим председательством совещание соответственных министров. Последовавшая резолюция смутила его однако: государь, с одной стороны, соглашался предоставить совещанию инициативу выработки мер борьбы с беспорядками, с другой же, не дожидаясь доклада совещания, повелевал ему применить меры крутые, действительные и однообразные. Между тем совещание могло быть того мнения, что именно крутые меры оказались недействительными и что однообразие нежелательно при наличии особых местных и других условий. Ванновский не решился даже передать текст резолюции в департамент».

Второй документ — телеграмма и. о. директора Верхнеудинского реального училища Николаю Романову.

Телеграмма послана 12 февраля 1906 г. В этот день в Верхнеудинске публично казнили пять человек осужденных «временным военным судом» ген. Ренненкампфа.

В эти же дни был арестован инспектор народных училищ Верхнеудинского уезда И. К. Окунцов, обвинявшийся в пропаганде среди учителей и в организации «Союза учителей с преступной программой» [1]).

На основании приводимой ниже телеграммы можно судить о том, что и среди педагогов Верхнеудинска были произведены аресты.

Телеграмма и. о. директора реального училища Николаю и резолюция последнего на ней — документ, ярко отражающий ужас тех дней, когда царизм, получивший у революции на одиннадцать лет отсрочку, спешил залить кровью костер революции.

Вот текст этой телеграммы:

«Подана в Верхнеудинске 1906 г. 5 ч. 40 м. по пп.

Получена в Царском Селе 1906 г. 8 ч. 6 м. по пп.

Его величеству государю императору.

Воспитанники реального и других училищ взволнованы, что в первый день суда генерала Ренненкампфа объявлен смертный приговор нескольким лицам, виновным лишь в стремлении осуществить манифест 17 октября. При общей панике и аресте нескольких педагогов правильный ход занятий в училищах невозможен. Именем детей прошу почтительно ваше величество о смягчении участи осужденных и всех остальных, имеющих явиться на суд. Смею думать, что ваше величество снимете с души детей страшный призрак смерти, избавите их от страха вашим именем и именем по-

[1]) Гр. И. И. Толстой — вице-президент Академии художеств, министр народного просвещения в 1905—1906 гг., впоследствии петербургский городской голова.

[2]) Набранное разрядкой, подчеркнуто в подлиннике.

[1]) «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Госуд. соц.-эк. над., 1932, стр. 288. Окунцов был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой.

сланного вами судьи и воскресите в сердцах их любовь к ближнему и веру в правду и добро. Педагогический совет училища просит, дабы не нарушать занятий, на поруки всех взятых педагогов города, ручаясь, что они не уклонятся от суда.

И. о. директора реального училища Устрецкий».

На этой телеграмме Николай положил резолюцию: «Всяк сверчок знай свой шесток».

Г. Никольская.

К истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х гг. XIX в.

Проникновение в войска революционной пропаганды и все учащавшиеся случаи «нарушения чинопочитания» уже в 60-х и 70-х годах, особенно же после введения нового устава о воинской повинности (в 1874 г.), постепенно расшатывали палочную «воинскую дисциплину» в царской армии. Правительство, разумеется, не могло не видеть, какая опасность грозит самодержавному режиму со стороны тех самых вооруженных сил, на которые оно опиралось в своей борьбе с «внутренними врагами». Уже в 1862 г., в связи с известным делом Арнольдта, Сливицкого, Ростковского, Щура и др.[1]) правительство наметило ряд мероприятий по борьбе с проникновением в войска революционной пропаганды. В разосланном тогда секретном циркуляре предписывалось «очистить» армию от всех «неблагонадежных» в политическом отношении «офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся».

В 1879 г. в заседании «соединенных департаментов законов гражданских и духовных дел» Госуд. совета при обсуждении закона «об усилении ответственности» за революционную пропаганду в армии министр юстиции гр. К. И. Пален между прочим заявил: «Призванное к охране политической независимости государства и его внутренней безопасности и составляя вооруженную часть населения империи, войско имеет в своем распоряжении могущественную материальную силу. Это обстоятельство, а равно и прямая зависимость высших государственных интересов от сохранения военных начал строгой дисциплины, безусловного подчинения власти и уважения к существующему порядку, делает, разумеется, необходимым ограждение войск от всех видов такого влияния, которое может поселять в нем мысли или устремления, направленные к колебанию и ниспровержению государственного строя»[2]). Через четыре года при обсуждении в совещании министров (10 июня 1883 г.) вопроса о призыве в войска студентов, уволенных за участие в беспорядках, правительство констатировало, что «весьма прискорбные факты показывают, что и солдатская среда может быть доступна революционной пропаганде. Пополнять ее лицами во всяком случае весьма сомнительной благонадежности значило бы прямо действовать в интересах революционной пропаганды»[1]).

В 1884 г. была образована под председательством великого князя Николая Николаевича (старшего) «Особая комиссия для обсуждения, какие должно принимать меры с целью воспрепятствовать распространению в войсках пропаганды революционной партии». Основные положения, выработанные комиссией, нашли отражение в публикуемом ниже секретном письме военного министра П. С. Ванновского начальнику Главного военно-судного управления кн. А. К. Имеретинскому.

Самый состав комиссии (четыре великих князя, военный и морской министры, три генерал-адъютанта) показывает то значение, которое придавали уже тогда военные власти этому вопросу. Комиссия предложила ряд мероприятий, которые должны были охранять армию от проникновения в ее ряды вредных идей.

Улучшение материального положения офицеров, по мнению комиссии, должно было способствовать «развитию в чинах армии и флота любви к среде и возвышению довольствия своим положением». Обязательная организация офицерских собраний во всех войсковых частях и увеличение на эти цели «денежного из казны отпуска» даст, по мнению комиссии, возможность «постоянного за образом мыслей и нравственностью офицеров надзора как со стороны начальников, так и товарищей». Словом, путем подкупа правительство стремилось приобрести «благонадежность» офицерства.

---

[1]) См. ст. А. А. Шилова в сб. «Музей революции», 1923 г., ч. I. стр. 38—43.

[2]) Архив Госуд. совета, департамент законов, д. № 61 за 1879 г.

[1]) А. Георгиевский. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПБ. 1890 г., стр. 130.

Комиссия предложила также ходатайствовать о составлении в военном министерстве и обязательном введении каталога для полковых библиотек с тем, чтобы затем «не включенные в них или не рекомендованные циркулярами Главного штаба сочинения, журналы и газеты к выписке в войска были уже запрещены».

Все внимание военного министерства в этот период было сосредоточено на кадровом офицерстве, при посредстве которого власти рассчитывали держать в полном своем подчинении армейскую массу.

Но уже в конце XIX в. и особенно в начале 900-х гг. внимание приказов и циркуляров военного министерства, командующих округами, командиров армейских корпусов и начальников дивизий сосредоточивается на солдатской массе.

Вся история русской революции показала, что царскому правительству действительно удалось обеспечить себе надежную опору в офицерском составе армии, между тем как солдатская масса быстро революционизировалась. Подводя итоги революции 1905 года, Ленин писал: «Офицеры, за небольшим исключением, были тогда настроены или буржуазно-либерально, реформистски, или же прямо контрреволюционно. Рабочие и крестьяне в военной форме были душой восстания; движение стало народным»[1]). То же самое проявилось и в революции 1917 года, но уже в несравненно более широких размерах.

В деле революционно-социалистического воспитания армейской массы сыграла исключительную роль партия большевиков, которая широко развернула работу в армии еще накануне первой революции и не оставляла ее втечение всех последующих лет, вовлекая в создаваемые ею военные организации все новые и новые кадры армейской массы. Последняя и явилась верным союзником пролетариата в борьбе за свержение царизма, за уничтожение капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата.

Письмо военного министра П. С. Ванновского начальнику Главного военно-судного управления А. К. Имеретинскому 22 мая 1884 года[2]).

Весьма секретно.

Милостивый государь
князь Александр Константинович!

Расследование политических преступлений за последнее время обнаружило, что начиная с 1880—1881 г. усилия революционеров главным образом обратились на распространение противоправительственной пропаганды среди армии и в особенности среди офицерского ее состава.

Государь император не может допускать и мысли, что верная, непоколебимо преданная престолу и отечеству армия могла бы быть, какими бы то ни было усилиями, совращена с пути долга. Тем прискорбнее видеть однако, что легкомыслие, бесхарактерность и соединенное с ним забвение присяги вовлекли уже некоторое число офицеров армии в прикосновенность с революционной пропагандой, а слабость внутреннего надзора в некоторых отдельных,— к счастию, немногих,— частях допустила проявление преступной деятельности даже в форме образования офицерских противоправительственных кружков.

Армия должна быть безусловно ограждена от подобных явлений.

Если нарушение верноподданнического долга вообще преступно, то тем преступнее оно для офицеров, клятвенно обязывающихся верно и нелицемерно служить его величеству и охранять до последней капли крови все права императорского самодержавия. Справедливость требует, чтобы подобное нарушение долга и присяги военными чинами подлежало сугубой каре.

В этих видах, с высочайшего соизволения, приступлено к пересмотру военно-уголовных законов, дабы внести в оные соответственные наказания за нарушение присяги при совершении военнослужащими государственных преступлений. Для утверждения же самой присяги и более сознательного отношения к ней лиц, облекаемых офицерским званием, устанавливается, чтоб вновь производимые офицеры (независимо от присяги, приносимой ими при поступлении на службу вольноопределяющимися и юнкерами, в юношеском еще возрасте) приводились к присяге в своих войсковых частях при знамени, в присутствии начальника части, со всею тою обстановкою, какая принята ныне для нижних чинов. Пользуясь торжественностью сего акта, начальники частей должны выяснить молодым офицерам, насколько даваемое ими обещание связывает не только их службу, но и все их действия с честью и достоинством части и устанавливает неразрывную для всех носящих ее мундир ответственность их перед престолом.

Начальники частей тем строже и заботливее должны относиться к выполнению этой обязанности, что ответственность за направление подчиненных им офицеров неизбежно и прежде всего должна падать на них же — начальников.

[1]) Ленин. Сочинения, т. XII, стр. 334, т. XIX, стр. 351.

[2]) ЛОЦИА. Архив Главного военно-судного управления, 1884 г., д. № 21, лл. 29—30.

По самому духу военной организации начальник части есть прямой ответчик за своих подчиненных и не только в отношении служебной их исполнительности, но и соблюдения ими всецело верноподданнического долга. Впредь эта ответственность неминуемо будет постигать тех, кто слабостью внутреннего надзора допустит развитие в своей части пагубной пропаганды.

Путь для пресечения зла вполне в руках начальников и достаточно обеспечивается существующими законоположениями. Начальникам предоставлено непосредственное влияние на производство как унтер-офицеров, так и офицеров, а следовательно, и на весь офицерский состав части. Без удостоверения начальства никто не может быть повышен в чине; этим средством всегда можно освободить часть от неблагонадежных элементов. В случае же надобности следует прямо применять циркуляр 1862 года (секретно сообщенный главным начальникам войск), коим предписывалось «очистить войска от всех офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся, обнаруживающих нравственную испорченность и имеющих вредное влияние на товарищей и подчиненных, предлагая таковым вовсе оставить службу, а не переводить их из одной части в другую; о тех же из них, кои могут быть вредны и вне службы, сообщить конфиденциально военному министру для принятия мер к установлению за ними полицейского надзора».

Тем же циркуляром указывалось: молодых, легкомысленных офицеров, склонных к посторонним внушениям, предохранять от вредного товарищества, сближая их более со старшими, надежными офицерами и имея их под ближайшим наблюдением начальников. Всех вообще офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся, занимая службою, не оставлять в праздности, отвлекать их от сообщества с вредными слоями городского населения, особенно же там, где есть студенты, куда сосланы на житье политические преступники или люди, уже признанные неблагонадежными, а также от польских и других агитаторов; поддерживая во всей силе воинскую дисциплину, строго требовать от всех чинов как точного исполнения установленных правил службы и обязанностей каждого, так и внешнего чинопочитания и приличия, отнюдь не допуская того ложного начала, которое появилось в понятиях молодежи, будто вне строя могут быть забываемы все отношения подчиненности и старшинства; соблюдая предписанный уставами строгий порядок внутренней службы и порядок в казармах или местах расположения войск, не допускать посторонних людей в казармы и наблюдать, чтобы нижних чинов не завлекали в какие-либо сборища; строго следить за библиотеками как офицерскими, так и солдатскими, и преследовать хранение книг или рукописей недозволенных и вредных.

При неопустительном выполнении этих указаний большинство и не замеченных прискорбных случаев было бы, по всей вероятности, устранено, особенно, если начальственные лица поставили себе в обязанность относиться к делу не с формальной лишь стороны, а и с полным душевным участием, которого оно заслуживает.

Нельзя не иметь в виду, что состав наших офицеров за последние 20 лет заметно изменился. Лиц из достаточного или потомственного дворянства убавилось; в армию стали приливать элементы из среднего и низших классов, менее развитые, менее устойчивые в своих взглядах, менее воспитанные. Необходимо всеми мерами поднимать этот состав, заботясь не только о служебной подготовленности офицеров, но и о нравственном, военно-общественном их воспитании, о развитии в них сознания воинской чести.

Правительство, насколько возможно, стремится улучшить материальную обстановку офицеров: в 1881 году последовала прибавка им столовых и порционов; с прошлого года значительно расширен даровой прием детей офицеров в военно-учебные заведения; ныне разрабатываются правила, которые облегчат офицерам переезды по железным дорогам и доступы в театры; при первой возможности имеется в виду улучшить еще более положение ротных и эскадронных командиров; но и улучшить[1]) ряд подобных материальных мер, сколько бы они ни были существенны, не принесет надлежащих плодов нравственному возвышению офицеров, если войсковые начальники останутся к нему безучастливы.

Кажется, что кроме личного примера начальников лучшим путем для нравственного влияния на общество офицеров могли бы служить офицерские собрания. Военное министерство вошло уже с ходатайством об обеспечении всем войсковым частям даровых помещений для собраний и увеличении их средств, но извлечь из них всю пользу, ввести в них занятия, развлечения и обычаи, благотворно действующие на нравственное возвышение офицеров, это выходит уже из области предписаний и может быть достигнуто лишь умелою и душевною за-

[1]) Так в подлиннике.

ботливостью ближайших начальников. Позволяю себе питать твердую уверенность, что они не откажутся от этой заботливости и, насколько сами проникнуты высокими чувствами долга и чести, настолько же потщатся вкоренять и развивать их во всех своих подчиненных, чтоб и самые обычаи наших офицерских обществ вполне отвечали достоинству славной армии его величества.

В заключение не могу не остановиться и на следующем общем выводе.

Социально-революционная пропаганда с каждым годом делает все новые успехи, усиливаясь поколебать все государственные основы. С Запада зараза проникает и к нам, но здесь она встречает непреодолимый отпор в присущих русскому народу вере в бога и сердечной, безграничной преданности самодержавному царю. Еще превыше всех должна стоять в сих верованиях и чувствах наша армия, глубоко и убежденно сознавая, что только в них зиждется несокрушимая сила одоления всякого врага, спасение России от всяких бед и возвеличение могущества и благоденствия нашего дорогого отечества.

Примите уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Петр Ваншовский.

Сообщили *М. Ахун* и *Д. Зиневич*.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА «КРАСНЫЙ АРХИВ»

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения.— Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Воспоминания о «еврейской независимой рабочей партии». — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Некрасов и цензура.— Из неизданной переписки Н. А. Некрасова.— Достоевский о Пушкинских торжествах.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова.—Цензура и Л. Толстой.— Александр III о Л. Толстом.— К биографии В. Г. Короленко.— Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко.— Библиография.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.— Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Неизданные письма И. А. Гончарова. — Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому. — А. Мицкевич.— Из записной книжки архивиста: «Обуздание революционной деятельности столичной и провинциальной периодической печати 1906 г.» — С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.— Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.— Подкуп китайских сановников Ли Хун-чжана и Чжан Ин-хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову в 1910—1912 гг. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцова. — Бакунин перед австрийским судом. — М. А. Бакунин по отчетам III отделения. — К биографии Н. П. Огарева. — Из материалов о П. А. Лаврове. — А. И. Герцен и цензура в 1890 гг.— Прокламация Н. В. Шелгунова.— «Причина пожаров».— Письма С. Л. Перовской.— Воспоминания А. Г. Достоевской. — Из записной книжки архивиста: Завещание Николая I. — III отделение и Крымская война. — К биографии крестьянина П. А. Мартьянова.— К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских.— К каракозовскому процессу. — Судьба одной пародии Достоевского. — Бальзак в России. — Письма В. Гете. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Зарубежное издание писем быв. имп. Александры Федоровны.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.— Дневник А. А. Половцова.— Переписка В. Н. Коковцова с Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине.—

Отзвуки польского восстания 1863 г.— Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике.— Письма К. П. Победоносцева к Александру III.— Из материалов о Л. Н. Толстом.— Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову.— Два письма А. И. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет.— Из материалов о Ф. И. Тютчеве.— Из записной книжки архивиста: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда».— Достоевский в Твери.— Забастовка крепостных суконщиков.— В 50-х годах.— Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам.— Письмо Я. В. Стефановича к В. К. Плеве.— К истории манифеста 17 октября.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.— К истории убийства Гр. Распутина.— Материалы по истории живописи в России.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.).— Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции.— Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— Из записной книжки архивиста: Г. В. Плеханов и «шпионские забавы».— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.— В. Чернов в июльские дни.— Распутин в освещении охранки.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.— Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.— Из записной книжки архивиста: Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.— Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).—Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson».— Достоевский. «Преступление и наказание». (Материалы к роману.)— Омские события при Колчаке.— Из записной книжки архивиста: Неизданный манифест Исполнительного Комитета «Народной Воли».— Неизданные письма Л. Толстого Ислявиным и др.— Крепостной конституционалист в 1837 г.— Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль».

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.).— Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.).— Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот в ставке.— Омские события при Колчаке

(окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения. — Ф. М. Решетников и «Северная Пчела». — Неизданная сказка А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве. — В годы реакции. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. — Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г. — Пенсионная практика Временного правительства. — Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание). — Отражение событий 1905 г. за границей. — Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. — Крестьянское движение 1905 г. — Волнения во флоте в 1905 г. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Показания А. Д. Протопопова. — Октябрьский переворот и ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка.— Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг. — Из записной книжки архивиста: «План убийства» Вильгельма II. — Письмо Балашова к Столыпину. — Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 гг. — С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. — Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. — Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко, 2) записка В. Степанова. — Протоколы заседаний ЦИК СР и СД I созыва после Октября. — Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова. — Буташевич-Петрашевский в Сибири. — Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. — Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. — Из записной книжки архивиста: Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. думы. — К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен. — М. Корф в полемике с Герценом. — Стихотворение декабриста. — Песня декабриста. — Инструкции по Алексеевскому равелину. — Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. — Рептильный фонд 1914—1916 гг. — Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского. — 9 января 1905 г.— Проект манифеста о событиях 9 января.— Манифест 17 октября.— Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хроника вооруженной борьбы в 1905 г. — Аграрное движение 1905 г. по отчетам Дубасова и Пантелеева. — Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца «Потемкин Таврический», б) «Георгий Победоносец». — Прибалтийский край в 1905 г. — Движение в войсках на Дальнем Востоке. — Штурм Пресни. — Карательная экспедиция Римана. — Заем 1906 г. в донесениях русского посла.— Из записной книжки архивиста: Николай II в 1905 г. — Письма Николая II к Дубасову. — К убийству Н. Э. Баумана. — Подвиги барона Меллера-Закомельского. — К истории 9 января 1905 г. — Из бумаг Д. Ф. Трепова. — Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский.— Статья.— Восстание Черниговского полка.— Записка Н. И. Тургенева. — М. Ф. Орлов и 14 декабря. — «Практич. начала полит. экономии» Пе-

стеля. — К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным. — Заговор в Зерентуйском руднике.—Из записной книжки архивиста: П. И. Пестель.—«Конституция Госуд. завет».— Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г. — Солдаты Московского полка о 14 дек. 1825 г. — Казнь моряков-декабристов. — Из писем и записок В. Ф. Раевского. — О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов. — Месяцеслов на 1827 г. — Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание.— Бакунин в 40-е годы.— Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд. — Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова. — Новое о Нечаеве. — Автобиограф. заявление А. А. Квятковского. — Письмо Баранникова. — Аграрное движение в 1917 г. — К истории последних дней царского режима. — Из записной книжки архивиста: Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого.— Москва в марте 1881 г. — Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г.— Письмо ген. Буланже Александру III.— К истории манифеста 6 авг. 1905 г. — Хиромант Перен и русский министр.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Первая Балканская война.— Март — май 1917 г.— Февральская революция и европейские социалисты. — Гирш Леккерт и его покушение. — Из архива Щегловитова. — К истории «хождения в народ». — Новое о Нечаеве. — Имущественное положение декабристов.— Из записной книжки архивиста: Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. думы. — К истории аграрных мероприятий 1906 г. — Из писем ген. Левашова Куропаткину. — К истории покушения А. Ульянова и др. — Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома. — Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II. — Неопубликованные статьи Добролюбова.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. — Первая Балканская война (окончание). — Февральская революция и европейские социалисты (окончание). — Романовы и союзники в первые дни революции. — К истории восстания киргизов в 1916 г. — К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Госуд. думы. — Записки современника о 1861 г. — П. И. Пестель по письмам к нему родителей. — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Из записной книжки архивиста: О локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах. — Экономические перспективы франко-русского союза после мировой войны. — Письмо ген. Стесселя ген. Глазову. — Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностранных дипломатов. — Один из замыслов Ф. М. Достоевского. — Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении. — Революционная пропаганда в армии в в 1916—1917 гг. — Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. — Безобразовский кружок летом 1904 г. — К истории аграрной реформы Столыпина. — Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г.— Бакунин (новые материалы).— Отголоски декабрьского восстания 1825 г.— Из записной книжки архивиста: Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов.— К истории демонстрации-панихиды по убитым в с. Бездне в 1861 г.— Письмо Ф. Яцевича.— Донесение С. С. Татищева В. К. Плеве

в 1904 г. — Письма Медникова Спиридовичу. — Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым. — «Расстреливать или вешать». — Экспедиция ген. Иванова на Петроград.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. — Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину. — Китайская революция 1911 г. — К истории Ясского совещания. — Продуголь. — Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Марксистская периодическая печать (окончание). — Из записной книжки архивиста: А. И. Желябов в Александровске. — Первый транспорт литературы группы «Освобождение труда». — Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву. — Из черновых бумаг К. П. Победоносцева. — «Записка, достойная внимания». — ВЦИК в июльские дни 1917 г. — Учет департаментом полиции опыта 1905 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

К истории французской интервенции на юге России. — Англичане на Севере. — Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг. — Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 гг. — Дневник ген. Г. О. Рауха. — Записки Ф. А. Головина. — Письмо А. П. Щапова Александру II в 1861 г. — К истории «Земли и воли» 70-х гг. — Из показаний Н. И. Рысакова. — Из записной книжки архивиста: Из переписки С. М. Кравчинского. — Извещение о разгроме типографии в Саперном переулке. — Первомайские речи в Одессе в 1895 г. — Ответ «Рабочей газеты» (1898 г.) Г. В. Плеханову. — Два документа из истории зубатовщины. — 20 лет назад. — П. А. Столыпин и смертная казнь в 1908 г.

ДВАДЦАТЫЙ ТОМ.

Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. — Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Бухара в 1917 г. — Дневник Николая Романова. — «Работа» эсеров в 1918 г. — Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». — Письма Г. Ф. Здановича. — Из народовольческих автобиографических документов. — Из записной книжки архивиста: Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. — Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. — Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г. — Программа союза русского народа перед Февральской революцией.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова (продолжение). — Союз земельных собственников в 1917 г. — «Демократическое» правительство Грузии и английское домандование. — Начало врангелевщины. — Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. — Общество «Священной дружины». — Из записной книжки архивиста: Как буржуазия готовилась к Октябрю. — Письмо генерала Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину. — Подкуп «Нового времени» царским правительством. — «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. — Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — Ф. М. Достоевский — «член тайного общества».

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. (окончание). — Дневник Николая Романова. — Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. — Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.). — Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. —

Из записной книжки архивиста: Побег Ярослава Домбровского. — К истории «нечаевщины». — Л. Н. Толстой в Моск. архиве мин. юстиции. — Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Предисловие. — Июльские дни в Петрограде. — Московский военно-революционный комитет. — Октябрь на фронте. — Накануне перемирия. — Из дневника ген. В. Г. Болдырева.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Июльские дни в Петрограде (окончание). — Октябрь на фронте (окончание). — Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — Запрещенный рассказ В. Короленко. — Из записной книжки архивиста: Подготовка к наступлению на Петроград. — Романовы в первые дни революции.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. — Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена). — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Англо-русское соглашение о разделе Китая (1889 г.). — Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). — Из записной книжки архивиста: Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 г. — Эпизод из истории Балканской войны. — Солдатское письмо о «9 января». — Из истории иностранного капитала в России. — Синод в борьбе с революцией. — Перлюстрация писем в России в начале XIX в.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Ставка в министерство иностранных дел. — Аграрная политика Врангеля. — Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову. — Дневник А. А. Бобринского. — Вокруг смерти Н. Г. Чернышевского. — Из записной книжки архивиста: Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича. — Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. — Диспозиция «Комитета народного спасения». — Спиридович и его «История революционного движения в России».

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября. — Дневник Николая Романова (окончание). — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Бакунин и Дрезденское восстание. — Письма Ф. М. Достоевского. — Из записной книжки архивиста: Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. — Николай Романов и Финляндия. — Неизвестный отклик на процесс 193-х.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября (окончание). — Временное правительство и Учредительное собрание. — Крым в 1918—1919 гг. — Конец русско-японской войны. — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Из записной книжки архивиста: Из истории колчаковщины. — Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I. — Новое о Пушкине.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Автографы Н. Г. Чернышевского. — Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Крым в 1918—1919 гг. (окончание). — Временное правительство Автономной Сибири. — Неизданные записи Л. Тихомирова. — Н. Г. Чернышевский и III отделение. — Юлиан Мархлевский. — Из записной книжки архивиста: Французская военная миссия и карательные отряды особого назначения. — К характеристике Якова Стефановича. — К биографии Д. И. Писарева. — Новые материалы о Пушкине.

ТРИДЦАТЫЙ ТОМ.

60-летие М. Н. Покровского. — Ставка и министерство иностранных дел (окончание). — Из истории национальной политики Временного правительства. — Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым. — Переписка С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым. — «Исповедь» Григория Гольденберга. — Финал процесса 193-х. — Из записной книжки архивиста: Письмо Дмитрия Романова к отцу. — Разгром «Южно-русского рабочего союза». — Два письма С. И. Муравьева-Апостола.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. — Развал колчаковщины (из дневника В. Н. Пепеляева). — Борьба С. Ю. Витте с аграрной революцией. — П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. — Конституционные проекты 80-х гг. XIX в. — Московский адрес Александру II в 1870 г. — Новые пушкинские рукописи и материалы. — Поэма А. С. Пушкина «Монах». — Факсимиле первой песни поэмы А. С. Пушкина «Монах». — «Монах». Песня первая. — Из записной книжки архивиста: Автографы членов Уфимского совещания. — В церковных кругах перед революцией. — К истории освобождения Н. Г. Чернышевского. — Побег Сергея Дегаева. — Из истории борьбы с социалистическим движением в царской России. — Неопубликованное письмо А. И. Герцена.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. (окончание). — Февральская революция в Балтийском флоте. (Из дневника И. И. Ренгартена). — Из истории внешней политики правительства Врангеля. (Экономические отношения с Францией). — Мобилизация реакции в 1906 г. — «Монах». Поэма А. С. Пушкина. Песнь вторая и третья. — Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и французская пресса в 1911 г. — Русская металлопромышленность и международные тресты. — Из истории борьбы с революцией в 1905 г. — Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. — Апрельские дни 1917 г. в Петрограде. — Колчак и Финляндия. — Совещание губернаторов в 1916 г. — Из дневника А. А. Половцова (1877—1878 гг.). — Из записной книжки архивиста: «Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли». — Прокламация С. Г. Нечаева к студентам. — Ишутинцы в тюрьме и ссылке. — Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. (окончание). — Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Борьба со стачечным движением накануне ми-

ровой войны. — К истории интервенции в Сибири. — К истории возникновения мировой войны. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. — Из записной книжки архивиста: Александр III о «социалистической заразе». — В тылу «Вооруженных сил Юга России». — Стихотворная пародия на обвинительную речь Желиховского по делу 193-х. — Кн. П. В. Долгоруков и М. К. Элпидин. — Покушение Каракозова

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

В. М. Фриче. — Балтийский флот накануне Октября. — Временное правительство Автономной Сибири (окончание). — Из истории национальной политики царизма. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины (окончание). — «Союз 17 октября» в 1906 г. — Восстание в Бездне. — Из записной книжки архивиста: Николай Романов об убийстве П. А. Столыпина. — Тактика высшего командования в Февральскую революцию. — Л. Н. Толстой под ударами цензуры.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Из переписки В. А. Маклакова с Национальным Центром. — Временное правительство Автономной Сибири. — Из истории национальной политики царизма (окончание). — «Союз 17 октября» в 1906 г. (окончание). — К истории процесса 21. — Бездонинское восстание 1861 г. — Из записной книжки архивиста: Петербургское духовенство и 9 января. — Новые материалы о Л. Н. Толстом. — Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. — Из отголосков восстания декабристов.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ. 37(1929)

Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг. — Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. — К истории процесса 21 (продолжение). — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. — Из архива А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Приказ № 2. — № 2 рабочего листка «Зерно». — К биографии А. А. Красовского. — А. С. Пушкин под надзором полиции.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ.

«9 января» в Петербурге. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова.) — К истории процесса 21. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. (окончание). — Соединенные штаты в эпоху гражданской войны и Россия. — Из записной книжки архивиста: Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае. — Неопубликованное письмо Н. П. Огарева. — А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. — Новый рассказ о казни декабристов.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Врангелевщина. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) (продолжение). — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. — «Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова.) — К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др. — Из записной книжки архивиста: «Кровавое воскресенье» в Петербурге. — Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию.

СОРОКОВОЙ ТОМ.

Врангелевщина. — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. (окончание). — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова.) — «Князья церкви». (Из дневника

А. Н. Львова) (окончание). — Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: Вокруг 1 марта 1881 г. — С. Г. Нечаев и тульские оружейники.—К истории побега Ярослава Домбровского.

СОРОК ПЕРВЫЙ — СОРОК ВТОРОЙ ТОМ.

Россия и Алжезирасская конференция. — Февральская революция в Петрограде. (28 февраля — 1 марта 1917 г.) — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова.) — В штабе адм. Е. И. Алексеева. (Из дневников Е. А. Плансона.) — Из записной книжки архивиста: Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г.— «Красная гвардия» в Риге в 1906 г.— Николай Романов о революционном движении в армии в 1905—1906 гг.

СОРОК ТРЕТИЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Разгон II Государственной думы. — Из дневника Константина Романова. — К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма. Н. Д. Горемыкина.) — Из записной книжки архивиста: Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г. — Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г. — Н. Н. Романов и американская концессия на железную дорогу Сибирь — Аляска в 1905 г.

СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Керченские каменоломни в 1919 г. — Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции.— Из дневника Константина Романова (продолжение). — Из записной книжки архивиста: Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну. — Новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1906 г.— Из истории «идеологической» борьбы самодержавия с революционным движением в армии.— Письма рабочего П. А. Алексеева.

СОРОК ПЯТЫЙ ТОМ.

Парижская коммуна 1871 г. — Турецкая революция 1908—1909 гг. (окончание). — Из истории французской интервенции в Одессе.— Запрещенная цензурой статья М. Горького. — Записки А. Ф. Редигера о 1905 г. — Из дневника Константина Романова (окончание). — Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. — Из записной книжки архивиста: После первого марта 1881 г. — К истории суда над лейт. П. П. Шмидтом.— Письма В. В. Верещагина Николаю Романову в 1904 г.— Из истории либеральной общественности шестидесятых годов.

СОРОК ШЕСТОЙ ТОМ.

Дневник В. Н. Ламздорфа. — Кадеты в 1905—1906 гг. — Балтфлот в июльские дни 1917 г. — Из дневника А. А. Половцова. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1831 — 1832 гг. — Показания Ф. М. Достоевского (окончание). — Из записной книжки архивиста: Записка И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. — Неизвестный сатирик 60-х годов.

СОРОК СЕДЬМОЙ — СОРОК ВОСЬМОЙ ТОМ.

Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг. — Проект захвата Босфора в 1896 г. — Заграничное путешествие М. Н. Муравьева. — Польша и южно-русская контрреволюция.— Кадеты в 1905—1906 гг. (окончание). — Записки Н. М. Романова.—

Из записной книжки архивиста: Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны.

СОРОК ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Испанская революция 1873—1874 гг. — К истории разгрома вооруженных сил Колчака. — Записки Н. М. Романова. — Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и Свеаборгское восстание. — К истории эмиграции 1860-х годов.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. — К истории первой Гаагской конференции 1899 г.—Интервенция и северная контрреволюция.— Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.— Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг. — Из записной книжки архивиста: Из офицерских писем с фронта в 1917 г.— Чистка комсостава царской армии в 1906 г.

ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ТОМ.

Несколько документов из царских архивов о М. Н. Покровском.— Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке.— Северо-Американские Соединенные штаты и царская Россия в 90 гг. XIX в. — Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. (продолжение).— Из записной книжки архивиста: Письмо А. П. Морентейма о французской политике на Ближнем Востоке. — Из истории интеллигенции 60-х годов.

ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ТОМ.

Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны.— К истории Октябрьских дней в Петрограде. (Из материалов Петроградского военно-революционного комитета.) — Флот после Октябрьской победы. — Церковь и руссификация бурятомонгол при царизме.— Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов.— Из записной книжки архивиста: Из переписки С. М. и Н. М. Романовых в 1917 г.— Иностранная дипломатия о революции 1905 г.— Из истории рабочего движения в Караганде.— Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30—60 гг. XIX в.

ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ—ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ ТОМ.

Дневник П. Н. Милюкова.— Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г.— К истории Московского военно-революционного комитета.— Царское правительство и процесс Бейлиса.

ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ ТОМ.

Карл Маркс и царская цензура.— Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.— Англо-германское сближение в 1898 г.— Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. (продолжение).— Из записной книжки архивиста: Последние часы Временного правительства в 1917 г. — Забастовка на заводе Бромлей в 1903 г. — Романовы и железнодорожные концессии в 70-х годах XIX в.

ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Первомайские марки латышских большевиков в 1914 г.— Румынская Сигуранца. — К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комите-

ie. — Первая Государственная дума в Выборге. — К истории польского восстания 1863 г. — Из записной книжки архивиста: Июльские дни 1917 г. — Подложный манифест 1861 г.

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ ТОМ.

Русская «парламентская» делегация за границей в 1916 г. — Записка ген. А. М. Зайончковского о Добруджанской операции 1916 г. — К истории Потсдамского соглашения 1911 г. — М. Н. Катков и Александр III в 1886—1897 гг. — Большевизация фронта в предъиюльские дни 1917 г. — Московское студенчество и профессура накануне Февральской революции. — Из записной книжки архивиста: Печать в дни коренщины. — Рабочее движение на фабрике Кенига в 1917 г. — Из записок Ф. А. Голынина. — Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура.

ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

К истории созыва II съезда РСДРП. — Несколько документов о М. С. Ольминском из жандармских архивов. — П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. — Кадеты в дни Галицийского разгрома. 1915 г. — Из записной книжки архивиста: Письма П. Б. Струве С. Д. Сазонову в 1915 г.

ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ТОМ.

Испано-британский конфликт 1898—1899 гг. — Джизакское восстание 1916 г. — Из записок А. Ф. Редигера. — Царская цензура и жандармы о Кларе Цеткин. — Из записной книжки архивиста: Записки А. И. Козьмина (1917 г.). — Крестьяне о Брестском мире в 1918 г.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову. — Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. — Уфимское совещание и Временное сибирское правительство. — Из дневника Л. Тихомирова. — Из записной книжки архивиста: Из переписки царских сановников накануне войны и революции. — Царское правительство о проблеме проливов в 1898—1911 гг.

ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ТОМ. v62(1934

По ленинскому пути. — Десять лет назад (архивные документы к биографии В. И. Ленина). Казань и Самара. — Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». — Ссылка. — Период «Искры». — Второй съезд и раскол партии. — Революция 1905 г. — Эпоха реакции. — Начало подъема рабочего движения.

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ТОМ.

Накануне русско-японской войны. — Дневник Б. Никольского. — Некоторые даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова. — Обзор архивных материалов по истории фабрики «Красный Перекоп» (1722—1929 гг.). — Из записной книжки архивиста: Николай Романов об англо-бурской войне. — К биографии Л. Н. Толстого (1901—1902 гг.). — Из резолюций Николая Романова. — К истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х гг. XIX в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Накануне русско-японской войны. С предисловием *И. Ерухимовича* 3

Дневник Бориса Никольского (1905—1907 г.г.) С предисловием *Д. Заславского* 55

Некоторые даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова по документам Архива революции за 1885 — 1915 г.г. С предисловием *Я. Б.* 98

Обзор архивных материалов по истории фабрики „Красный Перекоп“ (1722—1929 г.г.) 106

Из записной книжки архивиста

Николай Романов об англо-бурской войне. С предисловием *З.* 124

К биографии Л. Н. Толстого (1901—1902 г.г.). С предисловием *Валериана Полянского* 126

Из резолюций Николая Романова. Сообщила *Г. Никольская* 130

Из истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х г.г. XIX в. Сообщили *М. Ахун* и *Д. Зиневич* 132

Ответственный редактор **Я. Берзин.**

Редакционная коллегия: **В. Максаков** (зам. отв. редактора), **В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.**

ПОДПИСЧИКИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ!

ВКЛЮЧАЙТЕСЬ В БОРЬБУ ЗА аккуратную доставку подписчикам печати!

ПОМОГАЙТЕ ПОЧТЕ НАЛАДИТЬ РАБОТУ ЕЕ АППАРАТА!

Если вам не доставляются или плохо доставляются газеты и журналы, требуйте от обслуживающего вас почтового учреждения аккуратной и своевременной доставки вам выписанных изданий.

ЗНАЙТЕ,

что по договору между издательствами и Народным комиссариатом связи все без исключения ПРЕДПРИЯТИЯ СВЯЗИ ОБЯЗАНЫ:

1. Расследовать и удовлетворять жалобы подписчиков на плохую доставку печати в 2-дневный срок.
2. Иметь и предъявлять по первому требованию подписчиков книгу жалоб на плохую доставку печати.
3. Вывесить на видном месте объявление о сроках доставки печати.
4. Полностью возвращать подписчикам подписные суммы за непринятую к выполнению подписку.

Примечание. По подписке, сданной аппарату КОГИЗа и непринятой к исполнению, подписные суммы возвращает КОГИЗ.

СОЦЭКГИЗ

Центральное общеиздательское бюро контроля за экспедированием и доставкой периодической печати. (Ц. Б. К.)